

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ
В ПСИХОЛОГИЮ!

ВОСПОМИНАНИЯ

С.И. Августевич

БИБЛИОТЕКА МАГИСТЕРСКОЙ ПРОГРАММЫ
«ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ПСИХОЛОГИЯ»
ФАКУЛЬТЕТА ПСИХОЛОГИИ СГУ
ИМЕНИ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

С.И. Августевич

Добро пожаловать в психологию!

Воспоминания

г. Саратов

2020

УДК 159.9

ББК 88

Редакционная коллегия:
д.психол.н., проф. Л.Н. Аксеновская,

Добро пожаловать в психологию! Воспоминания/ С.И.
Августевич. – Саратов: ИЦ «Наука», 2020. - 131 с.

ISBN 978-5-9999-3327-0

ISBN 978-5-9999-3327-0

Добро пожаловать в психологию!

Воспоминания

Что сказать мне о жизни? Что оказалась длинной.
Только с горем я чувствую солидарность.
Но пока мне рот не забили глиной,
из него раздаваться будет лишь благодарность.
Иосиф Бродский, 1980 г.

Мы живы в той мере, в какой оживляем других.
Мераб Мамардашвили

Жизнь вынуждает написать бестселлер...
Владимир Вишневский

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ВВЕДЕНИЕ	8
ЧАСТЬ I	10
НАЧАЛО. КРАТКАЯ СПРАВКА	10
ПОИСК ТЕМЫ	14
<i>В области организационной психологии</i>	14
<i>В области конструкторской деятельности</i>	18
<i>В области восприятия графической информации</i>	19
ОБРАЗОВАНИЕ И САМООБРАЗОВАНИЕ. КОНСУЛЬТАНТЫ И УЧИТЕЛЯ ..	22
РАБОТА НА КАФЕДРЕ ПСИХОЛОГИИ СГУ	39
ОСНОВНЫЕ ИДЕИ И СОДЕРЖАНИЕ СПЕЦКУРСА «ИССЛЕДОВАНИЕ ЗРИТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ»	46
РУКОВОДСТВО ДИПЛОМНЫМИ РАБОТАМИ	51
КРИЗИС ЖАНРА И ВЫХОД ИЗ НЕГО	53
ЧАСТЬ II	57
С КЕМ ПОЙТИ В РАЗВЕДКУ	57
О ЧЕМ, СОБСТВЕННО, РЕЧЬ? ЧТО ДЕЛАТЬ БУДЕМ?	66

ОТ НАС ЖДУТ ПРОЕКТ. (НАБОЛЕВШИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ).....	72
КАК ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ	76
ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ИНСТРУКЦИИ	86
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕМАТИКА	91
ЛАБОРАТОРИЯ И КАФЕДРА ПСИХОЛОГИИ СГУ	101
ДИССЕРТАЦИЯ И ЕЕ ЗАЩИТА	112
А ЧТО ПОТОМ?.....	122
ЛИТЕРАТУРА.....	128

Предисловие

Перед нами книга «Добро пожаловать в психологию! Воспоминания», которая включает в себя самые разные аспекты: автобиографический – историю жизни человека; профессиональный – историю становления конкретной профессии; и, наконец, культурно-исторический как описание того контекста, в котором происходило становление профессии психолога и разворачивалась профессиональная деятельность автора и его коллег. И именно этой многоаспектностью книга интересна и притягивает с первой страницы.

Автор книги – человек, сыгравший в моей жизни судьбоносную роль. Мой преподаватель, мой научный руководитель дипломной работы, мой старший товарищ, мой давний, настоящий, проверенный десятилетиями друг.

Я вспоминаю, как появился наш новый преподаватель первый раз на занятии. Спецкурс, который он должен был вести, назывался «Исследование зрительного восприятия». Мы, по обыкновению, завели толстую тетрадь для записей лекций. Здесь необходимо пояснить для современных студентов, располагающих разнообразными образовательными возможностями от печатных книг, имеющих в свободном доступе как в библиотеках, так и в книжных магазинах, до интернет-ресурсов, где можно легко и быстро найти любую информацию: когда учились мы (это конец 70-х – начало 80-х годов), литературы по психологии в книжных магазинах практически не было. (И интернета, напомним, в нашей стране не было тоже!). Мы ходили в читальный зал научной библиотеки университета и там конспектировали литературу, необходимую для подготовки к семинарам, зачетам и экзаменам. Особенно ценные и редкие книги выдавались в специальном отделе библиотеки. Книг не хватало, иногда приходилось ждать своей очереди на какую-то нужную книгу. Именно этими обстоятельствами объяснялось то, что нам приходилось как можно подробнее записывать лекции преподавателей, и на один предмет уходила обычно толстая тетрадь. В тетради, которую каждый из нас завел под новый спецкурс, было заполнено несколько листов. Новый преподаватель, наш замечательный Семен Иосифович, сразу стал готовить нас к практическим занятиям по проведению экспериментального исследования зрительного восприятия. Это было непривычно, необычно и очень здорово!

Мы разделились на небольшие исследовательские группы, в которых каждый из нас мог выступить попеременно в роли экспериментатора, супервизора, протоколиста. Мы сами планировали эксперимент, искали испытуемых, убеждали их принять участие в нашем исследовании, проводили его, составляли протоколы, анализировали результаты. Это был очень важный опыт самостоятельной научно-исследовательской деятельности. Интересный момент: поиск испытуемых, как я вспоминаю, мы осуществляли в уже упомянутом мною читальном зале библиотеки. Мы «отлавливали» знакомых и незнакомых студентов и привлекали их к нашей работе, отработывая таким образом еще и необходимые каждому психологу навыки убедительной коммуникации. Семен Иосифович был нашим главным консультантом и довольно беспощадным, честным критиком при обсуждении наших работ на занятиях.

Спецкурс пролетел довольно быстро, и мы больше не встречались с Семеном Иосифовичем как с преподавателем. Но мне выпала удача продолжить взаимодействие с Семеном Иосифовичем в рамках работы над дипломом. Я должна признаться, что мой научный руководитель был довольно жестким и требовательным. Он не терпел недисциплинированности, нарушения сроков и особенно лени. И это тоже для меня, по молодости, вольно относящейся ко времени и правилам, было хорошим профессиональным уроком. Но самое главное, что обеспечивал мой научный руководитель в нашем взаимодействии, – это свободу мысли, возможность – даже необходимость! – самостоятельных решений, ответственный подход к своим словам и действиям. Я очень многому научилась у моего умного, в высшей степени профессионального, открытого к размышлениям и обсуждению, харизматичного научного руководителя. Наше взаимодействие не закончилось успешной защитой на «отлично» моего диплома в далеком 1981 году; оно продолжается с того времени до сегодняшнего дня, меняя форматы, города и страны, обогащаясь опытом прожитой жизни, но не утрачивая своей значимости и важности, во всяком случае для меня.

Чтение этой книги дало мне возможность погрузиться в мою студенческую юность. С особым волнением я читала главу, в которой Семен Иосифович повествовал о жизни и деятельности нашей кафедры психологии, вспоминал людей, которые были нашими преподавателями. Мы учились в уникальной атмосфере, в которой не было формализма и безразличия. Мы чувствовали, что нас, студентов, любят, именно любят и отдают нам все то самое лучшее и ценное, что было у каждого преподавателя – знания, опыт, сердечность, понимание. Я помню, что никогда не боялась идти на зачеты или экзамены. Волновалась – да!, но не боялась. В атмосфере нашей кафедры не было

нагнетания страха, давления, принуждения. Студенчество запомнилось нам как удивительное творческое время, которое заложило в каждого из нас – убеждена, что мои однокурсники присоединятся к моим словам! – мощный личностный и профессиональный потенциал, позволивший найти свое место в профессии, определить свой жизненный путь и вектор развития.

На мой взгляд, особенно ценным в этой книге является описание – честное, не «причесанное» специально под читателя, откровенное, а потому, безусловно, вызывающее подлинный интерес – того пути профессионального и личностного роста, который прошел автор этой книги. И в этом описании содержится не только история жизни конкретного человека, но и история становления профессии психолога, науки психологии и такого ее прикладного направления как организационная психология. Семен Иосифович на страницах книги поделился своим исключительным опытом создания, практически с нуля, психологической лаборатории на конкретном предприятии, опытом проживания успехов и неизбежных неудач, анализом всех факторов, влияющих на процесс внедрения нового дела, – обстоятельств, условий, человеческих ресурсов. Мне кажется, каждому студенту и молодому специалисту, начинающему свою профессиональную деятельность, будет полезно ознакомиться с этими размышлениями. И опытному специалисту, возможно, переживающему «кризис жанра», как написал Семен Иосифович, будет интересна эта книга, содержащая бескомпромиссный анализ автором тех проблем и трудностей, которые редкий человек не переживает в своей профессиональной деятельности. Самое главное – в этой книге содержится пример их блестящего преодоления.

Я хочу выразить искреннюю благодарность автору Августевичу Семену Иосифовичу за эту книгу: за радость, волнение и даже слезы, когда вспоминала далекие лица преподавателей нашей кафедры; за раздумья над проблемными ситуациями, которые постоянно предлагает автор; за любопытные, неизвестные факты из истории нашей профессии; за интересную уникальную человеческую судьбу – судьбу моего Учителя и Друга.

*А.В. Погодина,
кандидат психологических наук,
заведующая кафедрой психологии управления МГППУ (Москва)*

Введение

О чем этот текст?

Сейчас, когда работа окончена, я думаю, он о самоопределении. О путях и результатах выбора жизненного, и, в первую очередь, профессионального пути в определенных условиях и с учетом личностных особенностей автора.

Но когда я начинал его писать, мне казалось, что я пишу просто воспоминания.

Оказалось, что "просто" воспоминаний не бывает

Выяснилось, что воспоминания, прежде всего, не самый точный и достоверный документ. В них полно субъективных оценок, неточностей, ошибок. Да что там – полно! Они целиком состоят именно из этого, из субъективных оценок, неточностей и ошибок. Представьте: вот объект, а вокруг него субъекты, наблюдатели, свидетели. Один – видит его мужественной профилем, другой – растерянное лицо, третий... Даже не хочется обсуждать, что там видит третий. Если бы все видели одно, это была фотография, факт, источник. Воспоминаниям вообще нельзя ни в чем доверять. В самом деле, прошло 40 лет, помилуйте, разве упомнишь все, что было? Тем более, что время от времени себя одергиваешь: не надо так откровенно... Не потому, что не знаешь точно, а потому, что нужно сохранить приличия: ведь многих нет меж нас, а об ушедших из жизни – не принято говорить дурное. Наконец, есть еще одна важная особенность воспоминаний, – вариативность их восприятия. Наверняка, кто-то увидит в них автора в таком свете, а другой – в ином. Хорошо длине окружности: к ее формуле все относятся одинаково. Иное дело отношение к каким-нибудь Табуреткину или Скамейкину. Кто-то меня похвалит за то, что вспомнил этих лавочников, но найдутся такие, что и осудят. И с этим ничего поделать невозможно.

Так может быть, вообще они не нужны, эти воспоминания? Нет, нет, конечно, нужны. Даже будучи неточными, они, тем не менее, передают дух эпохи, рассказывают о конкретном времени. Будучи односторонними, хоть об одной стороне прошедшего они же все-таки более или менее достоверно свидетельствуют. Может быть, даже в таком неточном виде они кому-то пригодятся. Вот, ведь наряду с эталоном метра, изготовленном из платины, который хранится под стеклом в самой надежной лаборатории мира, в Париже, есть тысячи

портняжных сантиметров изготовленных из клеенки, сделанных в Китае. Да, они не точны, но трусы для дачи с их помощью вполне можно пошить.

В конце концов, есть законы жанра. Подобно тому, как в басне звери говорят о морали, в воспоминаниях – автор, даже самокритичный, хотя бы время от времени, но хвалит себя. Конечно, если не отвлекается на своих современников.

Поэтому, воспоминания – пусть будут.

Тем более, что у воспоминаний есть еще одна особенность. Они затрагивают не только события и обстоятельства, но и путь реализации действия и деятельности. Тут читателя могут встретить приятные находки. Ведь на пути от идеи или решения, которые запускают действия или деятельность, до результата этой деятельности (или действия) есть непременно этап мыслительной работы, изобилующий находками, пробами, ошибками, а может быть, и открытиями. То есть там присутствует все то, что составляет существо опыта.

Ценность опыта не поддается описанию. В основном он нарабатывается человеком самостоятельно, путем проб и ошибок, поощрений и наказаний. Но некоторый опыт передается. Правда, сложнее, чем вирус. И в основном – через обучение. Опыт позволяет понять суть явления, поскольку меняет точку видения проблемы, углубляет понимание сути явления. Тот, кто не понимает этого – счастливый человек. Он уверен, что машина едет потому, что водитель нажал педаль. Но те, кто понимает роль опыта и в состоянии оценить чужой опыт и даже использовать его, тот намного более счастлив. Образно говоря, он понимает, что машина едет, потому что в ней есть мотор, и он даже знает, что мотор собой представляет, а не только, где он находится. Хотя, в жизни, и тот, и другой, бывает, приезжают в назначенное время по указанному адресу и не заморачиваются философией.

К чему это я все? К тому, что помимо рассказа о событиях и людях, в тексте есть пара-тройка мыслей, которые, по-моему не скромному мнению, могут сократить кому-то путь к результату, помочь в каких-то психологических делах.

Если так, я буду этому очень рад.

Но в любом случае, успехов вам, читатели!

И будьте счастливы!

ЧАСТЬ I

Начало

Краткая справка.

Ты кто такой?

Здесь каждый хочет обратить на себя внимание.

А кто сидит, скучает — давай, до свидания.

Автор не известен

Мой путь в психологию был нестандартным, и, мне кажется, небесполезным. Я пришел в нее не со школьной скамьи, а уже достаточно взрослым человеком, после окончания техникума, технического вуза, располагая опытом производственной, руководящей и научной работы. Пришел не для решения своих личностных проблем, а в ходе целенаправленного поиска практического применения знаний этой удивительной науки. Для меня годы моего профессионального становления в психологии были бесконечно интересными, наполненными мыслями, открытиями и деятельностью. Надеюсь, тем, кто был рядом со мной, мое соседство не было скучным. А, может быть, даже и полезным.

Социологи уверяют, что для большинства людей каждые семь лет составляют законченную главу жизни. Что касается меня, это правило действует с почти математической точностью. Период, о котором я хочу рассказать, занял почти 15 лет. Из них первые примерно 7 лет были годами моего профессионального становления. А следующие годы отличались результативной деятельностью. И те, и другие годы были поучительны. Поэтому, думаю, рассказ о них может быть информационно полезен. Хотя, кого и когда учил чему-то чужой опыт? Однако, попробуем.

Я родился в конце 1937 года в Саратове, в семье рабочего. Отец мой, Иосиф Семенович Августевич (1894 – 1974), родился в г. Николаевске (Пугачёв), Саратовской обл., был рабочим всю свою жизнь, с 13 лет. В 1916 году был ранен на фронте в Галиции, прихрамывал. Я был третьим сыном. Старший брат, 1924 года рождения, работал на Саратовском авиационном заводе, имел бронь, но пошел добровольцем в армию, окончил Саратовское танковое училище,

погиб на фронте в апреле 1944 г. Средний, 1926 года, тоже успел немного поработать. Но в свое время окончил исторический факультет Саратовского университета и после защиты кандидатской в Ленинграде, в Герценовском педагогическом, большую часть жизни проработал в Белгородском педагогическом институте на кафедре педагогики. Разрыв в 12 лет не способствовал нашему сближению, каждый жил своей жизнью, тепло относясь к другому. Содержательно общаться нам захотелось, когда мне стало сорок, а ему – за пятьдесят.

Учился я в школе № 19, одной из лучших (может быть, самой лучшей?) школе Саратова, но в классе – последнем в потоке. То есть не в "А" и не в "Б", а в "Е" или "Ж" – не помню точно. Это наложило соответствующий отпечаток, отношения со школой у меня не сложились. Хотя в памяти осталось несколько прекрасных учителей и легендарный директор Павел Акимович Ерохин, которого за глаза звали "Полкан". И Валентин Дмитриевич Мягков, преподававший русский язык и литературу. И до боли милая англичанка, с которой я так и не успел подружиться. Но читал я много, пугающе много, и потом это где-то, как-то, в чем-то сказалось. По первому образованию я техник-механик по экзотической специальности – электровакуумное машиностроение. Это из области создания станков и механизмов для производства радио- и телевизионных электроламп. Ведь это было время, когда самый маленький радиоприемник был размером "с коробку из под ксерокса". Окончил широко известный в Саратове электромеханический техникум им. П.Н. Яблочкова, который славился тем, что давал крепкие знания и рабочие навыки, обеспечивающие быстрый профессиональный рост на производстве. В это трудно поверить, но на первом курсе у нас была кузнечная практика, а в параллельной группе варили чугун. Наши преподаватели с гордостью говорили, что большую часть инженерных должностей на саратовских заводах занимали выпускники нашего техникума. Дополнительно к программе мы занимались производственным конструированием. Моя действующая модель вакуумного насоса для полива и внесения питательных жидкостей была представлена на выставке технического творчества.

Однако поработать по специальности не удалось. Через полтора месяца после окончания техникума, в августе 1956 года я был призван в армию. Служил в Калининградской области артиллеристом-зенитчиком в пехотном полку. Службу закончил сержантом летом 1959 года. Во время службы экстерном окончил среднюю школу и сдал экзамены на Аттестат зрелости. Мечтал пойти в гуманитарии. Будучи во время службы проездом через Москву, зашел даже на журфак МГУ, выяснить возможность поступления. Но там мне в двух словах объяснили, что к чему. Зато школьные экзамены облегчили поступление в институт, хотя

выбор свой я ограничил той же специальностью, которую имел: электровакуумное машиностроение. Но вот работать я пошел в авиационное приборостроение. Дело в том, что уже во время вступительных экзаменов стало известно, что на смену электролампам пришли полупроводники, а это означало полное перепрофилирование отрасли. Авиация же казалась в те годы гораздо живучей, стабильной, чуть ли не вечной.

Августович Семён Иосифович, показав-
ший отличное время по преодолению
полосы препятствий

*Советская Армия. Фотография из стенной газеты. Сентябрь 1956 г.
Преодоление препятствий стало моей главной специальностью.*

Организация называлась Конструкторское бюро приборов автоматики. В нем я проработал около четырех лет, с 1959 по 1964 годы. Там меня окружали опытные инженеры, конструкторы, эрудированные физики-электронщики. За эти годы я получил хорошую практику, побывал на многих заводах отрасли, участвовал в передаче технической документации изготовителю, в разборе споров и конфликтов конструкторов, технологов и изготовителей. Это был ценный опыт производственных коммуникаций, отстаивания своих позиций. Все было хорошо, за исключением зарплаты и жилищных перспектив. Это вынудило меня искать новую работу.

Так я стал главным инженером учебно-производственного предприятия, которому предстояло перепрофилироваться на выпуск промышленных люминесцентных светильников. Контингент тут был простой, с техническим образованием я был один. Но зато вокруг были большие умельцы, "рукастые" мастера, способные наладить работу прессов, станков и конвейер сборки.

Эта работа заняла около четырех лет. Причем последний год я был главным инженером объединения нескольких подобных предприятий. Зарплата вполне сносная, да и работа не была сложной, но я тяготился ею, в первую очередь, отсутствием инженерного окружения. Хотелось не технического администрирования, а инженерного творчества. И в 1968 году я пришел в Научно-исследовательский технологический институт (НИТИ) Минавиапрома, который создавался в Саратове на базе приборо- и агрегатостроительных предприятий города. В нем оказалось много знакомых мне людей еще по первому месту работы.

Начинать пришлось практически с нуля. Меня приняли на три-четыре ступени ниже прежней должности – старшим инженером. Но я был уверен, что скоро вернусь на прежний уровень. Как сказал кадровик: «Если сможешь, дорастешь окладом, а не сможешь – уйдешь».

В технических аспектах я был уверен, что смогу. Но в научном? Тут у меня не было опыта. Эту сферу мне предстояло еще освоить. Отдел, в который я поступил, занимался оценкой и анализом подготовки производства. Ведущий сектор (иногда его называли лаборатория) в этом отделе, где я стал непосредственно трудиться, оценивал новые разработки с точки зрения готовности заводов-изготовителей к решению новых технологических операций. В задачу этого подразделения входила также оценка сложности конструкции в изготовлении, то есть, ее технологичность. Многолетний производственный опыт говорил, что конфликт между конструктором и изготовителем неизбежен. Если отставить в сторону философию, то конструктор говорит: «Надо сделать именно так и никак иначе». А

изготовитель говорит: «Вот именно "так" мы сделать не можем. Измените конструкцию, снимите высокие требования к точности и к качеству, тогда мы справимся». Наш НИТИ в этом споре выступал в роли третейского судьи, поддерживая одну из сторон. А для этого нам надо было разобраться в конструкции и понять возможности изготовителя. Проще говоря, надо было перелистать гору чертежей и документов, чтобы понять, о чем идет речь, и каково решение этой проблемы. А потом съездить на завод–изготовитель, чтобы оценить его возможности и пути их расширения.

Казалось, здесь чисто техническая задача. Но при внимательном обсуждении выяснилось, что проблема – психологическая. Одно из звеньев этой проблемы – чтение чертежей – область зрительного восприятия и пространственных мыслительных операций. А другое – организационно-психологическое, связанное с решением многих, в первую очередь, конфликтных задач управления (тогда слово менеджмент не употребляли) и ролевых проблем. Но по порядку.

Поиски темы

Найти себя – это найти других.

Найти других – это найти себя

М. Якерсон

В области организационной психологии

Итак, я вошел в коллектив Научно–исследовательского института. И мне надо было как можно быстрее доказать своим коллегам, что я могу быть им полезен. Для этого, рассуждал я, нужно опираться на знания и навыки, которым я располагаю. В первую очередь, это организация производства и труда, распределение задач и организация контроля их выполнения. Я углубился в специальную литературу и нашел много полезного в книгах по так называемой Научной организации труда (НОТ).

*Научно-исследовательский технологический институт.
Фото с Доски почета. 1975 г.*

Выяснилось, что НОТ концентрировал свое внимание преимущественно на рабочих местах. Что касалось организации деятельности коллектива, то здесь анализировались, главным образом, социальные и управленческие проблемы, преимущественно в их психологическом контексте.

Мне казалось, что поскольку известны цели деятельности подразделений, можно было бы исследовать, как в реальности эти цели достигаются, как складываются человеческие отношения, какова роль и состав управленческих действий руководителя, какое место в них занимает его опыт и стиль деятельности, а также, как развиваются и решаются конфликты внутри коллектива и между коллективами. Это направление исследовательской работы мне казалось наиболее подходящим для реализации. Однако необходимо было выяснить, как отнесутся к этой работе, к этой теме, к процессу сбора материала мои непосредственные руководители. Важно было понять, как видят эти направления работ руководители Института и отрасли, считают ли они

их приоритетными. В плановой экономике работы по совершенствованию управления также должны соответствовать идеологии и также должны планироваться.

С первых шагов в этом направлении выяснилось, что для инженерного коллектива, для экономистов среднего звена, не знакомых с методиками социально–психологического, а, тем более, психологического исследования, подобные работы казались сродни публичному стриптизу. В практике тех лет обсуждение стиля, методов, содержания производственных отношений возможно было только для низовых руководителей. Анализ деятельности руководства от начальника цеха и выше был табуирован. При обсуждении этой темы я слышал такие рассуждения.

– То есть, ты будешь рассказывать на конференции или в отраслевом журнале, как работает, например, директор нашего Института? Как работают его заместители, руководители подразделений? Или ты будешь изучать, как руководят на предприятиях, куда ты будешь приезжать, директор и главный инженер? А потом где-то (ГДЕ?) публиковать это? И на всю отрасль, на всю страну ты расскажешь, как наш Константин Андреевич проводит техсовет? Ты вообще понимаешь, что ты предлагаешь? Кто тебе это позволит?

Никакие доводы о полезности таких работ для других руководителей, об анонимности исследования эти люди во внимание не принимали. Они были напуганы услышанным и резко охлаждали отношения со мной после даже весьма предварительных и осторожных разговоров. В таких условиях мне самому казалось невозможной разработка этого направления.

Заместитель директора Института по науке в разговоре со мной был более конкретен и более откровенен.

– Мы ждем от научной работы по организации производства практического результата. Например, предложите прогрессивное диспетчирование, проект улучшения условий труда, покажите, как это скажется положительно на экономике, конкретно, в рублях. Если это будет абстрактно «хорошо» и «красиво», то мы это не поддержим. Если результатом твоей работы будет философия, общие слова о прекрасном, о пользе мытья рук перед едой, то такая работа нам не нужна. Более того, такая работа, я считаю, вредна. Она уводит от главной задачи – повышения технологической эффективности. Работа должна снижать стоимость изделия или позволять получить новый технический параметр. В других случаях работа не нужна. В управлении мы сами видим сильные и слабые стороны, нам не нужны советчики и подсказчики. Если мы поступаем иначе, не так, как диктует

логика или учебник, значит, таковы обстоятельства. Их публично обсуждать мы не будем, – так он подвел итог разговора.

Несмотря на кажущуюся категоричность отказа, я видел, что тема организационной психологической составляющей его интересует. И на заводах отрасли к этой теме был интерес. Но на дворе стояло начало 1970–х годов. Общество хоть и ждало перемен, но еще не было к ним готово. Эти ожидания переносились и на производственные отношения. Позже я не раз возвращался к этой теме. Поэтому тогда я ограничился несколькими публикациями, которые отражали мое осмысление положения вещей и опирались на ситуации, описанные в литературе [1; 2; 6; 7]. Хотя статьи не содержали ничего принципиально нового, они демонстрировали готовность работать в этом направлении. Я старался вовлечь моих коллег в подготовку и обсуждение этого направления работ, этих публикаций. Они подписывали статьи, не всегда понимая смысла этого творческого аванса. Ни один из них в дальнейшем не воспользовался этими возможностями. А жаль, вместе мы могли бы двигаться вперед быстрее и эффективнее, если бы поддерживали друг друга

Обобщая результаты моих шагов по изучению деятельности руководителя и совершенствованию управления, я сделал для себя несколько выводов.

Первый и главный из них заключался в том, что работу в этом направлении можно проводить лишь при поддержке вышестоящего руководителя. Вообще всякое социальное, организационное и, тем более, психологическое исследование стилевых личностных особенностей в системе управления надо заранее согласовывать с руководителем и получать от него ясное и недвусмысленное разрешение на эту работу. Иначе может сложиться ситуация, когда такая исследовательская деятельность воспринимается как сбор компромата.

В идеале, именно руководитель должен поставить исследовательскую задачу. И хорошо бы, чтобы психолог имел возможность помогать руководителю готовить такое решение. Тогда у психолога будет ясное понимание, где границы его вторжения в жизнь организации. Такое видение проблемы существенно помогло мне в дальнейшей работе.

Второй вывод заключался в том, что инструментарий исследования организации (и) управления не стоит ограничивать какими-то рамками, то есть, проводить эту работу только определенными методами и методиками. Напротив, чем шире будет арсенал инструментов, тем более глубоким будет исследование. Грубо говоря, крайне недостаточно рассказать руководителю, что он блондин или брюнет, флегматик или сангвиник. Надо показать, как это связано

с особенностью его работы, взаимодействию с людьми, стилем, формой и методами коммуникаций, с множеством других характеристик. Понятно, что более глубокое исследование будет более полезно и эффективно.

И еще. Не только методы, но и литература, и авторы применяемых инструментов и методов должны быть известны объектам исследования. А если не известны, то должны быть представлены руководителю. Подобно тому, как исследователь гордится именами своих учителей и дипломами учебных заведений, которые он окончил, так он должен с гордостью демонстрировать те источники, к чьей помощи прибегает.

В области конструкторской деятельности

Другим направлением моих исследований стали объекты конструкторской деятельности. То есть, те приборы и конструкции, которые были разработаны в конструкторских бюро отрасли и передавались на заводы для серийного изготовления. На первый взгляд, это выглядит анекдотично: ведь какую-то конструкцию, прибор или устройство, разработала, как говорится, не артель инвалидов, а специализированное конструкторское бюро, и это изделие в принципе устраивает заказчика. И завод-изготовитель, в принципе, готов это изделие принять для серийного выпуска. Но тут НИТИ, вроде как бы сторонняя в этом случае организация, говорит:

- Минуточку, а давайте эту конструкцию изменим.
- Зачем? Почему?
- А она может быть сделана лучше (или проще или приводится еще какой-то аргумент).

В действительности такие случаи встречаются очень часто, причина в самой природе авиастроения. Когда потребность в новой конструкции возникает остро, сиюминутно, делается какая-то самоделка, которая потом, когда изделие принято, получает право на жизнь. Но уже первые попытки подсказать конструкторам новые решения упирались в необходимость организовывать дополнительные исследования надежности, создавать комиссии, согласовывать требования и заниматься прочей деятельностью, не свойственной технологическому институту. Очевидно, что такая работа должна происходить у разработчика, он к ней подготовлен. Любая конструкция многократно согласовывается с заказчиком, и вторжение в нее со стороны технологов нарушает «распределение ролей».

Например, когда мы пытались организовать исследование особенностей восприятия информации на индикаторных приборах в полетной обстановке, выяснилась интересная ситуация. Оказалось,

летчики знают о недостатках прибора, но не будут улучшать его, а в новых изделиях просто заменят всю систему индикации. И в этой новой конструкции «плохой» прибор вообще не будет представлен! Короче: технологический институт – не место, где обсуждают функции конструкции. Здесь думают, как **заводы** будут делать этот прибор. А какой он должен быть, – решают **разработчики**.

Тем не менее, память сохранила несколько моих публикаций в этом направлении [3; 4; 5].

В области восприятия графической информации

Это направление исследований с позиции значения для отрасли было самое невыигрышное. Как правило, инженеры умеют читать чертежи, а если – нет, то обучение чтению чертежей – дело не производства, а школы и/или технического вуза. Но конкретно для нашей лаборатории чтение чертежей было ежедневной работой, и, конечно, ее хотелось как-то упорядочить, по возможности интеллектуально облегчить. Это была такая частная задача отдельного небольшого подразделения.

К проблеме чтения чертежей я пришел в ходе знакомства с работами по психологии восприятия. Именно там утверждалось, что восприятие графической информации связано с пространственным мышлением. И тогда стало понятно: регистрация движения взгляда может обнаружить некоторые психологические операции. Конкретно к идее регистрации действий, связанных со зрительным восприятием, меня привели сборник «Восприятие и действие» (1966) под редакцией А.В. Запорожца и книга «Формирование зрительного образа» В.П. Зинченко и Н.Ю. Вергилеса (1970). Поскольку обе они были связаны с именем Владимира Петровича Зинченко, именно с ним я поспешил поделиться своими мыслями. Идея моя была чрезвычайно проста – надо использовать давно известный метод «луча зрения»: графический объект закрывается непрозрачным экраном, в котором имеется небольшое окно. Для разглядывания объекта надо перемещать этот экран. А запись движения экрана, точнее, зоны наблюдения, покажет, на что было направлено внимание наблюдателя.

Казалось бы, задача была чисто техническая – перевести движение взгляда в легко регистрируемое движение руки. На самом деле, здесь возникало много вопросов именно психологического смысла. Например, движение руки направляет взор или взор направляет руку? Или: как отделить движения, направленные на формирование образа от движений, сопровождающих другие операции; какие это операции и каково их место в формировании зрительного образа?

Понимание сложности явления вынудило меня искать литературу и соответствующие консультации. С этого момента началось мое целевое и углубленное психологическое образование и самообразование. Но первым формальным толчком была встреча с Владимиром Петровичем Зинченко. В то время он начал заведовать кафедрой инженерной психологии на психологическом факультете МГУ и стал руководить отделом эргономики во Всесоюзном научно-исследовательском институте технической эстетики (ВНИИТЭ), который располагался на территории ВДНХ. Помню, как легко и свободно я шел на встречу с ним. По нескончаемым аллеям ВДНХ кружил тополиный пух. Мне казалось, что сейчас обсудим и решатся все проблемы, все станет ясно. Я рассчитывал на полное понимание. Почему? Вероятно, эту уверенность мне дал доброжелательный и заинтересованный телефонный разговор с ним, состоявшийся накануне.

Владимира Петровича я нашел в его отделе. Он взял сигарету, мы вышли в холл. И прежде, чем сигарета догорела, он сказал:

– Я понял. Мне это интересно. Это пересекается с нашими работами по формированию зрительного образа. Пишите статью. Не откладывайте. Надо, чтобы она была у меня до конца каникул, то есть к сентябрю, тогда она войдет в сборник по зрительному восприятию. Важно, чтобы она была в этом сборнике.

Новую сигарету Зинченко закуривать не стал. А я остался огуленный этим предложением. Опубликоваться в московском психологическом сборнике! У самого В.П. Зинченко! Мне это показалось невероятной удачей. Но как я напишу статью в психологический сборник?

Статья [11] действительно вошла в этот сборник. Она стала моей первой публикацией по теме будущей кандидатской диссертации. Но до защиты этой диссертации прошло более 10 лет работы в области психологии, заполненных моим психологическим самообразованием и обучением, изучением психологии, преподаванием психологии. А главное, использование психологии для дальнейшей работы в прикладной сфере.. Публикация сравнительно большой (более 10 страниц), обстоятельной статьи в серьезном научном сборнике создавала для меня новую ситуацию. Это были не просто размышления дилетанта, а документальное исследование движения поля видения в ходе эксперимента по решению зрительной задачи. Аналогичные записи В.П. Зинченко и Н.Ю. Вергилес получали в уникальных экспериментах. А предлагаемую мной методику мог воспроизвести любой исследователь на любом материале в простейших условиях. Моя методика меняла мой статус и в НИТИ. Подобно работникам других отделов, я предлагал конкретное и, вместе с тем, предельно простое устройство для решения определенных конструкторских задач.

Адекватность этой методики подтверждал сам факт публикации в профессиональном издании, и в дальнейшем, я надеялся, научной диссертацией. Это было вполне конкретно, с инженерной точки зрения, это было лучше, чем описывать психологические особенности работы конструктора или руководителя; как считали коллеги-инженеры, подобные описания могли быть интересны только гуманитариям, но не производственным практикам.

Что же нового было в этой статье?

Там было подробно изложена суть применения масок, ограничивающих поле видения объектов, изображенных на плоскости, и рассказано, как и чем отличается от них предлагаемая нами маска. Детально описано, как сделать такую маску, ограничивающую поле видения, и как в ней сделать переходную зону от поля ясного видения к непрозрачной зоне, чтобы эта переходная зона повторяла снижение чувствительности глаза от центра к периферии.

А в конце статьи в качестве примера были приведены записи маршрутов движения ограниченного поля видения разных размеров при прохождении лабиринта. Среди тех исследователей, которые тогда изучали зрительное восприятие (В.П.Зинченко, Б.Ф. Ломов, Н.Ю. Вергилес и др.) лабиринтные задачи были излюбленной иллюстрацией движения взора по объекту, наглядно объясняющей процесс и замещающей тонны слов. Я взял эту иллюстрацию из упомянутой выше книги "Восприятие и действие". А ранее она была приведена В.П. Зинченко в "Вопросах психологии", № 6, 1956 г. Там было показано, что маршруты решения лабиринтной задачи при значительном ограничении поля видения напоминали как бы постоянно ощупывающее, медленное, осторожное движение по коридору лабиринта, чтобы не пропустить поворот. Но по мере увеличения размеров поля, его движение становилось смелым, скользящим, быстрым, летучим. А главное – оно сильно напоминало движение свободного взора, записанное с помощью уникальных, но не безопасных для глаз присосок конструкции Н.Ю. Вергилеса. Для тех, кто был в теме, наглядное сопоставление этих маршрутов, их очевидная идентичность, говорили о многом. Как минимум о том, что найден иной способ изучать движение взора, когда он управляется рукой, как это происходит, например, во многих (тогда известных) прицелах. Важно отметить, что в этой статье говорилось об использовании масок, ограничивающих поле видения, а не прибора, в котором используется такая маска. Позднее, я подробно описал, что собой представляет этот прибор. Он получил название **визокинограф**, что отражает его назначение, принцип действия и методические возможности (визо - смотрю, кино - двигаю, графо - пишу). Для разных экспериментов использовались визокинографы разных конструкций. Их

принципиальное устройство было описано мною в журнале "Вопросы психологии" №4, 1982 г. [18].

Образование и самообразование. Консультанты и учителя

Были отвергаем, но зато – какими...

В. Вишневецкий

Предложение В.П. Зинченко подготовить статью для публикации хоть и застало меня врасплох, но некоторый задел для этого у меня уже был. Понимая, что без соответствующей подготовки погружаться в проблему чтения чертежа, вообще в восприятие графической информации, не верно, я усиленно искал соответствующую литературу.

* * *

Как известно, эффективность поиска во многом зависит от точности первых шагов. Мне повезло, первая работа, которую я основательно проштудировал, во многом предопределила дальнейшие шаги. Это была **книга Б.Ф. Ломова «Человек и техника»** (издательство "Советское радио", 1966 г.).

Фактически она была одной из первых в стране работ, освещающих проблемы новой научной отрасли – инженерной психологии. В ней были описаны характеристики человека, определяющие его взаимодействие с машиной. И описаны эксперименты, позволяющие получить количественные значения этих характеристик. А также были описаны психические процессы и структуры трудовых действий. Главное, что меня сближало с книгой, в ней обсуждались принципы конструирования индикационных устройств и органов управления, вытекающие из особенностей психической деятельности человека. То есть рассматривались проблемы согласования конструктивных особенностей машин с характеристиками человека, управляющего ими. Именно на это я обращал особое внимание в своих ранних статьях. Книга Б.Ф. Ломова не только познакомила меня с актуальными проблемами современной психологии, но и обогатила опытом решения этих проблем. Кстати, по этой книге я написал реферат для экзамена кандидатского минимума по философии. Меня восхитило, как практически без какого-то специального экзотического оборудования, силами, как мне казалось, студентов и преподавателей психологического факультета

Ленинградского госуниверситета были эффективно проведены исследования по восприятию знаковой и пространственно-ориентированной информации. Результаты этих исследований затем легли в основу базовых нормативов различимости знаков в зависимости от их конструкции и угловых размеров. О ценности этой книги говорит факт ее переиздания через 46 лет, в 2012 году.

Но лично для меня эта работа была больше, чем хорошая, нужная или полезная книга. Намного больше!

Во-первых, она показала, что моя текущая работа, производственное окружение и личные возможности могут быть использованы для повышения квалификации. Да, надо будет углубиться в некую новую область знаний. Но я готов к этому. Я практически все понимаю, о чем говорит автор. Мне это кажется доступным. И что важно, мне это интересно. Аналогичные исследования я вполне мог бы провести в своей лаборатории, это не разрушило бы привычную жизнь, не нарушило бы сложившиеся связи и отношения на работе. Я принял книгу, сразу всю и навсегда. Это был чистой воды импринтинг, безраздельное одномоментное полной принятие всего, что содержалось в книге. Но воспринималось не как догма, закон, а как программа действий. Я воспринял ее как пропедевтику, то есть как систематически изложенный вводный курс экспериментальной части инженерной психологии.

Говоря сегодняшним языком, я полностью контролировал ситуацию. Я понимал ее не как состояние акцентуации, а как лишь временное усложнение жизни, типа беременности или счастливой женитьбы. Мне казалось, надо как можно быстрее получить новое знание, сориентироваться в проблеме, познакомиться с литературой, найти школу и руководителя.

Я резко ограничил круг чтения исключительно психологией. В первую очередь внимание отдавалось учебникам, методической литературе. Это была попытка получить профессиональное психологическое образование самостоятельно. Использовал каждую возможность посидеть с книгой, порыться в библиотеках, воодушевлялся встречами с известными в психологическом мире работами Б.М. Теплова, А.А. Смирнова, А.Р. Лурия, А.В. Петровского. Но особо я искал встречи и знакомства с людьми, которым я мог объяснить свои мысли, а среди них, тех, кто мог меня понять. Таких, к сожалению, было немного и каждая такая встреча запоминалась.

* * *

Чтобы быть полезным своему НИТИ, я ограничил свои интересы чтением графической информации. Но найти такие работы, оказалось

не простой задачей. Выяснилось, что студента, инженера учат, как создавать чертеж. Но не учат, как его читать. Не учат мысленным представлениям в пространстве образов отдельных деталей и узлов, манипулированию этими образами. А ведь эти мыслительные задачи составляют основу конструкторской деятельности. С большой благодарностью вспоминаю **Александра Давидовича Ботвинникова**, автора многих методических пособий и учебников черчения для средней школы и системы профтехучилищ, которые продолжают издаваться до настоящего времени! (Например, А.Д.Ботвинников и др. Черчение. 9 класс, Издательство: АСТ, 2019 г.). Я сам еще в 1960-е годы преподавал черчение по его учебникам в школах рабочей молодежи, куда пошел, будучи инженером, чтобы получить педагогическую практику. При знакомстве с ним я опирался на его работу, написанную в соавторстве с Б.Ф. Ломовым. Помню, меня вдохновило, что психолог, занимающийся инженерной психологией, обращается к техническому чертежу, как к материалу, представляющему систему специальным образом закодированной информации.

* * *

Однако в школьных учебниках по черчению не было ответов на мои вопросы. И я обратился к материалам психолога **Товия Васильевича Кудрявцева**, который тогда работал в области технического творчества учащихся профтехучилищ.

В начале 1970х годов в отечественной психологии наметились попытки выделить техническое мышление как отдельную психологическую структуру. Т.В. Кудрявцев возражал против такого подхода, и этим был мне близок и симпатичен. Он считал, что человек не рождается с природно развитым техническим (или, добавим от себя, медицинским, литературным, военным и прочим) мышлением. Подвижность нервных процессов, интеллект, комбинаторика и другие качества личности, а, главное, обстоятельства, вынуждают человека заняться медициной, техникой или военным делом, формируют приемы и методы, способствующие той или иной конкретной деятельности. Мышление едино, и в нем не могут быть выделены какие-то отдельные операции, например, технический анализ. Своеобразие технического мышления заложено не в виде отдельных операций, а в специфике структуры мыслительной деятельности. Поэтому психолог, по его мнению, должен хорошо знать предметное содержание изучаемой деятельности. Следуя этой мысли, Товий Васильевич, будучи уже кандидатом наук, пошел на завод работать токарем, сохраняя в тайне свое научное имя. Так он собирал материал для своей докторской

диссертации. В психологии его имя широко известно по монографии **«Психология технического мышления. Процесс и способы решения технических задач» (1975)**. Т.В. Кудрявцев посоветовал мне показать свои соображения и наблюдения в области конструкторской деятельности своему соавтору по книге **«Развитие технического мышления учащихся» (1964)** – **И.С. Якиманской**, которая занималась близкой тематикой в НИИ общей педагогической психологии АПН. Она работала тогда над своей докторской диссертацией и мои опыты и идеи могли бы быть ей интересны.

* * *

Рассматривая проблемы развития пространственного мышления и его роль в различных видах учебной и трудовой деятельности, **Ираида Сергеевна Якиманская** исследовала создание пространственных образов в ходе овладения графической деятельностью, особо уделяя внимание возрастным и индивидуальным различиям пространственного мышления.

Якиманской мои наблюдения особенностей деятельности профессиональных конструкторов, которые были выявлены в ходе непосредственного наблюдения за их работой, а также в ходе анализа технологичности созданных ими конструкций, показались интересными. Позже она отметила их в своей монографии **"Развитие пространственного мышления школьников" (1980)**. Одни лучше справлялись с созданием оригинальных конструкций путем комбинации уже имеющихся элементов, а другие преобразовывали свои же конструкции под новые задачи. Эти особенности деятельности носят устойчивый характер и проявляются на разных этапах работы. Одни начинают конструирование с самого трудного звена, другие – отрабатывают конструкции последовательно, звено за звеном. Для одних свойственно стремление к детализации, для других – укрупнение форм и т.д. (стр. 212–213). Ее интерес к этим наблюдениям меня, конечно, вдохновил и окрылил. Позже я подробно описал эти свои наблюдения в публикациях [6; 7; 8]

Ираида Сергеевна считала, что знания, полученные мною, надо упорядочить, формализовать и процессуально закрепить, например, в диссертации. А для этого надо найти научного руководителя и окончить у него аспирантуру. У меня сохранилось одно из ее писем, которое я с благодарностью берегу.

Уважаемый Семен Иосифович!

Правда с опозданием, ибо женский день давно прошел, я все-таки выполнила свое обещание, данное Вам: прочла Вашу работу. Что могу

сказать о ней? Выполнена она (и описана), я бы сказала, тщательно, с вдохновением. Предложенный Вами метод в техническом своем решении хотя и имеет свои преимущества перед уже имеющимися, но ничего принципиально нового (в смысле раскрытия дополнительных источников для изучения движения глаза, ранее не регистрируемых), не содержит. Он упрощает технику дела, не изменяя его сути. И в этом смысле я склонна, пожалуй, разделить точку зрения В.П. Зинченко.

Вместе с тем, работа, выполненная Вами, свидетельствует о том, что Вы имеете интерес к психологии и безусловно можете быть ей полезны, но для этого надо правильно выбрать тему, исходя из задач, нерешенных (или недостаточно изученных) в психологии. Мне кажется, что Вам следовало бы попытаться поступить в аспирантуру НИИ психологии, получить научного руководителя, который, зная «изнутри» нужды и проблемы психологии, смог бы направить Ваш интерес и симпатии к ней ей же на пользу (и Вам тоже).

Якиманская. 31 марта 1972 года

P.S. Черкните, как поступить мне с Вашим рефератом, переслать Вам обратно, или пусть лежит пока у меня.

Сейчас Ираида Сергеевна – известный ученый, профессор, действительный член Международной педагогической академии и Нью-Йоркской академии наук. Ее научные интересы и сегодня связаны с ориентацией на индивидуальность личности, например, "Технология личностно-ориентированного образования" (2000). Я шлю ей слова благодарности за ту поддержку, помощь и сочувствие, которые она оказала мне в далекие 1970-е годы. У нее за плечами была кандидатская диссертация на тему «Восприятие и понимание учащимися геометрического чертежа...» (1959), и она могла понять психологические проблемы моих исследований.

В докторской диссертации, которую она тогда писала, «Развитие пространственного мышления школьников», было показано, что в основе этого вида мышления лежит создание пространственного образа и мысленное оперирование им. Это было близко нашему пониманию психологического содержания процесса чтения чертежа, как создание образа объекта. Именно она посоветовала мне рассматривать чтение чертежа как способ взаимодействия со знаковой системой, и, соответственно, ориентироваться не на педагогическую, а на инженерную психологию. Что и привело меня, в конечном счете, к Владимиру Петровичу Зинченко.

* * *

Но об этом чуть позже. А сейчас я хотел сказать о роли саратовских психологов в моем профессиональном становлении. Среди них я в первую очередь **должен и хочу назвать Ивана Владимировича Страхова и Владимира Ивановича Страхова.**

Как получилось, что мои контакты с психологами начались с Москвы, а не с Саратова? В этом не было никакого умысла или расчета. Так случилось, что авторы книг, которые я тогда читал, были москвичи. В поисках авторов я, естественно, кинулся в Москву. Но однажды столичный автор, чью консультацию я собирался получить (имя называть не буду), в сильном раздражении сказал:

– А почему вы ищете консультации в Москве? У вас там, в Саратове, есть свой авторитет – профессор Страхов. Вы обсуждали с ним свои проблемы? Вы вообще знакомы с ним? Знаете его? Читали его работы?

Меня эта реплика сильно смутила. Я знал, что в Саратовском педагогическом институте есть кафедра психологии. Но по своей наивной необразованности думал, что она занимается исключительно учебным процессом, и там в моих проблемах мне не помогут.

Иван Владимирович Страхов назначил мне встречу на кафедре. Я пришел в Педагогический институт впервые, пришел раньше времени, чтобы осмотреться и понять, как и чем живет такой институт и тамошние психологи. Помню, я был поражен кабинетом психологии, точнее, аудиторией, в которой проходили занятия по психологии. Тщательно оформленные стенды рассказывали о сути психологических процессов, об именах выдающихся психологов и их трудах. Особо меня поразил стенд, где были представлены статьи и монографии сотрудников кафедры, их было много. Я понял, что, фактически, основ психологии я не знал, вообще не подозревал об их существовании, что я вторгся в эту своеобразную научную дисциплину не с того входа, не с базиса. Что настоящая школа психологии находится здесь, а я знакомился лишь с прикладными ее направлениями.

Было от чего загрустить.

Но Иван Владимирович проявил ко мне уважительное отношение. Он говорил со мной о научных работах, которые проходят на кафедре, обстоятельно рассказал о своих последних публикациях и предложил почитать издания трудов кафедры. Конечно, он видел, что я смущен, что многое мне в новинку, что я говорю не о психологии, а об инженерных проблемах. Тем не менее, проявляя тактичность, он ни разу не заставил меня обнаружить свое незнание психологии. Более того, как глава Саратовского отделения Общества психологов СССР, он предложил мне войти в эту организацию, принять участие в ближайшей

конференции и опубликовать тезисы своего будущего доклада. Что я позже и делал [9; 10].

В отличие от москвичей, он не говорил таких слов, как аспирантура, министерство, прикрепление, ведущая организация. Он говорил примерно так: – «Сейчас я занимаюсь проблемой внутренней речи. Я исследую, как связан образ литературного героя с его внутренней речью. Вы знаете, есть интересные находки. Выяснилось, что...». Фактически он экспромтом читал мне, совершенно незнакомому человеку, такой своеобразный микро обзор своих последних исследований. Удивительная, уникальная манера общения! Но в какой-то степени она свойственна многим творческим людям. Слушая его, я думал, как мне бесконечно повезло, что встретил такого удивительного человека. А ведь мы могли разминуться, если бы я не зашел в эту комнату и не познакомился с этим невысоким, пожилым, на вид утомленным, скромным человеком, который говорил, казалось бы, тихо, но его было удивительно ясно, отчетливо слышно.

Позже я узнал, что многие ведущие преподаватели психологии пединститута и университета были в свое время аспирантами Ивана Владимировича, его студентами. Для них он на всю жизнь оставался учителем, образцом профессионализма, наставником, который учил, как надо работать в науке. Я завидовал им.

Иван Владимирович Страхов на кафедре психологии Саратовского педагогического института. 1960-е гг.

Знакомство с профессором И.В. Страховым заставило меня скорректировать приоритеты в психологии. Я понял, что рядом со мной находятся люди, получившие серьезное базовое образование и прошедшие хорошую школу. И мне надо учиться этой науке, и учиться у них. Чтение работ Ивана Владимировича давало пример логической ясности в исследовании и изложении материала. Это рождало стремление подойти к материалу системно, помогало формировать свой индивидуальный творческий почерк. Научное наследие И.В. Страхова огромно. Более 200 статей и монографий. Встречая его работы, я каждый раз жалел, что не прочел их раньше, быть может, я бы тогда избежал многих ошибок. Меня восхищали исследовательские находки профессора. Например, анализируя творчество Л.Н. Толстого, Иван Владимирович заметил, что его герои курят, когда совершают поступки, противоречащие морали и нравственности. И чем серьезнее их проступок, тем больше и чаще курят эти люди. Под впечатлением этого пассажа я сделал для себя простой вывод, который во многом помог мне в дальнейшем: есть психологи, которые занимаются человеком, а есть те, которые занимаются психологическими процессами. Все они имеют право на творчество, все равны. Но первые, наверное, понимают человека глубже. Может быть, именно поэтому к эпохальной работе Ивана Владимировича «Л.Н. Толстой как психолог» я обращался не раз, перечитывая ее в разные периоды жизни, находя в ней всякий раз множество полезных мыслей.

С сыном И.В. Страхова – **Владимиром Ивановичем Страховым** – я познакомился после того, как узнал, что он только что закончил большую работу по исследованию внимания в рисовании. Это направление мне казалось сродни черчению. Но я тогда не мог связать, как соприкасаются чтение чертежа (процесс как бы "обратный" черчению) и внимание, хотя интуитивно чувствовал связь этих процессов. Владимир Иванович, как исследователь, долго работал над проблемами внимания, и я всегда восхищался, насколько глубоко и всесторонне он изучал эту тему, наблюдая динамику сосредоточения на последовательных мыслительных или действенных задачах в разных сферах учебной, трудовой, спортивной, педагогической деятельности.

В.И. Страхов был не на много старше меня, и поэтому его успехи казались мне достижимыми, как жизненный пример. Я постоянно искал общения с ним, учился у него психологии, жизни, спорту. Все долгие годы нашего знакомства и дружбы он был для меня примером фантастической работоспособности, умения организовать, планировать свою жизнь, ставить перед собой конкретные цели и добиваться их реализации. Я ходил к нему на лекции, читал его работы, слушал его выступления, учился у него писать научные статьи, работать со

студентами, строить отношения с коллегами, а также учился у него бегу и велоспорту. Он никогда не был дидактичен, я ни разу не слышал от него нотаций, выговоров, нравоучений. В оценках и суждениях он всегда был прям и конкретен. Мне с ним было просто, понятно и легко еще и потому, что сам никогда не считал, что кто-то должен решать мои проблемы. И надеялся, что Владимир Иванович думал также.

В ходе велопробега Саратов – Волгоград. В.И. Страхов – слева. 1978 г.

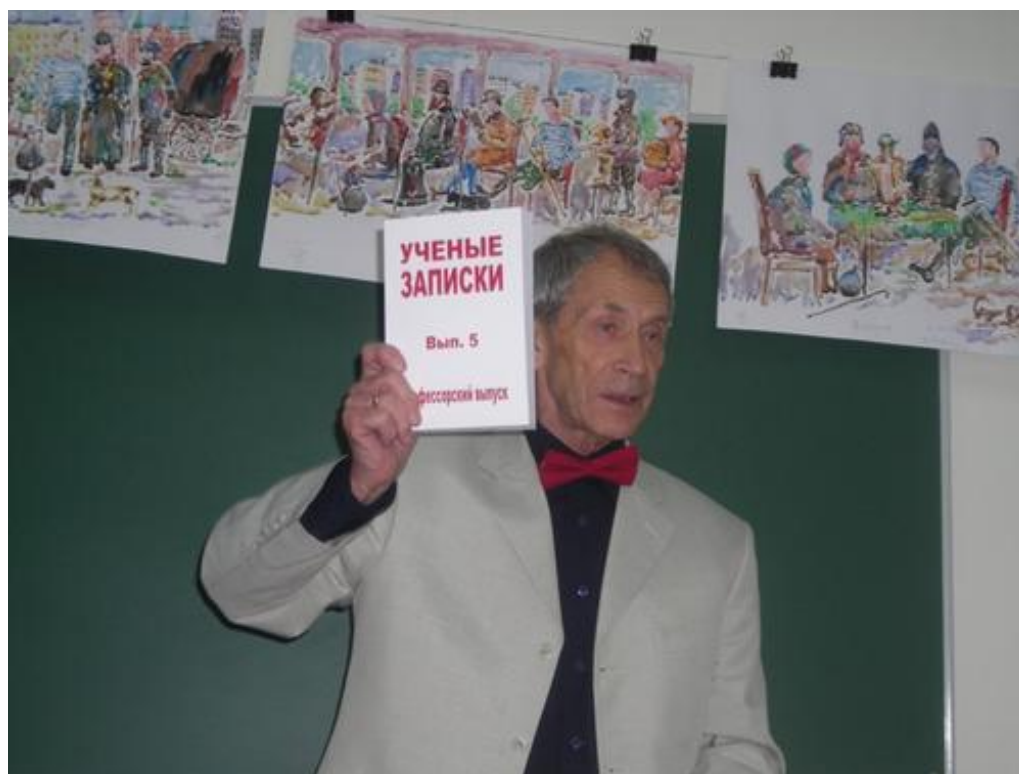
Тематически мои психологические опыты были ему ясны и понятны. В своих работах Владимир Иванович рассматривал внимание как последовательное сосредоточение на определенных задачах, связанных с целью деятельности или диктуемых ею. Это было близко моим мыслям о чтении чертежа как последовательном решении визуальных и/или интеллектуальных задач пространственного понимания изображенного объекта. Но он был уже сложившийся психолог, кандидат наук, получивший фундаментальное базовое психологическое образование. Он мог точно и ясно описать наблюдаемое явление. А я лишь осваивал алфавит и логику профессии. Но я продолжал читать психологическую литературу, и с каждым разом мне становилось проще говорить о психологическом содержании деятельности и действий, которые наблюдал и описывал.

Без преувеличения можно сказать, что Владимир Иванович был моим наставником в психологии. В спорте таких называют играющий тренер. То есть тот, который учит не только наставлениями и инструкциями, а еще и своим личным примером.

Интересная деталь. В.И. Страхов, как человек предельно деятельностный, при встрече всегда говорил о том, что он сделал за последнее время, как будто отчитывался, рапортовал. Это было непривычно, "прикольно", как сказали бы сейчас, но сильно мобилизовывало. Никакой пустой болтовни, незначимых разговоров на пустые темы. Только по делу, исключительно конкретно, четко и ясно. Примерно так:

– Что-то давно вас не было видно. Я за это время довел утреннюю пробежку до полутора часов. Отослал в пять адресов различные тезисы по психологии внимания и отдал в печать статью в кафедральный сборник. Кстати, очередная конференция нашего Саратовского общества психологов состоится в конце сентября. Если хотите выступить там с докладом, тезисы надо сдать до 15 числа.

Разве можно было после такого приветствия сказать в ответ: – А я все это время лежал на печи, мечтал о небесных кренделях? Знакомство и дружба с таким человеком обязывали ко многому.

Владимир Иванович Страхов в день своего 80-летия (СГУ). 2012 г.

* * *

Самым знаменательным событием тех лет стала встреча и знакомство с **Владимиром Петровичем Зинченко**. В те годы он уже был известным психологом. Его имя связывали с нарождавшейся тогда инженерной психологией – наукой, призванной обслуживать передовые

технологии, предполагавшие взаимодействие человека и техники. О себе тех лет он рассказывал примерно так.

– После защиты докторской диссертации я серьезно думал о том, чтобы заняться "психологией развития". Обсуждал эту мысль с А. В. Запорожцем, которого всю жизнь считал своим научным руководителем, чьим мнением очень дорожил. И несколько раз приходил с этой мыслью к А.Н. Леонтьеву – декану факультета психологии МГУ. С предложением открыть соответствующую кафедру. Но тот был как-то неопределенен. И в это время неожиданно пришло приглашение от военного ведомства, которое я принял, хотя А.В. Запорожец резко был против. Но я "сыграл в ящик" – то есть пошел работать в "почтовый ящик" – так назывались тогда учреждения, работающие по оборонной тематике. С моей подачи на факультете стали создаваться вначале творческие группы, которые затем стали основой кафедры инженерной психологии. А я эту кафедру возглавил.

В.П. Зинченко (справа) и В.В. Рубцов, ректор Московского городского психолого-педагогического университета.

Инженерная психология тесно соприкасалась с эргономикой, которая обосновывала и регламентировала технические и физиологические параметры рабочих мест. Отсюда его параллельная работа в НИИ технической эстетики (ВНИИТЭ).

По личной инициативе и с его личным участием на русский язык были переведены и широко изданы научные работы крупнейших зарубежных, в первую очередь, американских психологов и физиологов, работающих в сфере инженерной психологии. Это был

фантастический прорыв. Публиковались также и работы отечественных исследователей. Ранее я называл члена–корреспондента АПН, доктора психологии, профессора Б.Ф. Ломова, работающего в Ленинграде. Но размах работ В.П. Зинченко был, мне казалось, шире, и он, несомненно, не был в этом дуэте вторым. В классической психологии имя В.П. Зинченко и его научное творчество были тесно связаны с «Харьковской психологической школой», отстаивающей системно-деятельностный подход, где ведущими исследователями были его отец, Петр Иванович Зинченко и А.В. Запорожец. Выразителем главной идеи отечественной психологии считал работы Л.С. Выготского. Эрудиция Зинченко была потрясающей. Он видел психическое в каждом кадре окружающей повседневности, хорошо знал литературу и искусство, но выделял и ценил в них, в первую очередь, высокий психотизм, полагая, что эстетическая часть также однозначно психологична.

Владимир Петрович был замечательный оратор. Я был свидетелем, когда весь факультет – это не преувеличение, не метафора – действительно ВЕСЬ, приходил слушать его публичные лекции. Двери в аудиторию распахивались настежь, и люди в абсолютной тишине заполняли весь коридор.

*Владимир Зинченко и Мераб Мамардашвили. Обсуждение совместной статьи
"Проблема объективного метода в психологии"
Факультет психологии МГУ 1977 г.*

Меня привлекли работы В.П. Зинченко, где убедительно было подтверждено, что зрительный образ формируется благодаря

движениям глаз. Подобно тому, как образ предметного мира формируется у ребенка исследовательскими, ознакомительными, измерительными и другими движениями руки (см. кандидатскую диссертацию В.П. Зинченко).

Я понимал, что предложив мне опубликоваться в его сборнике, он выдал мне серьезный аванс. Но чтобы двигаться дальше, мне необходимо было получить от него какие-то рекомендации. С другой стороны, я не мог прийти к нему с вопросом: как мне написать диссертацию? Я был уверен, что в общих чертах я должен был решить это сам, а он – лишь утвердить это решение. Короче: мне необходимо было с ним поговорить, но я был не уверен, что смогу как-то заинтересовать его как диссертант – научного руководителя. К тому же, он работал с большим перегрузом, месяцами я не мог застать его на месте даже по телефону. И тогда я решил поступить к нему в аспирантуру. В очную аспирантуру.

Я пришел с этой мыслью на факультет психологии МГУ, но там мне сказали, что они хотели бы видеть в аспирантуре своих выпускников. Тогда я пошел в аспирантуру ВНИИТЭ, и у меня приняли документы! Я написал вступительный реферат, указав в нем несколько своих статей, а главное – публикацию в сборнике В.П. Зинченко. И получил приглашение на вступительный экзамен. Когда меня пригласили отвечать перед комиссией, изумлению Зинченко не было границ. Но он себя не выдал, слушал, удивленно поднимая брови, но сам не спрашивал. После экзамена все абитуриенты ждали объявления результатов, но меня пригласили перед этим зайти к комиссии еще раз.

Владимир Петрович сказал:

– Послушайте. Мнения членов комиссии разделились. И мы хотели бы уточнить: вы собираетесь поступать именно в очную или все-таки в заочную аспирантуру? Поясню. Здесь все взрослые люди, и знают, что количество мест в аспирантуре ограничено. Поэтому о будущих зачислениях принято договариваться заранее. Если мы вас примем, то кто-то из абитуриентов сегодня не пройдет, потому что вы сдавали экзамен лучше, а значит, договоренности будут нарушены, и у нас будут сложности. Вот мы хотели бы понять, насколько это неизбежно. С другой стороны, вы же не москвич, как вы здесь устроитесь? Конечно, вы не пропадете, найдете и жилье, и работу, но у вас не останется времени на учебу, на подготовку диссертации. Если вы уйдете, не выдержав, то получится, что сейчас мы кому-то откажем зря.

Мы предлагаем следующее. Ставим вам заслуженную оценку, а вы идете на заочную аспирантуру. Не бросайте в своем Саратове работу, не меняйте свой уклад жизни. Пишите диссертацию, у вас задел уж есть. Я остаюсь вашим руководителем.

Прав ли я был, не знаю, но я принял это предложение. Оно не отменяло мои приезды в Москву, встречи с интересными авторами, посещение открытых лекций, конференций, семинаров. Я и раньше во время своих частых командировок посещал психфак МГУ и НИИ психологии, с большим воодушевлением ходил на различные научные собрания, заседания и защиты, пропитываясь профессиональной атмосферой. Но больше всего мне было интересно принимать участие в экспериментах в качестве испытуемого. Это давало редкую школу знакомства с исследованием как бы изнутри, знакомства с аппаратными методиками, с будущими коллегами. Я смотрел на студентов и, тем более, на аспирантов, как на счастливчиков, и не понимал, когда они ворчали, что не могут по полгода встретиться со своим руководителем. У меня, надеялся, все будет по-другому. Короче, я вождедел аспирантуру, и вот моя мечта сбылась.

Уже потом я узнал, что В.П. Зинченко сам прошел через заочную аспирантуру. Будучи студентом-выпускником, на последних экзаменах он получил тройку по "марксизму", а это был своеобразный сигнал о неблагонадежности. У него тут же отобрали рекомендацию в очную аспирантуру. И хотя гениальный А.Р. Лурия ходатайствовал за него, изменить решение не удалось. Шуточки типа «Материя – это объективная реальность, данная Богом нам в ощущении» в те времена не прощали.

С Владимиром Петровичем Зинченко я активно контактировал в период с 1970 по 1983 годы, встречался с ним эпизодически до 2011 года. Не переставал удивляться и восхищаться его высокой меркой, с которой он подходил к научным и нравственным проблемам в психологии. Запомнилось, как в начале нашего знакомства он сказал: "В жизни – меня интересует многое, но, главным образом, психология. В психологии – меня интересуют только работа и результат". Сегодня в Интернете сохранилось много записей его публичных выступлений. Много! Среди них я выделяю две. Одна, где он обсуждает среди высококолых коллег жизнь и работу своего родного психфака МГУ, воздавая именитым персонам по гамбургскому счету. Вторая – рассуждения "О душе", – на Первом канале в передаче Гордона, когда тот был еще вполне приличным.

Боюсь, что масштаб В.П. может быть недооценен, поэтому приведу его формальную биографическую справку.

Зинченко Владимир Петрович (1931 - 2014) — российский психолог, специалист в области общей, когнитивной, инженерной и экспериментальной психологии, эргономике, теории и методологии психологии, психологии развития. Один из создателей отечественной инженерной психологии. Автор концепции перцептивных действий (совм. с А.В. Запорожцем), концепции микроструктурного анализа когнитивных

процессов. Д-р психологических наук (1967), профессор (1968). Чл.-кор. АПН СССР (1974). Вице-президент Общества психологов СССР (1968—1983). Зам. председателя Центра наук о человеке при Президиуме АН СССР (1989). Поч. чл. Американской академии искусств и наук (1989). Действ. чл. РАО (с 1992). Академик-секретарь Отделения психологии и возрастной физиологии РАО (1992—1997). Чл. Президиума и председатель Экспертного Совета по психологии и педагогике ВАК (1995—2000). С 2001 — действ. член. Отделения образования и культуры РАО. В разные гг. был чл. редкол. многих журналов ("Вопросы психологии", "Вопросы философии", "Техническая эстетика", "Человек", "Journal of Russian and East European Psychology" (ранее — "Soviet Psychology" и др.). Лауреат премии им. К.Д. Ушинского (совм. с А.В. Запорожцем, Л.А. Венгером и др., за монографию "Восприятие и действие", 1967). Награжден медалью им. Г.И. Челпанова (2002). Окончил отделение психологии философского фак-та МГУ им. М.В. Ломоносова (1948—1953) и аспирантуру НИИ психологии АПН РСФСР, защитив в 1957 канд. дис., посвященную исследованию ориентировочных движений руки и глаза и их роли в формировании произвольных движений. Работал в этом же институте в лаборатории детской психологии, возглавляемой А.В. Запорожцем, над проблемой развития восприятия и мышления дошкольников. В 1961 организовал в НИИ автоматической аппаратуры первую в стране лабораторию инженерной психологии, которой руководил до 1970 г. С 1969 по 1984 г. руководил отделом эргономики ВНИИ технической эстетики ГКНТ СССР. Одновременно с 1951 занимался преподавательской деятельностью, в том числе в МГУ им. М.В. Ломоносова..

В 1970 —1982 возглавлял созданную им кафедру психологии труда и инженерной психологии на психологическом фак-те МГУ. В 1984 г. организовал кафедру эргономики в Московском институте радиотехники, электроники и автоматики (МИРЭА), которой продолжает заведовать. Кроме того, в конце 80-х гг. был зам директора Института философии РАН (1988—1991) и руководителем Центра наук о человеке (1988—1991), директором-организатором Института человека РАН (1988—1991). В 1998 организовал и возглавил кафедру психологии в Государственном университете природы, общества и человека "Дубна". С 1998г. В.П.Зинченко — главн. н. с. Института общего и среднего образования РАО, руководитель Центра наук о человеке при этом институте, профессор Самарского педагогического ун-та. Научные интересы В.П.Зинченко отличаются широтой и многосторонностью. Его первые исследования были направлены на понимание онтогенеза восприятия. Экспериментально изучались процессы формирования зрительного образа, опознания и идентификации элементов образа и др. Результаты были представлены в разработанной совместно с А.В. Запорожцем концепции перцептивных действий ("Восприятие и действие", в соавт, М., 1967). Последующие работы были посвящены исследованию зрелых форм перцепции, движения и действия: формированию зрительного образа, роли моторных компонентов в восприятии, развертыванию восприятия как перцептивной деятельности, разработке функциональной модели предметного действия.

Исследования в области когнитивной психологии включали работы по зрительной кратковременной памяти, визуальному и творческому мышлению, микроструктурному анализу когнитивных процессов

("Формирование зрительного образа", М., 1969, в соавт.; "Психология восприятия", М., 1973, в соавт.; "Психометрика утомления", М., 1977, в соавт.; "Функциональная структура зрительной памяти. М., 1980, в соавт.; "Функциональная структура действия", М., 1982, в соавт. и др.). Дальнейшая сфера научной работы Зинченко существенно расширилась и касалась трех направлений: (1) Психологических проблем установки, сознания, деятельности, личности. (2) Проблем теории, методологии и истории психологии ("Методологические вопросы психологии", М., 1983, в соавт.; "Человек развивающийся. Очерки российской психологии", М., 1994, в соавт.; "Мысль и слово Густава Шпета", М., 2000). Проблем "человек — техника", которую трансформировал в проблему "Человек — культура — техника" ("Основы эргономики", М., 1979, соавт. В.М. Мунипов). Особо следует отметить научно-координационную деятельность, которой совместно с коллегами возглавлял крупные научные проекты по инженерной психологии в оборонной промышленности. Привлекал к созданию инженерной психологии ведущие психологические учреждения, сотрудничал в этой сфере с ведущими психологами — А.Н. Леонтьевым, Б.Ф. Ломовым, В.Д. Небылицыным, Б.М. Тепловым, П.А. Шеваревым, П.И. Зинченко, Ю.Б. Гиппенрейтер, М.И. Бобновой, О.К. Тихомировым, В.Н. Пушкиным, М.С. Шехтером и многими др.. Инженерная психология создавалась как наука, и ее концептуальный строй (принципы анализа деятельности оператора, понятия информационной и образно-концептуальной моделей и т. д.) также был делом его научно-практических трудов. Он один из инициаторов формирования новой вузовской специальности: "эргономика". Под его ред. были разработаны и приняты первые в стране инженерно-психологические требования, принципы и рекомендации по эргономике, опубликованы 30 выпусков трудов ВНИИТЭ. Работы В.П.Зинченко в 1990-е гг. выходят за пределы экспериментально-прикладной проблематики. Он обращается к иной, чрезвычайно широкой области творческого приложения своих сил — проблемам личностного и духовного развития, эстетического воспитания и развивающего образования, формулированию принципов психологической педагогики, поэтической антропологии и органической психологии. Рассматривает проблематику психологии развития через поэтическое наследие О.Э. Мандельштама и философские идеи М.К. Мамардашвили ("Возможна ли поэтическая антропология?", М., 1994; "Аффект и интеллект в образовании", М., 1995; "Образ и деятельность", М., 1997; "Посох Осипа Мандельштама и Трубка Мамардашвили. К началам органической психологии", М., 1997; "Живое знание. Психологическая педагогика", Самара, 1997; "Психология доверия", М., 1999). Зинченко В.П. — автор первых отечественных учебников по эргономике для вузов: "Эргономика. Человекоориентированное проектирование техники, программного обеспечения и среды" (М., 1979, 1998, соавт. В.М. Мунипов) и др. Автор и редактор 4-х выпусков "Зрительные образы: феноменология и эксперимент" (1972—1975). Автор и соред. "Психологического словаря", (М., 1983; 1996) и книги "Психологические основы педагогики", М., 2002. Свыше 100 его работ, в том числе 12 монографий, изданы за рубежом на англ., франц., испан., японском, венгерском, чешском и др. языках. (По материалам *"История психологии в лицах. Персоналии / под ред. Л.А. Карпенко //*

* * *

Заочная аспирантура, по сравнению с очной, давала дополнительный год учебы. Кроме того, я должен был сдать кандидатский экзамен по специальности, то есть по психологии, поскольку у меня не было базового психологического образования. Предполагалось, что я буду сдавать его в МГУ. Но я попросил и получил разрешение сдать этот экзамен на кафедре психологии Пермского педагогического института, которой заведовал более чем известный в психологическом мире особой принципиальностью и свободолобием доктор наук, профессор **Вольф Соломонович Мерлин**. Это сегодня свободно говорится, что научная программа коллектива, который возглавлял В.С. Мерлин, осознанно противостояла «общепринятой нормативной научной парадигме деятельной концепции учеников и последователей Л.С. Выготского, занимавших многие ведущие административные позиции в иерархии советской науки того времени» (см. статью в Википедии).

В.П. Зинченко, конечно же, числился в школе Выготского. Но он не был его апологетом, понимая, я думаю, реальные границы вклада Л.С. Выготского в мир психологии. Я тогда войну психологических школ, конечно, не понимал. Во всяком случае, не мог себе представить, против каких идей Выгодского мог бы возражать Вольф Соломонович? Очевидно, он возражал "марксистско-ленинской диалектике", настаивая, например, что любой человек имеет в большинстве этапов своей жизни не одну, а несколько зон ближайшего развития. Ну, так это возражение тому, кто, называя себя последователем Выготского, вероятно, спекулировал на его имени. Мой поступок В.П. Зинченко не воспринял как фронду. Он понял, что я хотел совместить сдачу экзамена со знакомством с уникальным творческим коллективом. Мне же хотелось глубже понять природу взаимоотношений типа нервной системы, темперамента и стиля деятельности. В личностном плане на меня большое впечатление произвела работа В.С. Мерлина военных лет с ранеными, потерявшими конечности и зрение, формирование у них желаний, а затем и готовности коренным образом перестроить свою жизнь с учетом сохранившихся ограниченных возможностей. (Думаю, Л.С. Выготский, живя бы в это время, всей душой поддержал бы эти работы и всячески бы ставил их в пример). Мне были близки переживания этих инвалидов, их стремление найти, несмотря на такие физические потери, достойное место в жизни. Вывести инвалида, потерявшего возможность жить своей профессией, из глубочайшей

депрессии, представлялось мне высоким профессиональным мастерством психолога. Оно в действительности так и было. Кстати, Мерлин – на языке древних бритов и кельтов означает мудрец и волшебник.

Я приехал в Пермь за несколько дней до экзамена. Пришел на кафедру, представился. Меня заверили, что знают обо мне, ждут. Со мной будет сдавать этот экзамен еще одна соискательница, местная. Обстановка спокойная, люди внимательны, доброжелательны. Без московской спешки и нервозности. Предложили познакомиться с трудами работников кафедры и лаборатории, чему я очень обрадовался.

Сам экзамен в памяти не сохранился, остался лишь спокойный обстоятельный разговор после экзамена. Из учеников В.С. Мерлина мне запомнился Б.А. Вяткин, который принимал меня и участвовал в экзамене. Пермь интересовала ситуация, которая привела меня к ним. Мне же было интересно, как бы они видели включение экспериментов и наблюдений, отражающих стиль зрительной деятельности в условиях ограниченного поля видения. Вольф Соломонович высказался в том смысле, что решающее слово здесь должно быть за научным руководителем. Но в целом он не советовал сейчас этим заниматься, полагая, что общих выводов для кандидатской должно вполне хватить. Хорошо, по-доброму отозвался о В.П. Зинченко. Сказал, что это один из немногих умов, который понимает, что действия и деятельность в психологии – это очень много, но не все.

У меня от этой встречи осталось теплое чувство благодарности за внимание и доброжелательность. То, что я получил возможность рассказывать понимающим собеседникам свои проблемы, волшебным образом помогло мне самому лучше понять волнующие меня ситуации и обстоятельства. В.С. Мерлин строил свои исследования так, чтобы в центре внимания была цельная личность, а не только частные процессы. Мне повезло, что я вначале прочитал его книгу «Проблемы экспериментальной психологии личности», которая породила азарт и идею сдавать кандидатский минимум в Перми. А это, в свою очередь, помогло лучше узнать людей и идеи школы В.С. Мерлина.

Работа на кафедре психологии СГУ

Память психологов - не самая сильная их сторона
В.П. Зинченко

В начале 1975 года заведующий кафедрой психологии Саратовского государственного университета профессор Лев

Петрович Доблаев пригласил меня на работу на кафедру по совместительству на почасовой оплате. До этого я несколько раз обращался к нему с просьбой о работе, но безрезультатно. В целом Лев Петрович, – орденосный ветеран войны, доктор наук, известный специалист по психологии понимания текста, равных которому, насколько я это понимал, в стране было не много, относился ко мне доброжелательно, но, как мне казалось, пристрастно. Прежде всего, думаю, из за отсутствия у меня базового психологического образования. Он не препятствовал, загоразивая мне дорогу в университет, но и не делал каких либо усилий, чтобы я попал на кафедру. Ему симпатична была моя настойчивость, но не настолько, чтобы оббивать пороги ректората, с просьбами, принять меня на работу. Я его прекрасно понимал и не обижался. Шло время, мы постепенно сближались в своем знакомстве. Я набирался ума-разума, он становился терпимее ко мне. Привыкал ко мне и факультет биологии, от которого прямо зависела дорога на кафедру. Еще бы лет десять, и мы бы подружались. Но в 1976 году должен был состояться первый выпуск отделения психологии, открытого при биологическом факультете, 25 человек. А в 1977 - второй, уже полномерный выпуск, 50 человек. Объем учебных часов значительно возростал, и появилась необходимость расширить штат преподавателей. Так для меня открылась возможность начать работать на кафедре. Надо было понять, что я могу делать для кафедры, точнее, что кафедра хотела бы получить с моим приходом. Я шел на кафедру не для приработка; почасовка (почасовая работа) давала сущие копейки. В НИТИ я уже руководил научным сектором, и вопрос был не о деньгах. Мне интересна была педагогическая практика, возможность обсуждать проблемы психологии, быть в психологической среде. Но что делать конкретно? Не читать же лекции, отталкивая от трибуны остепененных преподавателей. На очередном обсуждении моей учебной нагрузки хорошее решение предложил доцент **Евгений Ильич Гарбер**. Врач по образованию, кандидат наук, полковник медицинской службы (если не ошибаюсь), он в армии занимался профориентацией, оценкой профпригодности летного состава; хорошо был знаком с психологической литературой и даже лично с ведущим специалистом страны по психологии труда профессором К.К. Платоновым. В Саратов он приехал, выйдя на пенсию, достаточно молодым, на кафедре уже читал (или готовился читать – не помню) курс психологии труда. Чтобы «разойтись и не толкаться вокруг общих тем», предложил, чтобы я в рамках семестрового спецкурса рассказал студентам о своем экспериментальном опыте и вообще о проблемах зрительного восприятия. Такой спецкурс удобно было читать на третьем курсе. Кроме того, можно было часть учебной нагрузки выполнить в виде

руководства несколькими дипломными проектами и, соответственно, руководить преддипломной практикой этих студентов.

Я принял такое предложение. Небольшая преподавательская нагрузка, примерно 200 часов в год, не мешала моей основной работе в НИТИ, а мне давала опыт преподавательской деятельности в вузе.

Третий курс в университетском образовании (в любом!) занимает особенное место. В это время к студентам приходит более или менее ясное понимание будущей профессии, и они начинают представлять себя в ее рамках. Например, студенты-медики «обнаруживают» у себя все те болезни, которые в это время изучают, будущие инженеры обнаруживают недостатки и несовершенства различных конструкций, предлагают их усовершенствование. А будущие психологи на третьем курсе увлекаются тестами и опросниками, которые дают базовое представление о психическом состоянии и свойствах личности. Впрочем, может быть, сейчас эта картина изменилась, но тогда это правило проявлялось повсеместно.

Первый год работы на кафедре психологии СГУ, 1976 г.

Удовлетворяя этот специфический интерес, многие преподаватели делали специальный акцент на диагностической части своего предмета. Е.И. Гарбер, предлагая мне читать спецкурс по зрительному восприятию, вероятно, имея в виду, что туда органически

войдут и эксперименты с ограниченным полем видения. Специфика этих экспериментов заключается в регистрации движения поля видения. Что означало переход в объективную зону психологического исследования.

Это важно подчеркнуть, потому что психология того времени, выросшая, в основном, из педагогического направления, тяготела, главным образом, к методам субъективным, к наблюдению и самонаблюдению. Объективизация исследования ставила остро вопрос об обработке результатов, о математических методах определения статистической достоверности, валидности, надежности. Все это требовало отдельного, самостоятельного курса экспериментальной психологии. Но в моем случае речь шла лишь о первичном, ограниченном знакомстве с объективными методами исследования. Здесь ставилась задача не обучить теории эксперимента, а как бы напомнить, что психология – это не только наука о сознании, открытом субъекту в его самонаблюдении, а вполне объективная наука. Хотя, конечно, избавиться от субъективности полностью ей никогда не удавалось.

Я надеялся, что в рамках спецкурса смогу показать студентам беспокоящую меня проблему субъективности. Поясню на примере. В каждый момент времени в поле видения появляется какой-то новый элемент объекта, его часть или самостоятельный фрагмент. Как только это новое появляется в поле видения, перед наблюдателем встает вопрос: *что это?* Отвечая на этот вопрос, он обращается к своему опыту. Это может быть фрагмент нового объекта или новый элемент ранее опознанного объекта. Это может быть элемент, который подтверждает предположение о том, что было воспринято ранее. То есть, всегда нечто увиденное рождает вопрос "что это?", и субъект строит гипотезу. Очевидно, что гипотеза существенно меняет (как минимум) направление взора, скорость его перемещения. К тому же все это связано с размером поля видения, вернее, с отношением размера поля к размеру объекта. Пусть это все происходит за миллисекунды, но происходит же! Так в объективное входит субъективное.

В свое время Н.Н. Ланге, основатель экспериментальной психологии в России (в той, в дореволюционной), говорил, что за каждым словом, которое произносит испытуемый (вообще человек), плещется океан слов, рожденных в опыте, культуре, в истории этого субъекта. Говоря словами Ланге, за каждым новым фрагментом, открывающимся видению, вероятно, плещется океан зрительных образов. Если согласиться с Н.Н. Ланге, что «душа человеческой личности в 99% случаев есть продукт истории и общественности», можно говорить, что открывающийся взору новый фрагмент есть продукт ранее видимых и осознанных объектов.

Мне также важно было понять мотивационную обстановку моих будущих встреч со студентами. Почему студенты должны слушать рассказы «инженера Августевича», как я значился в расписании? Кто это? Что он знает о зрительном восприятии? В свою очередь, мне интересно было узнать, что представляют собой студенты-гуманитарии. Что привело их в эту необычную профессию, какую жизненную потребность они хотели бы удовлетворить этим своим решением. Я вел этот спецкурс 10 лет, с 1975 по 1985 годы. Каждый раз, встречаясь с новой аудиторией, я спрашивал их об этом. И каждый раз я получал примерно один и тот же ответ: те, кто хотел понять мир своей души, разобраться в природе своих чувств и поступков, составляли не менее 50-60%. А те, кто видел возможность получить знания, чтобы помогать другим – 10-20%. Остальные приходили, чтобы получить "высшее образование". Значит, надо было ориентироваться, в первую очередь, на эти большие группы.

Мне важно было так организовать занятия, чтобы они оставляли след, чтобы аудитория уходила с вопросами, искала ответы к следующему занятию, и чтобы в процесс учебы было вовлечено как можно больше студентов. Для этого я рекомендовал создавать экспериментальные группы в 4-6 человек. Распределять внутри группы роли наблюдателя, составителя протокола и т.п., выполнять эксперименты, чередуя эти роли. Объясняя свой план организации занятий, подчеркивал, что стремлюсь разделить учебную нагрузку равномерно между всеми. Такая постановка и распределение ролей поможет каждому выявить свой потенциал, развить способность быстро обучаться, адаптироваться к изменениям и к работе в коллективе. Рассказывая схему эксперимента, обращал особое внимание на изготовление маски и подбор объектива для визуальных задач. Призывал развивать самостоятельность и творчество, которые должны пригодиться не раз. Подчеркивал, что простота или даже примитивизм оборудования не мешают получить очень интересные, а иногда – уникальные результаты. Вспомним, напоминал я, И.П. Павлов выработывал условный рефлекс с помощью простого свистка. И.М. Сеченов изучал природу утомления, сгибая и разгибая палец, поднимавший небольшой грузик. Главное в этих экспериментах, обеспечивших прорыв в области физиологии, заключалось в организации наблюдения, фиксации результатов, их сопоставлении и анализе.

Уже в сентябре 1975 года я пришел к третьекурсникам с рассказом о том, чем мы будем заниматься в течение семестра. Я предупредил, что курс зрительного восприятия не лекционный, а экспериментальный. Это значит, что самим надо будет планировать эксперимент, самим искать испытуемых, самим оформлять протоколы,

отчитываться о выполненной работе и докладывать результаты. В аудитории мы будем только рассматривать задачу эксперимента, а всю практическую работу надо будет выполнять самостоятельно, вне аудитории. Я просил не увлекаться техникой эксперимента, главной задачей считать наблюдение действий испытуемого, фиксацию этих действий, анализ и сопоставление результатов. Наша задача – изучить, КАК человек рассматривает предметный мир, – говорил я. Прежде всего, это интересно. А кроме того, это дает понимание, как организовать этот предметный мир, чтобы облегчить его восприятие, сделать его эффективным.

Курс мыслился как совместное, групповое исследование. Совместно с однокурсниками, но и с преподавателем. Вместо еще одного рассказа о специфическом психологическом процессе, вместо пересказа результатов чужих экспериментов, хотелось дать студентам возможность пройти хотя бы небольшой, но самостоятельный путь открытия и исследований, который к этим открытиям приводит. Это будет пусть минимальное, но развитие творческой самостоятельности. Не в этом ли практическое решение деятельного подхода, к которому призывает современная психология?

Я был воодушевлен началом своей педагогической работы, фонтанировал идеями и видел, что мой энтузиазм передается студентам, заставляя думать, что этот спецкурс – чуть ли не главное событие учебного года.

До сих пор у меня сохранилось чувство признательности к тем коллегам, которые поддерживали меня и помогали советами. Сотрудники кафедры много делали, чтобы я чувствовал себя «своим человеком» в этом коллективе. Тогда и позже я видел, как часто ведут себя приглашенные на почасовую работу по совместительству. Они появляются за две минуты до начала занятий, чтобы отметить у секретаря и исчезают через минуту после проведенного занятия. Мне же на кафедре было все интересно, и всем было интересно, как и что происходит у меня на занятиях. Я уносил с каждого занятия домой на проверку 10-15 отчетов экспериментальных групп, это было так непривычно для университета. Надо мной добродушно посмеивались, уверяя, что это напоминает поведение учительницы начальных классов, таскающей с собой пачку тетрадок своих учеников с прописями. Но никто не мешал мне «сходить с ума», ожидая, что «это скоро пройдет». Мой энтузиазм поддерживали заведующий кафедрой профессор **Л.П. Доблаев**, доценты **И.Э. Стрелкова**, **Р.Г. Селиванова**, **Е.И. Гарбер**, а позже – и пришедший на кафедру **В.И. Страхов**. Мне было приятно и интересно встречать на кафедре пришедших работать бывших выпускников отделения и первую среди них **Татьяну Калистратову**, а затем **Аллу Южанинову**, **Лену Гейзину (Школьник)**, **Инну Горскую**,

а также **Виталия Ментюкова**. Несмотря на то, что на кафедре я был "за штатом", для своих коллег и студентов старался не быть «факиром на час». Меня приглашали на заседания кафедры, на обсуждение оперативных вопросов, включали в экзаменационные комиссии, в обсуждение планов и итогов учебного года. Это сильно мотивировало, рождало желание соответствовать оценкам моего труда. Было очень приятно видеть, что и на кафедре психологии Педагогического института также интересуются, как идет у меня работа. Как я понимал, всем был интересен мой путь «из варяг в греки», путь в профессиональную психологию, и всех волновало, не случится ли здесь профанация высокой науки. Я искренне был благодарен коллегам за понимание и поддержку.

"Гвардия" кафедры психологии СГУ. Слева направо: зав. кафедрой, проф. Л.П. Добраев, доценты Е.И. Гарбер, И.Э. Стрелкова, Р.Г. Селиванова

Разумеется, во время моей работы на кафедре были и другие преподаватели и сотрудники: **А. Понукалин, Р. Тугушев, В. Казача, А. Пантелеев, М. Орлов**. Особое место среди них занимал **Н. Крогиус**, как новый заведующий кафедрой. Сожалею, но у нас не сложились общие и деловые отношения, лишь организационно-бюрократические, и ничего содержательного них я сказать не могу. Только некоторые самые общие впечатления, которые вряд ли будут точны и справедливы.

Основные идеи и содержание спецкурса «Исследование зрительного восприятия»

Преподаватели требуют
от студента знаний по всем предметам,
а сами знают только что-то одно.
Первокурсник

К третьему курсу студенты уже имели базовые знания о зрительном восприятии из курса «Общая психология». Этот предмет читал профессор Л.П. Добраев. Так что мне не надо было говорить им об основных свойствах этого процесса; целостности, предметности, осмысленности, избирательности и т.д. Не надо было объяснять роль движений глаз, как основного механизма зрительного восприятия. Эти ранее полученные знания раскрывали процесс восприятия с его как бы универсальной стороны. Но в каждом отдельном случае, в восприятии отдельного субъекта, на разных ступенях возрастного развития открывалась, должна была открыться, не могла не открыться своя специфика. Вот именно об этом я и говорил.

– Задача нашего спецкурса как раз и заключается в изучении специфики зрительного восприятия. Основные идеи нашего спецкурса поначалу могут показаться необычными.

Как известно, знания не переливаются из одной головы в другую, учиться — значит самому учить себя находить решения, ответы, овладевать своим собственным познанием. Варьируя условия задачи, объекты и особенности восприятия, мы будем наблюдать различные действия, с помощью которых субъект решает задачу восприятия. В этом, собственно, и заключается смысл эксперимента: увидеть, как разные испытуемые по-разному изучают объект, знакомятся с ним, формируют его образ и т.д. То есть, как проявляют особенности своей психики. Иными словами, у вас постепенно сформируется набор методов и приемов, с помощью которых вы сможете оценивать и диагностировать различных людей. Потому что, если вы поймете, что он делает, то через это можно определять, что он из себя представляет. А направляя его деятельность, можно формировать его, самого, управлять им. Если в этом будет необходимость, вы постепенно отшлифуете интересующие вас эксперименты, и они станут вашим инструментом познания.

Второе важное обстоятельство заключается в том, что в основе всех приемов и методов изучения восприятия будет заложен единый принцип: непрямое сознательное усложнение восприятия, чтобы развернуть во времени и пространстве уже сложившийся, автоматизированный акт восприятия. Поясню на примере. Если

взрослому человеку, завязав глаза, дать в руки детский пластмассовый кубик, то он его опознает очень быстро, чуть ли не в одно мгновение. Если забинтовать руку, оставив свободной лишь подушечку одного пальца, например, среднего, то задача станет труднее. Записав, какие движения делает испытуемый для опознания предмета, мы получим картину того, как вообще опознается объект и как формируется его образ. Мы как бы переводим восприятие на генетически более ранний уровень, организуем восприятие подобно тому, как его проводит ребенок.

Поскольку мы занимаемся зрительным восприятием, то, усложняя его, будем сужать зону видения – это будет сознательное специальное затруднение восприятия. А вторая трудность будет создаваться за счет того, что быстрые, неуловимые движения глаз мы заменим более медленными движениями руки, управляющей этим специальным узким полем видения. Это малое поле позволит видеть лишь небольшой участок объекта, какую-то часть, фрагмент. Если записать движение зоны видения, то есть, движение этой маски, и сопоставить эту запись с объектом восприятия, то можно понять, как постепенно для испытуемого объект стал виден весь полностью, как сложился его образ.

Далее следовал рассказ и демонстрация различных масок, ограничивающих зону видения, способов их перемещения, регистрация этих перемещений, наложение записи движения маски на объект и тому подобные приемы и техники.

Особое место в вводных лекциях уделялось правилам экспериментальной гигиены, куда входили инструкция испытуемому, подбор и инструктаж испытуемых, контакт экспериментатора и испытуемого, роль и место хронометриста, ведущего протокол эксперимента и другие позиции. А также процессуальные приемы оформления экспериментальных работ: протокол эксперимента, его основные разделы, рисунки и приложения. Только после того, как были разобраны все организационные и технические вопросы, мы переходили к постановке задач первой серии экспериментов.

Задача первой серии заключалась в отработке процедуры эксперимента, распределении ролей в экспериментальной группе, составлению протокола и отработке основных навыков проведения эксперимента. Для этой серии специально ставилась предельно простая экспериментальная задача. Например, определить нижнюю границу различимости для букв русского алфавита, предварительно отобрав для этого испытуемых с нормальной остротой зрения (для справки: острота зрения равна единице, если человек уверенно читает буквы высотой до 9 мм на расстоянии 5 метров). Или определить наиболее вероятные ошибки опознания при восприятии букв русского алфавита на границе

различимости. В этих простейших экспериментах важно было убедиться в слаженной работе экспериментальных групп, в правильном оформлении протоколов, регистрации результатов и проч.

В более сложных экспериментах требовалось наблюдать, а затем описать решения наиболее интересных зрительных задач:

- как происходило опознание объектов, размер которых был меньше поля зрения;
- как происходило опознание объектов, размер которых был больше поля зрения;
- какие движения поля зрения характерны для данных условий восприятия (например, обводка по контуру, поиск специфических опознавательных признаков и т.п.);
- как располагается ограниченное поле видения по отношению к предъявленному объекту;
- как воспринимается и запоминается движение ограниченного поля при рассматривании горизонтальных, вертикальных и криволинейных частей контура (отдельных линий) и сравнить с материалами, опубликованными в работах В.П. Зинченко и Н.Ю. Вергилеса;
- как решается задача поиска и пересчета одиночных объектов, размер которых меньше поля видения, а расстояние между ними – больше;
- сравнить движение руки и видимого поля при задачах восприятия и показать, в чем проявляется сходство и различие;
- выявить, как различаются процессы, отличающиеся составом входящих в них перцептивных действий: процессы формирования образа и процессы опознания, поиск и обнаружение объекта, выделение в объекте информативного содержания, адекватного задаче;
- описать, как и в чем проявляется изоморфность движения ограниченного поля видения объекту и как происходит утрата этой изоморфности;
- наблюдать качество восприятия как действие: активность, субъективность, адекватность реальности;
- описать проявление сукцессивно развернутой перцептивной деятельности и ее редукцию, то есть переход к симультанному, как бы мгновенному восприятию.

При разборе отчетов экспериментальных групп я снова и снова обращал внимание на важность экспериментальной гигиены. Испытуемый должен всегда видеть серьезность и ответственность в действиях экспериментатора, а также других участников эксперимента. Он должен понимать, что нельзя действовать небрежно, безответственно употреблять в отчетах не точные слова. Вся атмосфера

эксперимента должна демонстрировать собранность, сосредоточенность, всех участников в течение всего процесса работы.

В выборе объектов восприятия в этой серии не было проблем. Это были не сложные геометрические фигуры и/или простейшие комбинации таких фигур. Для экспериментов, предлагавших сравнение перцептивных действий, рекомендовались те же объекты, которые использовали в своих экспериментах В.П. Зинченко, Б.Ф. Ломов. Особое место занимали многофигурные объекты. Графически они были сродни машиностроительным чертежам, но отличались тем, что подчинялись законам композиции. А, следовательно, при всей кажущейся бессистемности и случайности расположения, каждый элемент был точно на своем месте. Сказанное прямо относится к супрематическим композициям. О них я подробно рассказывал на занятиях, призывая студентов самим создавать подобные объекты. В них с помощью объема, геометрии и цвета можно было получить эффект управления движения взглядом. Родоначальник супрематизма известный авангардный художник Казимир Малевич в своих работах это демонстрировал многократно. Он использовал простейшие геометрические фигуры: прямая линия, квадрат, круг, прямоугольник, треугольник. Расположенные в пространстве специальным образом, они образовывали уравновешенную асимметричную композицию. Картина в целом приобретала внутренний динамизм, а, самое главное, задавала при восприятии определенный маршрут рассматривания. Замечу тут, что некоторые мастера реалистичной живописи также добивались управления маршрутом рассматривания (А.А. Иванов, В.И. Суриков), но у супрематистов это свойство их картин проявлялось чрезвычайно сильно.

Супрематические картины, представляющие собой сложные объекты, были подлинной находкой для наших экспериментов зрительного восприятия. Они включали много элементов и при кажущейся простоте интересно усложняли задачу. Работа с супрематическими композициями открыла путь к использованию реалистической живописи в качестве многоэлементных объектов. Здесь задача заключалась в том, чтобы понять, как композиция картины проявляет себя в условиях ограниченного поля видения. Обсуждение на занятиях возможностей подобных объектов порождало живые дискуссии, побуждало детально знакомиться с художественными школами, основами композиции, золотым сечением, будило интерес к миру искусств и проблемам его восприятия. Все это укрепляло и поддерживало стойкий интерес к нашему спецкурсу. Мой настрой: "я знаю все, я могу все, я готов все это использовать в практической психологии", казалось, передавался каждому, с кем мне тогда приходилось вступать в контакт.

Вообще, рассматривание картин, как прием познания азбуки живописи может стать частью духовной жизни. В педагогике этот прием используют, чтобы развить эмоциональную память, воспитать обостренность восприятия красоты. И хотя у нас задача была иная, мы невольно использовали этот ресурс. Но, правда, с утилитарными целями. Например, рассматривали картины И.Шишкина и И.Левитана, чтобы убедиться, что они не навязывают маршрут обзора. А композиция картин "Рождение Венеры" Боттичелли и "Свобода на баррикадах" Э. Делакруа напротив, раз за разом возвращает взор на определенный маршрут рассматривания. Было увлекательно видеть эти сюжеты в условиях ограниченного поля зрения, обсуждать маршрут их рассматривания и сопоставлять его со свободным рассматриванием.

Покажем для ясности, как подавался анализ зрительного восприятия сложных живописных полотен на примере известной картины В.И. Сурикова "Боярыня Морозова". "Даже при беглом взгляде на картину сразу заметно, что изображение фигуры боярыни создает единый композиционный центр. Чуть позже становится видно, что к этому центру взор приводят темные на белом снегу следы от полозьев саней, идущие из правого нижнего угла картины. Эстафету их движения продолжают светлые борта саней, как бы обрамляющие фигуру барыни, такой черный конус, вершина которого – это яркое белое, фанатичное лицо барыни, над которым нависает ее поднятая рука, завершенная указующим в небо двоеперстным знаменем. И по бокам этой единой сюжетной линии, прочерчивающей полотно по диагонали, стоит, раздавшаяся для проезда саней, толпа в немой готовности отстаивать свои убеждения. Надо представить себе, сколько раз и как пылливо вы сами посмотрите на эту картину, если ваши испытуемые будут рассматривать ее в разных режимах ограничения видения. Говорят, что сам Василий Суриков не раз приходил в музей к своей картине и рассматривал ее, потрясенный увиденным."

К серии экспериментов, где стимульным материалом были художественные картины, примыкали эксперименты по рассматриванию человеческого лица. К этим опытам мы приходили, когда экспериментальные команды в группе уже сложились и сработались. Восприятие человеческого лица – жизненная потребность человека, которая никогда не утоляется. Лицо – сложный объект, в нем несколько важных элементов, разглядывая которые человек решает задачи опознания, сравнения–сопоставления, диагностики и даже эстетические задачи типа "нравится – не нравится". Рассматривание человеком лица значимой для тебя особи, представляет собой очень важный тест: действительно ли это лицо есть носитель определенных качеств, например, доброты, отзывчивости, ума и т.п. Или оно представляет интерес только для инициатора этого эксперимента? В любом случае эти опыты вызвали самый большой интерес, а как же иначе.

Сравнивая результаты визуальной деятельности в условиях ограниченного поля зрения, легко убедиться, что существует более или менее общий маршрут разглядывания лица. Он непременно включает в себя глаза и губы. А показателем интереса к объекту является время задержки взгляда на элементах этого объекта. Но детальный рисунок маршрута для каждого наблюдателя и каждого лица оставался индивидуальным.

Таким образом, курс "Зрительное восприятие" помимо общих навыков экспериментальной деятельности психолога давал основной массе студентов чувство субъективного удовлетворения от возможности решать и обсуждать свои личные задачи, вплетая их в содержание учебного процесса. Это рождало позитивный настрой и оптимизировало задачи учебы.

Руководство дипломными работами

У нас есть очень простое правило:
сочинение должно быть правдой.
Мы должны описывать то, что есть,
что видим, слышим, делаем...
Агата Кристоф. Толстая тетрадь.

Как правило, после IV курса студенты сами более-менее ясно представляют, у кого и на какую тему они хотели бы писать дипломную работу. Пока я работал в НИТИ, у меня было 2–3 дипломника. Они приходили с ясным представлением, где и какой материал они могут собрать в ходе преддипломной практики. Я брался за работы исключительно экспериментального класса, задача которых заключалась в проверке тех или иных конкретных теоретических положений. Наши встречи начинались с обсуждения темы и организации ее выполнения. Самое важное условие я отводил качественному сбору и анализу результатов. Снова и снова я закреплял в сознании студента, что самый объективный показатель работы над темой – это результат исследования, а не переписывание из книжек общих теоретических положений. Именно результаты в первую очередь подтверждают серьезность экспериментальной базы и объективность анализа. Именно на них, главным образом, будут обращать внимание, знакомясь с работой, по ним будут судить, насколько вы зрелый психолог, – убеждал я студентов.

Запомнилось, что в эти годы большой популярностью пользовались темы, так или иначе связанные с дошкольным и младшим

школьным возрастом. Вероятно, это было связано с будущим трудоустройством. Естественно, тема зрительного восприятия была в этих работах центральной, с опорой на неё все и строилось. Например, "Особенности зрительного восприятия объектов геометрической формы у детей старшего дошкольного возраста". Материал о психологических и физиологических особенностях возраста можно было найти без проблем и в избытке в любой библиотеке, а результаты собрать в своих собственных экспериментах, с огромным наслаждением ощущая всю прелесть общения с маленьким ребенком.

На факультетской конференции СГУ. В первом ряду слева доцент СГУ Евгений Ильич Гарбер. Во втором ряду справа – ассистент мединститута, жена, Ольга Борисовна Герман,

Но были работы, за выполнением которых я следил с особым интересом, всячески поддерживая и помогая этим дипломникам, хотя, казалось бы их тема не имела ко мне прямого отношения. Дело в том, что разбирая на своем спецкурсе особенности зрительного восприятия детьми различных объектов, я обращал внимание студентов на то, что в жизни ребенка существует феноменальный возраст, названный Корнеем Чуковским "от двух до пяти". Эти годы описаны лингвистами, педагогами и филологами очень внимательно. Но среди этих наблюдений нет работ психологов, которые обратили бы внимание на "уникальность" этого возраста в части решения задач зрительного восприятия. Этот разговор запомнился. И спустя два года, в преддверии закрепления дипломных тем, несколько человек пришли с идеей сделать исследование особенностей зрительного восприятия

детьми в этом и, для сравнения, в более старшем возрасте. Защита этих дипломов вызвала большой интерес не только на нашей кафедре, но и у коллег-биологов. Они, вопреки традиции профессиональной обособленности, пришли к нам на защиту и сделали несколько приятных комплиментов, отметив большой интересный материал, тщательно собранный студентами. Такая реакция на студенческие дипломы была тепло встречена на кафедре и на факультете. А для меня это еще более укрепило интерес к работе в университете.

Кризис жанра и выход из него

Все надоело? Хотите новых впечатлений и ощущений?
Попробуйте вдвое уменьшить длину граблей.
Из инструкции

Кризис жанра – расхожее выражение. Хотя не все понимают, что оно выражает. А очень просто: от тебя ждут новых идей или песен, рассказов, танцев, чертежей, словом того, в каком жанре ты работаешь, а ты ничего нового не выдаешь. Не можешь выдать, не получается. И при этом, творческий кризис всегда приходит, когда его меньше всего ждешь.

Тут требуется понять, от чего это так? Выдохлось творчество, не можешь собраться, сосредоточиться, погрузиться в проблему, как раньше? Или что?

В НИТИ от меня ждали новых решений, новых действий, надеялись, что я буду более активен в работе. А я все больше уходил в психологию, думал об Университете, о третьем курсе, о кафедре, где мне, казалось, всегда были рады. Но и здесь я был ограничен в своих возможностях: неостепененный энтузиаст без базового психологического образования, какие у меня могли быть перспективы? В управленческом жаргоне такое раздвоение интересов называют "лыжи": одна нога – туда, другая – сюда.

Когда в августе 1977 года я зашел к руководству НИТИ очередной раз рутинно подписать разрешение на работу по совместительству, то получил резкий разговор: "хватит бегать по городу в поисках приработка, когда у тебя здесь дел невпроворот."

Это был серьезный сигнал, что пора брать на себя новые задачи. Как известно, удар в глаз заставляет резко изменить точку зрения. Видимо, пришло время принимать решение и делать выбор. Но какой?

И тут вдруг, как говорится, "на ровном месте", совершенно неожиданно получаю по телефону приглашение на встречу с

Начальником областного автотранспортного управления. Кто такой? Зачем? Никогда не имел дела с автомобилистами, даже с автомобилем. О чем говорить? Никаких точек соприкосновения. Однако пошел.

Познакомились. **Арсений Алексеевич Кокушкин**. Энергичный, коренастый, моторный, деловой, пятидесятилетний, сразу видно сильный руководитель. На встрече присутствовал и кадровик, а как же без него, ведь "кадры решают все", с запоминающейся фамилией – **Непейпиво. Алексей Иванович**. Особо не расспрашивали, сразу о деле.

– Мы слышали о вас, как о психологе. И пригласили для разговора, как психолога. Что вы думаете о комнатах психологической разгрузки? Вам знакомо это направление?

Начало разговора показало, что в отличие от меня, руководитель подготовился к разговору. У него уже сложился образ будущей Комнаты, вероятно, он где-то что-то видел или, как минимум, читал. Я конечно, знал кое что об этом модном новшестве. Тихая комната, удобное кресло. На стенах – картины природы, в динамиках звучит пение птиц. Приятный голос говорит: – "расслабьтесь, забудьте о тревогах, пусть ничто вас не беспокоит". Это хорошо подойдет для диспетчеров крупных аэропортов, операторов атомных станций. Или для хирургов, работающих на открытом сердце по 4 часа без отрыва, им очень пригодится такая комнатка, рядом с операционной. Но как это расслабление применить в автотранспорте? У меня было большое искушение сказать, что впервые об этом слышу. Пусть он мне расскажет побольше о своих идеях. Но вовремя поняв, что судьба второй раз такой подарок не преподнесет, я сказал:

А.И. Непейпиво (слева) и А.А. Кокушкин Начало 1980 -х годов

– Мне кажется, это направление перспективным. Однако если вы хотите организовать такую работу в вашем управлении, то, мне кажется, надо начинать с создания психологической группы. Тогда это будет серьезно.

– Вы можете собрать такую группу?

– Да.

– Когда вы можете придти к нам работать?

– Это трудный вопрос. Я хотел бы перейти к вам без конфликта, не хлопая дверью. Если вы мне делаете официальное приглашение, то я начну увольняться не откладывая. Но у меня там есть какие-то дела, которые надо завершить, обязательства, которые надо выполнить. Это займет некоторое время. Я буду вас информировать.

– Хорошо. Мы вас приглашаем. Увольняйтесь. Если возникнут сложности, я могу попросить вашего директора, чтобы он не препятствовал.

Разговор был очень конкретный, деловой. По вопросам и предложениям было видно, что автомобилисты настроены очень серьезно, что создание Комнаты они связывают с какой-то важной производственной задачей, может быть, с проблемами безопасности движения? Может быть, это для них болевая точка? И они хотели бы получить быстрые положительные результаты?

Осталось загадкой, как они вышли на меня. Но ожидания у них высокие, и теперь надо будет соответствовать этим ожиданиям.

Быстро уволиться не удалось, переход занял почти полгода. Но, наконец, в феврале 1978 года я перешел к автомобилистам и стал собирать свою команду энтузиастов. Первая задача, которую надо было решить – подготовить проект Комнаты психологической разгрузки на одном из автотранспортных предприятий города. Кроме того, надо было понять, что руководство ждет от психологов кроме этого проекта.

Новое место работы создавалось с нуля. Оно получило название **"Научно-исследовательская лаборатория психологии труда и управления"**. Я настоял, чтобы именно так было записано в моей трудовой книжке и в штатном расписании. Надо было бы добавить в названии **"... на автотранспорте"**. Но в то время это казалось очевидным, поскольку организационно Лаборатория входила в состав Проектно-технологического бюро объединения Саратовавтотранс. Тем не менее располагались мы отдельно, автономно. Максимально близко к Управлению. Фактически, это была первая психологическая лаборатория в Саратове и первая лаборатория психологии труда и управления в Министерстве автомобильного транспорта Российской Федерации.

Начиная с весны 1978 года коренным образом изменился мой статус на кафедре психологии в СГУ. Из инженера-почасовика, непонятно чего делающего на гуманитарной кафедре, я превратился в руководителя Лаборатории психологии труда и управления, которая стала для кафедры психологии полигоном учебно-практических занятий, местом для прохождения профессиональной практики студентов. Появились возможности для проведения совместных с кафедрой просветительских акций и мероприятий. Я по-прежнему вел спецкурс "Зрительное восприятие", но помимо этого в Лабораторию теперь шли дипломники, курсовики, практиканты.

Выстраивая свои личные планы, я решил, что год – полтора сосредоточенно буду заниматься Комнатой разгрузки. Потом сконцентрируюсь на зрительном восприятии водителей, подключаю сюда материалы по ограниченному полю видения, и защищаюсь. В этих наивных планах я не учел, что фактически придется заниматься многими текущими вопросами психологии управления и организационной психологии, придется подключаться к социологическим исследованиям и оперативно реагировать на запросы руководителей и на нужды организаций. Поэтому Комната разгрузки заработала только через три года, а защитился я только через пять лет.

Но эти годы дали много интересного, поучительного и чрезвычайно ценного опыта. .

ЧАСТЬ II

С кем пойти в разведку

Нет смысла нанимать толковых людей, а затем указывать, что им делать. Мы нанимаем людей, чтобы они говорили, что делать нам.

Стив Джобс

С первых дней существования нашей Лаборатории, я понимал, что хотя бы в общих чертах нужно согласовывать свою деятельность с интересами и планами Начальника объединения Саратовоттранс А.А. Кокушкина. Он не стал сразу жестко формулировать задачи Лаборатории. Но дал понять, что мы без дела не останемся, что все новое, что попадало под определение "человеческий фактор", он может теперь обсуждать, имея рядом Лабораторию.

Считаю нужным подробно охарактеризовать этого человека, потому что он был первым руководителем в городе, который создал свою психологическую службу. А ведь в городе были организации более многочисленные и более финансово состоятельные. В это же время он создает для автомобилистов свою ведомственную поликлинику, что было еще одним новшеством.

Арсений Алексеевич был мне симпатичен прежде всего тем, что видел в психологии, как и я, возможность и способ решения практических задач. Это был, конечно, дерзкий взгляд на исконно гуманитарную науку. Но именно в этом был азарт и открытия, и использования нового ресурса. Под тем углом зрения, как видел его я, – он был достаточно открытый человек, вполне доступный для общения. К тому же рядом работали его сокурсники по родному автодорожному институту. (позднее он стал называться Политехническим университетом), которые его знали со студенческой скамьи и даже раньше. Поэтому своих планов и шагов по их достижению не скрывал. Больше того: – афишировал. В расчете на то, чтобы привлечь единомышленников. Но целей... Целей своих действий он раскрывать не спешил. Человек такого уровня не может быть прост. Цели свои он обнаруживал, когда считал это возможным и необходимым. Не раньше.

Он родился в 1928 году. По моим меркам, не намного опередив меня. Но, думаю, разница между ним и многими другими ровесниками

была не в десяти годах, а в жизненных целях и мере ответственности. Я, например, старался занять нишу исполнителя, помощника, специалиста, а он, лидер от природы и, вероятно, по воспитанию, был однозначно нацелен на то, чтобы стать руководителем.

Еще в студенческие годы он был внештатным инструктором Райкома комсомола (РК ВЛКСМ), и это помогло ему понять, как устроена Система управления. Вообще. В стране. Последующие годы он сознательно строил свою карьеру. Инструментом для этого он сделал высокую работоспособность, личную ответственность, готовность совершенствовать управление на той ступени, которую занимал, а главное, – внимательное отношение к коллегам и подчиненным в сочетании с высокой требовательностью. Думаю, это стало отличительной чертой стиля его деятельности: везде и всюду, где бы он не работал, добиваться лучшего результата путем объединения усилий всех, кто работает рядом.

После окончания института, став специалистом по эксплуатации автотранспорта, пройдя ряд инженерных должностей, в 1962 году он становится Начальником одного из самых крупных автопредприятий. И за 4 года делает его лучшим. К этому времени он становится по совместительству доцентом Кафедры автотранспорта в Саратовском политехническом институте. И это был еще один аргумент, когда его в 1966 году назначают Начальником Приволжского территориального транспортного управления, фактически регионального объединения дорожного транспорта четырех смежных областей: Пензенской, Тамбовской, Ульяновской и Саратовской.

Теперь, в конце 1977 года, когда о проблемах "человеческого фактора" заговорило руководство страны, он ставит задачу сделать самое большое автопредприятие Саратова – Производственное объединение грузового автотранспорта №2 (СПОГА -2), – образцовым хозяйством, насыщая его новейшей техникой, передовыми технологиями, а главное – создавая в нем лучшие условия работы и быта для работников. И Комната психологической разгрузки – это лишь один из элементов новой культуры производства на автотранспортном предприятии. Совершенно не главный, но броский, яркий, заставляющий водителя поверить, что он дорог предприятию не только как работник, а как человек. Подобную задачу он поставил и перед руководителем автопредприятия меньшего масштаба, находящегося в районном центре Саратовской области, в городе Марксе, М. Гастевым. Сосредоточив все свои усилия на этих двух предприятиях, делая их и все Объединение в целом образцами для других, А.А. Кокушкин хотел получить конкретный управленческий эффект.

Он уйдет на пенсию в 1992 году, кавалером орденов Ленина, Октябрьской революции и Трудового Красного знамени, медали "За доблестный труд" и нескольких Грамот ВЦСПС.

Намного позже, уже в 2010 году, в память о его делах, город установил барельеф с надписью *"Кокушкин Арсений Алексеевич, профессор, член академии транспорта РФ. По его инициативе в 1977 г., была создана поликлиника "САРАТОВТРАНСАВТО"*.

По его инициативе было создано не мало. Наша Лаборатория в этом большом списке добрых дел заняла бы, вероятно, одну из последних строчек. Но мы рады подтвердить, что память эту бережем.

Всю свою жизнь он был одним из тех людей, которые твердо стоят на земле, ставят четкие ясные задачи, концентрируют свои усилия и поэтому добиваются значимых результатов. Это был целеустремленный, беспокойный человек.

Он вполне реально мог занять более высокие ступени управления в отрасли или области. Но на более высоких этажах требовались иные качества, которые он не считал приемлемыми для себя.

По проекту реконструкции СПОГА-2, комната психологической разгрузки должна была размещаться в бытовом корпусе. Его архитектурная и технологическая планировки опирались на идею, которая была заимствована у японцев и поражала принципиальной новизной. Поэтому нам надо было постоянно согласовывать свой проект с другими службами и приходилось обращаться за советом к Кокушкину. И каждый раз он неизменно говорил:

– Моя помощь вам не в том, чтобы давать советы, а в том, чтобы создавать условия. И оценивать результат. Я буду вас жестко критиковать, если вы не достигнете результата. И поддержу, если буду видеть успех.

Его усилия были замечены, Он был один из пионеров, и его ставили в пример, рассказывали о нем. Соответственно, называли и СПОГА-2, и бытовой корпус, и Комнату разгрузки. Когда в область и город приезжали гости из столицы, из ЦК КПСС, из Академии наук или коллеги из соседних регионов страны, а также областные руководители и другие именитые гости, он привозил их в СПОГА-2. Сам знакомил с бытовым корпусом, с идеей Комнаты. Предваряя рассказ психолога о сути процессов, которые тут происходят, он говорил:

– Не помню, где сказано "по вере вашей воздастся вам" (лукавил, знал, конечно, про Библию, но согласно партийной этике того времени нельзя было на нее ссылаться, даже упоминать ее). Это значит, если вы верите, что специалисты-психологи сделали все, чтобы человек здесь освободился от напряжения, вздохнул полной грудью, нацелился на хорошие отношения, если вы верите, что сотням людей здесь стало намного лучше, что они ушли отсюда более сильными и готовыми к

работе, если вы верите, что здесь происходит маленькое чудо, то так оно и есть, так оно и будет. И тогда к вам придет светлое состояние души. По вере вашей – вам воздастся. А для наших работников это вдохновляющее и привлекательное будущее. Когда знаешь, что есть такая Комната, то встаешь по утрам с радостью и хочется жить.

Его помощь мне, а значит и Лаборатории, была предметной, конкретной. В самом начале, когда вокруг только и было разговоров, что создается Лаборатория психологии, он приезжал к нам, смотрел, как мы обстраиваемся, брал меня с собой на предприятия. На языке тех управленцев, кто внимательно следит за настроением и делами руководителя, это означало: "этой задачей занимаюсь я лично, помогать – пожалуйста, но не мешать". Вероятно, поэтому все просьбы и пожелания по оборудованию нашего помещения, по планированию Комнаты так быстро реализовывались. Во время этих совместных поездок он объяснял свое видение тех преобразований, которые так активно внедрял.

– Если человек работает в тесном, грязном закутке, то это плохо. Это обязательно сказывается на качестве его труда, на отношении к работе, на настроении. Это же как дома: вы приходите домой, а там не убрано, не порядок, – сразу настроение портится.

Надо резко менять отношение к рабочему, прямо здесь и сейчас. Дело не в том, есть на предприятии Комната психологической разгрузки или нет. Комната не самоцель. Но если есть Комната, то рядом с ней не может быть дощатый сортир. Человек не может прийти в столовую в грязной одежде.

Все разговоры о наших новых шагах неизменно заканчивались вопросом: – Когда это будет сделано? Но его агрессивный дедлайн не давил, он мобилизовывал.

Формально, по штатному расписанию, у меня был свой непосредственный руководитель – Начальник Проектно-технологического бюро **Валерий Куприянович Прищеп**. Будучи сам автомобилистом, он хорошо знал проблемы эксплуатации техники, понимал, какую помощь его организация могла оказать предприятиям. Кроме того, он хорошо знал руководителей всех предприятий Объединения, они все представляли собой профессиональное братство.. Поэтому он был как бы моим проводником в новой для меня общности. Мы были примерно одних лет, одного круга мыслей. У нас с ним были спокойные деловые отношения, без панибратства и амикошонства. Его не могло, конечно, не задеть, что в его организацию без его ведома внедряют какую-то инородную команду. Но я старался продемонстрировать ему свое уважение и признание его авторитета, соблюдал субординацию, показывая при каждом удобном случае, что ни при каких обстоятельствах не собираюсь, не хочу и не стану ему

конкурентом. И делал это совершенно искренне. Понятно, что психология для него была новое дело, но ему хватало опыта и знаний разобраться в наших проектах. Все оперативные вопросы я решал и согласовывал с ним. При этом ответственность всегда брал на себя.

В Объединении были еще два человека, с которыми я имел тесные постоянные отношения. Это Заместитель начальника Объединения по социальным вопросам **Валерий Федорович Кузнецов** и Начальник отдела кадров Объединения **Алексей Иванович Непейпиво**. Мы сохраняли ровные деловые отношения, никаких трений не возникало. Особо я ценил, что В.Ф. Кузнецов на наших глазах стал начальником Саратовского пассажирского предприятия №2, а уж с этой должности перешел в Управление. Таким образом он хорошо знал и понимал нашу работу. С их стороны я постоянно встречал поддержку. Мне повезло с коллегами, это были не ограниченные тупые чинуши, а люди культурные, образованные, понимающие в жизни, умеющие ценить сотрудничество и знающие цену человеческому капиталу. Думаю, всякий производственный психолог непременно должен контактировать с такими должностными лицами.

У руководства был до нас опыт построения отношений с организацией, которая вписана в систему управления, но сама по себе достаточно автономна. Это **Вычислительный центр** Объединения, солидная организация, где трудилось не менее 100 человек. Там работали большие энтузиасты, их успехи были предметом гордости руководства. В нем постоянно обновлялась техника, постоянно совершенствовалась система цифрового контроля за движением подвижного состава, перемещением кадров, в постоянном режиме шел анализ прочих показателей. Вполне возможно было ожидать, что нашу Лабораторию припишут к компьютерной службе, предложат какое-то общее дело, например, проект индивидуальной паспортизации психологических характеристик всех водителей по показателям безопасности (скорость реакции, точность экстраполяции [30] и т.д.). Но мы этого избежали, у руководителей хватило здравого смысла этого не делать.

Была еще одна важная фигура, с которой у нас были постоянные контакты. Это Начальник Саратовского производственного объединения грузового автотранспорта СПОГА-2, руководитель этого огромного предприятия, **Павел Сергеевич Беликов**. Он с утра до вечера был на острие управленческих задач в этом огромном коллективе, проводил совещания, планерки, ругал и хвалил своих подчиненных, выстраивал отношения с заказчиками транспорта, занимался тысячью других дел. У него были свои взгляды на проблемы, связанные с "человеческим фактором". Он считал, что его

главное дело – это эксплуатация, ремонт, безопасность и экономика, экономика, экономика. Он занимался стройкой новых, ранее не свойственных автопредприятию корпусов, понимая, что "не отвертеться". Но это было не его призвание. Все эти теплицы, столовые, теплые переходы между корпусами, бытовые корпуса и психологи с их странными проектами только добавляли работы, отвлекали внимание. Иногда мне казалось, что из факторов и инструментов управления он знал и верил только в ответственность и зарплату. Точнее, только в один – в зарплату. Конечно, он гордился, что его предприятие становится образцовым, но на то, чтобы принять все это близко к сердцу, у него не было ни времени, ни желания, ни сил. Но когда мы, как Лаборатория, доросли до анализа деятельности руководителя, то первым к кому мы пришли, был П.С. Беликов. Тогда он сказал:

– Теперь мне понятно, чем вы занимаетесь, это полезное дело.

Думаю, здесь самое подходящее место, рассказать о первых сотрудниках Лаборатории, которые помогли ее становлению. Прежде всего я хотел вспомнить **Нину Валентиновну Мураховскую (Шаталину)**, тогда – просто Нину. Но не только потому, что она была первой зачисленной в штат Лаборатории, а потому, какой вклад она внесла в общее дело. О других – вспомним по ходу дела, каждый сделал что-то полезное для общего дела. Но Нина занимала особое место, она не была психологом, она вообще не была гуманитарием. Более того, она была безыскусна в человеческих отношениях, прямолинейна в суждениях и оценках, излишним психологизмом не страдала. И к задаче создания Комнаты она, инженер по образованию, подошла с чисто инженерных позиций. Мы были знакомы друг с другом по совместной работе в НИТИ, но ее там что-то не устраивало, кроме того, она готовилась к изменениям в личной жизни. А тут я предложил новую работу, и она согласилась. Почему первым в Лабораторию психологии был принят инженер, а не психолог? Этот вопрос мне никто не задавал, но я чувствовал, что он был на языке у многих. Объясняю.

*Первые дни лаборатории. Отмечаем День автомобилиста.
На переднем плане - Нина Шаталина*

Так исторически сложилось, что по способу мышления основателей и создателей психологии как науки, она оказалась преимущественно дисциплиной философской и теоретической. И когда возникла необходимость в практическом ее применении, то оказалось, что ни приемов действия, ни инструментов для этого действия не выработано. А ведь многие были большими светилами. Но в психологии. А не в ее практическом применении.

Наша Лаборатория, как я понимал ее назначение, создавалась для решения производственных задач. Вслушайтесь: **ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ**, но психологическими методами. Следовательно, ее работники должны были понимать специфику производственных отношений. Психологи же, которых я знал и видел вокруг себя, знали теорию психологии, но слабо представляли себе, как

это может быть реализовано на практике, в жизни. Вот поэтому при создании Лаборатории, при организации внедрения нового проекта, я решил, что приоритет следует отдавать инженерному решению, а психологическое обеспечение должно следовать ЗА НИМ, или хотя бы рядом. Я и сейчас так думаю.

То, что Шаталина не была психологом – было в наших конкретных условиях ее плюсом. Потому что все задачи, которые возникали, она решала "со всей большевистской прямоотой", с бесхитростной инженерной искренностью. (Про "прямоту" поясню для сегодняшнего читателя: – это мем, ироничный образ, реплика, расхожая в те годы, а не сегодняшний партийный призыв). Она сделала много полезного благодаря своей безальтернативности. И среди прочего за ней числился один "подвиг", который она совершила сама того не заметив. Речь идет о Комнате в Марксовском автопредприятии. Точнее, о не-создании этой Комнаты. Поясню.

Город Маркс был заложен в 1765 году немецкими колонистами в 60 км от Саратова, выше по течению Волги, на ее левом берегу. Назывался он в разные годы по-разному, в советское время это был один из крупных центров Республики немцев Поволжья. В августе 1941 года всех немцев Поволжья выселили в Казахстан и Сибирь (трагедия, но кто тогда на это обращал внимание, гитлеровцы были уже в Смоленске), и город получил сегодняшнее название. Население примерно 20-25 тыс. чел. Небольшой завод, пивоварня (но знаменитая на всю страну), несколько небольших фабрик. И вот, наше автопредприятие. И в нем надо создать бытовой корпус и Комнату психологической разгрузки.

Для кого?

Это в Саратове, где СПОГА-2 занимает территорию в несколько гектаров, где стоянка и ремонтные мастерские фактически находятся за городом, и водителю надо еще добраться до своей машины, до своего рабочего места, надо привести себя в порядок после работы, чтобы вернуться вечером домой хотя бы в чистой одежде. А в Марксе предприятие – чуть ли не центре города, водители живут рядом, все близко, все по-домашнему. Здесь все должно быть как-то по-другому. Идея, приемлемая для Саратова, – не подходит для Маркса. Мы с В.К. Прищепой уже несколько раз приезжали в Маркс, говорили с тамошним директором, исходили всю территорию, да чего там ходить, небольшое все, обозримое, все как на ладони. Но Кокушкин выбор Маркса с нами не обсуждал, он не хуже нас знал его масштаб. И тем не менее, если остановился на этом адресе, значит, были на то какие-то резоны. Скорее всего, его вынудили к этому в Обкоме партии, а может – в Минавтотрансе России. Короче: время шло, решения не было. А надо было уже "сажать" на предприятие психолога, то есть готовить

проект. Решили, направить туда Шаталину. Чтобы каждый день ей не ездить из Саратова в Маркс, готовились оформить ей командировку на несколько месяцев, подобрать место, где она будет жить, работать и т.д. и т.д. И вот мы с Валерием Куприяновичем везем Нину знакомить с предприятием, рассказываем ситуацию. Она категорична:

– Да вы что? Там кроме сторожа и директора некому будет в этой Комнате расслабляться. Это будет глупость, над нами будут смеяться. Если вы трусите сказать Кокушкину, что он не прав, я сама пойду к нему на прием и объясню ему.

Прищепя вопросительно посмотрел на меня. Я молча кивнул: пойдет. Он задумался.

– А чтобы ты предложила для этого предприятия? – спросил он.

– Что? Да что угодно. Хотя бы детский комбинат. Здесь так дышится, так спокойно. Здесь можно круглый год принимать детишек, посменно, И не только местных, Из Саратова можно сюда привозить, из других городов. Сделать такой Детский город-сад. И с кадрами дело наладится, молодые родители будут на работу устраиваться в очередь, чтобы ребеночка пристроить.

Мы переглянулись с Прищепой, и я понял, что наши мысли совпали. Расставаясь, он спросил меня:

– Ты пойдешь с предложением к начальнику? Вроде бы, из твоей команды предложение прозвучало.

– Нет. Давай ты. Там наверняка будут вопросы по строительной части, а это не мой профиль. Но если надо, сошлись на меня, мол, полностью согласен. Я буду рядом.

В.К. Прищепя (слева), я и Нина Шаталина во время поездки в г. Маркс

Через несколько дней узнаю, что начато срочное проектирование детского комбината для автопредприятия в Марксе. Молодец, Нина! Впрочем пристыдила двух мужиков, до еще подсказала прекрасное решение. Через полтора года я сам приезжал в этот комбинат с дочкой-дошкольницей в зимние каникулы. С улыбкой вспоминали с его директором историю строительства там детского комбината.

О чем этот случай говорит? О способности выйти за границы задачи, чтобы решить ее. Это редкая способность. Не всем дано. Нина Шаталина проработала в Лаборатории не долго, и главная причина была, конечно, в зарплате. Это изменить было не в моих силах.

О чем, собственно, речь? Что делать будем?

Психолог – это человек, который говорит
то, что известно каждому,
на языке, которого не понимает никто.
Джозеф Джастроу

Первый период создания нового – всегда несколько сумбурен. Возникает много дел, и все не терпят отлагательства. Но, кроме того, самому надо разобраться, понять актуальные задачи. Видя мое состояние, мою некоторую растерянность, то Кокушкин, то Прищепа выезжая на предприятия, брали меня с собой. Им важно было рассказать мне, что намечается делать, объяснить специфику работы автотранспорта. А мне – понять, какие задачи руководство считает наиболее важными.

Первое дело, конечно, Комната разгрузки в СПОГА-2. Она должна быть встроена в здание бытового корпуса, где будет столовая, душевой (банный) зал, гардеробная, медчасть, еще какие-то новые для автопредприятия службы. Все на транспорте привыкли, что в гараже (а где же еще? если есть машины – значит, есть гараж) должен быть такой подслеповатый грязный закуток, где стоят заляпанные масляными руками убогие шкафчики для рабочей одежды и такой же подслеповатый душик с вечно засоряемой дырой в полу. В новом проекте автопредприятия будущего должен был воплотиться дизайн нового века – японский проект гардеробной, где не будет грязных шкафчиков в углу. Вместо них под потолком высокого мраморного холла будут висеть индивидуальные, для каждого работника – отдельно, персональные гардеробы в два отделения: рабочей и чистой одежды. Легонькая лебёдушка опускает на тросике этот гардероб прямо к креслу, где сидит работник, позволяя ему спокойно переодеться и

отправиться или на работу, если утром, или домой, если дело происходит вечером. То, что вся одежда хранится в индивидуальном гардеробе, под потолком, не только сэкономило место, но вносило совершенно иную атмосферу на предприятии, меняло психологию работника.

Вот рядом с этим помещением и должна быть Комната. С учетом примыкающих помещений (аппаратная, гардеробная, которая при Комнате, рабочее место психолога) всего было отведено более 100 кв. метров, причем, сама Комната – не меньше 70 кв. метров. Ничего себе, комнатенка, светёлочка! Пока шли строительные работы, у нас появлялось время отработать технологию и проект. С окончанием отделки и пуском корпуса в эксплуатацию, Комната должна была работать, как часы.

Параллельно с этой задачей надо было определиться и понять, нужно ли, а если нужно, то как тестировать водителей и прогнозировать их безаварийность на дороге. Очень заманчиво было оценивать, например, скорость реакции до и после посещения Комнаты. Очевидно ожидать, что после посещения реакция ускорится. Но, как говорится, не будите лихо, пока все тихо. Во-первых, а что, если реакция не ускорится, а, не дай бог, замедлится? Ведь Комната расслабляет, значит, тормозит нервные процессы. И, если реакция станет замедленной, то что, увольнять этого водителя? Какие у психолога есть права вмешиваться в трудовые отношения водителя и предприятия? Здесь можно в такие правовые сложности попасть, что выпутываясь из них, ничем другим не хватит времени заниматься. Поэтому, когда рассказывали о Комнате Л.И. Брежневу, то говорили, что скорость реакции улучшается. А когда о Комнате спрашивал академик Е.П. Велихов, то он про скорость реакции и не спрашивал, вероятно, понимал неоднозначность проблемы.

Особо остро вопрос безаварийности водителя стоял для пассажирского автотранспорта. Мы не могли пройти мимо это этого фактора. Но опять же, время реакции очень сложно использовать для прогноза безопасности движения. Автомобилисты знают, что значение реакции не является постоянной величиной для человека. На нее влияет множество факторов, некоторые из которых человек способен скорректировать в сторону улучшения, а другие являются индивидуальными характеристиками его организма и их нельзя изменить, сколько не тренируйся. Но сказать, что психологи не измеряют время реакции водителя, считая ее не надежным показателем – опасно, можно нарваться на скандал. Поэтому этот показатель мы измеряли. И дальше взаимодействовали с отделом кадров предприятия или с напрямую с инженером по безопасности. Говорили, что реакция у

водителя странная, приглядитесь к человеку, может быть ему за рулем находится не стоит.

Опытные автомобилисты знают, не столько психофизиологические характеристики водителя интересуют предприятие, сколько его морально-деловые качества: ответственность, честность, готовность к взаимовыручке. Водитель проводит весь рабочий день вне предприятия. Он как бы предоставлен сам себе. Но в тоже время он остается работником предприятия, несет ответственность за качество своей работы, за технику, за груз, который может стоить во много раз больше, чем автомашина. Это создает своеобразие управленческой схемы. Кстати, по этому поводу специальной литературы мы в те годы практически не встречали.

Очень важна была для предприятий работа, направленная на снижение текучести водительских (рабочих) кадров.

Здесь явно проглядывала социологическая направленность работы и примыкающее к ней социально-психологическое направление. Но арсенал средств для снижения текучести кадров весьма ограничен. Там, конечно, есть психологическая составляющая. Но не она решала проблему. Решающее значение здесь имела и имеет экономика. Водительская зарплата в то время была не велика, шофера зарабатывали очень мало, труд их был, как правило, тяжел, а условия труда – плохие.

Я не любил это направление работ, ощущая себя соучастником системы эксплуатации рабочего. От нее за версту несло безысходностью. В минуты раздражения это напоминало миссию Айболита. Помните? "...У них ангина, скарлатина, холерина, дифтерит, аппендицит, малярия и бронхит!" С невероятными, непредставимыми трудностями добирался Айболит до Африки. И что же он делает для этих бегемотиков и носорогов? Он ставит им, ставит им градусники! Он, конечно, демонстрирует чистоту помыслов и высокую преданность профессии. Он, разумеется, учит справедливости и любви. Но создавать на производстве целый коллектив, который будет только "ставить градусники", оценивая, например, потенциальный уровень текучести кадров, ничего не предлагая, не в состоянии предложить никаких изменений в их судьбе, – это слишком сказочно.

Если бы предприятие могло бы предложить работнику какие-то условия, какие-то блага. Типа, "а вот если жилье дадим, то сколько лет ты готов у нас проработать?" Только-только развернулось в стране жилищное строительство, только-только стали строить детские учреждения. Начали с дефицитных рабочих мест. А работники не дефицитных профессий, всякие там шофера, землекопы и плотники – им что делать?

Более актуальной была работа по анализу стиля деятельности руководителей предприятий и среднего управленческого звена. Мы говорим – стиль деятельности, но нас интересовало, конечно же, управление. И не столько стиль, сколько содержание, методы, приемы, а главное – результат. Вроде бы тоже ничего изменить нельзя, взрослого человека не переделаешь, если даже психолог посоветует. Но тут хоть можно менять кадры, подбирая для определенной работы руководителей с определенными качествами. Как минимум, хотя бы отбраковывая безнадежно неподходящих.

Мы готовы были подключиться к решению различных управленческих проблем. С интересом наблюдали, как руководство Объединения выстраивает новые схемы управления. Мы надеялись, что нас плотно привлекут к этой работе, и готовили соответствующие заделы [12; 13]. Но Лабораторию к вопросам подбора руководителей высшего звена не подключили. А попросили дополнительно к основной тематике оказать психологическую помощь Детской автомобильной школе и подсказать ее тренерам пути преодоления конфликтов в командах подростков, принимающих участие в соревнованиях. Мы с удовольствием включились в эту, казалось бы совершенно непрофильную работу. Детской автошколе придавалось большое значение, поскольку успех в республиканских соревнованиях подымал престиж саратовских автомобилистов, а, следовательно, работал на авторитет Объединения Саратовавтотранс в Министерстве автомобильного транспорта РФ.

Мы еще коснемся тематики Лаборатории, но сначала было важно разобраться с понятием "человеческий фактор". Вероятно, этот термин возник при объяснении причин ошибок человека, в отличие от ошибок техники. Но и тут было как бы две стороны одной медали: ошибки, возникающие непосредственно в самой деятельности, и ошибки, природа которых коренится в обстоятельствах, сопровождающих, окружающих, регулирующих эту деятельность

Поскольку Лаборатория должна была гасить вредное проявление этого фактора, надо было лучше понять его природу.

Конкретный повод для создания Лаборатории заключался в создании Комнаты. А та нужна была для снятия накапливающегося в ходе работы нервно-психологического напряжения. Почему вдруг напряжение оказалось в центре внимания организаторов производства? Формально потому, что рост темпа и объема работы порождает волнение за результат труда. Это эмоциональное напряжение усиливается от плохой организации труда и неадекватной самооценки готовности к этому труду. То есть, если работник считает себя к этой работе не готовым, то напряжение растет, порождая волнение, импульсивность, впечатлительность поведения.

Но не надо думать, что ошибки в трудовой деятельности возникают только от напряжения в работе. Монотонная, излишне спокойная, убаюкивающая обстановка может быть не менее опасной. Водитель остро нуждается в мобилизующей собранности и готовности к неожиданностям.

Причиной напряжения могут быть отношения в семье, внутри рабочего коллектива, переживание волнующего события и, как правило, неготовностью к нему. Особенно эти причины сильно сказываются в экстремальных состояниях, в ситуации информационной неопределенности, при дефиците времени.

Теперь становится ясно, какие причины и как могут быть устранены в ходе деятельности психологической службы и конкретно работой Комнаты. Но насколько экономически оправдано создание специальных психологических подразделений и Комнат? Иными словами, если сложить все затраты на создание психологического подразделения и его деятельность, то окупится ли это снижением аварийности или уменьшением износа техники?

Как-то меня прямо в коридоре остановила Заместитель(ница) Начальника Объединения по экономике, дама бальзаковского возраста, яркая, ухоженная, привлекающая внимание, такая решительная женщина. Без лишних церемоний, без предисловий, она спросила меня:

– Все хочу понять, ваша психологическая суета, – это шарлатанство или реальная польза для людей? Я об этом серьезно думаю. Может быть вы меня успокоите какими-то расчетами?

– Вам, как талантливому экономисту, – ответил я, – лучше меня известно, что есть затраты и довольно большие, которые окупаются не прямо, а опосредованно, например, через чувство собственной значимости и самоуважения работника. Вот вы ни разу не пришли на работу во вчерашнем костюме и, как минимум, раз в неделю делаете укладку. Можно ли подсчитать, на сколько процентов ускоряются от этого ваши расчеты и повышается их точность?

– Ну, я бы еще согласилась с вами, если бы вы сделали психологическую комнату не у Беликова в СПОГА-2, а рядом с моим кабинетом.

– А разве свежая сорочка и новый галстук вашего мужа не прибавляют вам самоуважения и значимости? Пусть вас согревает, что о водителях Беликова думают специально приставленные к ним психологи, и отдыхают они в уникальной Комнате, а не в подворотне "на троих". Правда же, приятнее работать в организации, где так заботятся о рабочих?

Я не получил ответа. Но судя по тому, что А.А. Кокушкин не стал спрашивать меня об экономической эффективности предлагаемых нами мероприятий, моих объяснений оказалось достаточно. Я не настаивал

на ответе, поскольку знал, что Комната, даже если не улучшит внимание водителя на дороге (а она, конечно, сделает его более внимательным), создает на предприятии иную атмосферу. Она демонстрирует работнику, что предприятие заботится о нем, и работник отвечает на это лучшим отношением к работе. Этот закон, описанный еще американскими психологами в начале 1930-х годов, через полвека стал актуален и для наших предприятий.

Готовя характеристики ИТР, мы позже не раз показывали, что управление персоналом на предприятии должно непременно проводиться с учетом его отношения к внешним условиям. И что учет личного фактора в построении системы управления персоналом предприятия должен быть неизменным. В чем это выражается? В первую очередь в том, что должна быть продуманная кадровая политика, что кадровые проблемы не должны решаться стихийно. Что должны учитываться интересы работника путем повышения мотивированности его труда.

Директор СПОГА-2 Павел Сергеевич Беликов в узком кругу своих помощников и заместителей, особенно, если при этом присутствовал А.А. Кокушкин, любил фантазировать на тему "если бы я..." Рассказывая, как бы он реализовал кадровую политику среди ИТР, он говорил:

– Если бы я имел возможность, я бы всем рабочим повысил зарплату в два раза! – тут он делал мхатовскую паузу, поднимал указательный палец, как бы призывая всех к вниманию. И ставя в воздухе восклицательный знак, продолжал:

– ... А инженерам повысил бы в ЧЕТЫРЕ раза!

И в который раз горестно рассказывал, как он вынужден "сажать" молодого выпускника института с красным дипломом на зарплату, меньшую, чем у водителя с образованием семь классов.

– Какую же я от него получу отдачу, если ему эту зарплату нести домой стыдно?!

Но такое видение проблемы мы наблюдали не на всех предприятиях. К сожалению, не все руководители соседних предприятий мыслили так же. А здесь мы имели возможность показать, что понятие "человеческий фактор" – это не только ошибки в процессе деятельности, но это, прежде всего, внутренний мир людей; их потребности, установки, переживания, направленности интересов и жизненных целей. Здесь нам не трудно было показать, что без знания закономерностей поведения людей нельзя добиться высокой эффективности управления. Эти знания необходимы руководителю не менее, чем знания в области технологий и экономики. Недостаточное понимание проблем человеческого фактора – это главная причина производственных неурядиц, конфликтов, текучести кадров. Там, где

мы сталкивались с самостоятельно мыслящими руководителями, там нас понимали и шли навстречу.

От нас ждут проект. (Наболевшие размышления)

Где и когда должен кончиться диван?
М. Якерсон

Что написано в дипломе психолога, который окончил университет? "Психолог, преподаватель психологии". Все правильно. Его действительно готовят к преподаванию.

А если он пойдет на производство? Если он собирается работать на заводе? Или на транспорте? Если его место работы будет только создаваться, и его спрашивают: как оно должно выглядеть? что там должно быть? Чтобы будущая действительность не застала молодого специалиста врасплох, неплохо бы подготовить его к такому будущему, хотя бы ориентировать в нем. Тогда он будет знать азы организации труда и управления на производстве, понимать, как строятся линии отношений, что является содержанием труда и как это все может быть улучшено, упрощено, модернизировано с помощью психологии.

Первые выпускники кафедры психологии СГУ рассказывали, что когда они приехали по распределению на промышленные предприятия, то они были в полной растерянности, не зная, что делать и с чего начать.

Точно также и для молодых психологов, которые пришли в Лабораторию, многие вопросы, с которыми они встретились на работе, были неожиданны. Им пришлось учиться на ходу. На практике.

Пока шла подготовка фундамента бытового корпуса на СПОГА-2, строители, получив команду "вписать" туда Комнату психологической разгрузки, уточняли свой проект. Их интересовали особенности того помещения, которое займет Комната.

– Вроде бы ничего особенного. – отвечали мы им. Ну, что-то типа класса. Будут стоять кресла. сидеть люди. Недолго, минут 15-20. Люди посидели, послушали и ушли.

Но строители дотошны. Точно ли, что к помещению, которое станет Комнатой психологической разгрузки, нет специфических требований? Давайте проверим, мы зададим несколько вопросов, чтобы проверить.

– Просто голые стены или что-то на них будет? Вдоль всех стен? А окно. Оно нужно? Для чего? Оно мешает? Чем? Так как быть с окном?

– Экран будет? Какой? Аппаратура для демонстрации будет? Какая? Управлять по ходу демонстрации изображением надо? Чем и как, конкретно? Где будет стоять эта аппаратура? Сколько аппаратов? И человек там будет сидеть?

– Какая нагрузка на линии электроснабжения? Проще говоря, сколько лампочек и какой мощности будут гореть в максимуме, то есть одновременно?

– Сколько человек будет в зале? Как рассчитывать вентиляцию помещения?

Это лишь часть вопросов, они просты, но они требуют ответа. Это заставляло нас более конкретно представить, как в реальности будет работать Комната. Представить и однозначно описать все детали.

– Программа релаксации будет одна? Несколько? Где они будут храниться? Что они собой представляют? Как они будут называться? Как и что они будут демонстрировать?

– Как комната встроена в технологический цикл? Когда водитель (рабочий) идет туда? До работы? После смены? Это жестко закреплено? Или он идет по желанию, по самочувствию?

– Если он идет до смены, то это сигнал для начальника колонны. "Я не в порядке!" Да?

– Где находится психолог во время сеанса?

Представим, вы хотите создать Комнату, и вам хотят помочь подобрать помещение.

– Знаете там, в конце коридора, у нас есть подходящая комната, там раньше был туалет, теперь держат тряпки и щетки, она большая, метров 10 – 12, все в кафеле. Подойдет? НЕТ? А почему?

Вы видите: у вас и у тех, кто хочет вам помочь, – разные представления о том, как и для чего нужна Комната.

Чтобы понять, как Комната может быть включена в технологический цикл, надо посмотреть своим глазом, как работает предприятие. Чтобы решить проблемную ситуацию, ее надо воспринимать, как личную задачу деятельности. Чтобы понять, когда должна начинать работать Комната, я еду на предприятие к началу рабочего дня.

Начало рабочего дня на транспортном предприятии отличается от заводского. Завод, например, начинает работать с 8 часов, и к этому часу приходят все рабочие, инженеры, управление. За пятнадцать минут до начала работы в проходной выстраивается очередь. А как у водителей? Водитель должен поставить свою машину к заказчику (например, к экскаватору, к складу и т.д.) к 8 утра. Значит, из гаража он

должен выехать, например, в 7.30. А к своей машине подойти во сколько? В 7.00. Ему надо "постучать по колесам", оформить документы на выезд, там заложен, кстати, и медицинский контроль. Но и другим также это надо, значит, возникает очередь, еще 15-20 мин. Значит, в 6.45. Для гарантии у машины надо быть в 6.30. Развозка, которая собирает рабочих, чтобы привезти их на предприятие, проходит по его району с 5.00 и далее каждый час, до 9.00. Значит, садимся на 6-часовую. Из дома надо выйти в 5.45. Если встать в 5.15, то 30 мин хватит на завтрак?

Итак, чтобы быть у заказчика в 8.00, водитель просыпается примерно в 5.00 – 5.15, умывается, одевается, завтракает 30 – 45 мин. И выходит из дома в 5.45 – 5.50. То есть, примерно за два часа до работы. Причем, до того, как он сядет за руль, он уже активен. Спросим себя: надо ли планировать в Комнате утренний мобилизующий сеанс типа "Рабочий настрой"? Мы решили, что – нет. Тогда остается только послесменная релаксация для водителей и дневные сеансы для ремонтников и управленцев.

Обратим внимание, все, что мы сейчас обсуждали, связано исключительно с подготовкой к реализации нашего проекта. А когда мы продумывали формулу суггестии или инструкцию на расслабление, все было связано с процессом. Существует принципиальное отличие проекта Комнаты от всего, что там происходит во время сеанса. Предприятию нужна Комната, как объект, который демонстрирует заботу руководства о рабочем. Не только демонстрирует, но и реально проявляет эту заботу. Физически, материально проявляет. И в этом смысл проекта. А рабочему в Комнате нужна суггестия. Если ее нет, то Комната только раздражает, как факт впустую потраченных денег, как не нужная, не умная игрушка, как глупая забава. Но психолог на предприятии должен думать и о суггестии, и о престиже предприятия, следовательно и о проекте. Насколько психолог готов к этому?

Прежде всего, надо понять, что проект отличается от того, что мы называем *представлением процесса, видением*.

При разработке проекта происходит перенос знаний в ситуацию реальной производственной деятельности и реального общения.

В представлении психолога, обсуждающего процесс, Комната психологической разгрузки – это какое угодно помещение, где сидит человек, которому говорят: "расслабьтесь, сначала лоб, потом – плечи" и т.д.

Но *в проекте* – это не какая-то абстрактная комната, а вполне конкретное помещение. И поэтому надо ответить на вполне конкретные вопросы:

– Где на территории находится эта комната? Рядом с кабинетом руководителя? Или рядом со столовой? Или с душевой? Или, где водитель получает документы на груз?

– Водитель/рабочий туда приходят после того, как, он закончил смену, побывал в душевой, переоделся? или в процессе рабочего дня в рабочей одежде?

– Во время сеанса Комната должна быть закрыта изнутри. На двери должна загореться табличка "Внимание! Идет сеанс . Просьба не беспокоить". Предусмотреть светящуюся надпись.

– Обувь. Предусмотреть бахилы или музейные чехлы на обувь? Или в обычной, повседневной обуви можно туда пройти?

Получается, что проектное мышление – это способ продумать заранее реальную деятельность и ее организацию.

Представим самый элементарный проект – приготовление пищи. Например, яичница, что может быть проще. На уровне процесса яичница выглядит так: взял два яйца, бросил на сковороду, через пять минут можно есть.

Но если делаем яичницу, как проект, то на уровне проекта, все выглядит несколько иначе.

Какую сковороду надо взять, с крышкой или нет? Делаем яичницу простую (только яйца, без ничего) или шакшуку марокканскую, типа, все что есть красное или оранжевое нарезать и залить яйцом? Сколько яиц? Что к ним добавить? Если лук – как его нарезать? Промыть ли водой? Если помидоры – как нарезать: кружочками или мелко кубиками? Если добавить молоко, тогда надо разбить яйца сначала в чашку, добавить соль, потом молоко, потом взбить, и уж потом – вылить на сковороду. Чувствуете разницу между процессом и проектом? Ни капли не утрировано. Обратите внимание: все вопросы связаны с реализацией.

Обдумывание будущей деятельности включает в себя эксперимент, представление, моделирование, обсуждение, размышление, обдумывание будущей деятельности в режиме непрерывного действия. Это то, к чему надо готовить новичков, если вдруг они будут работать самостоятельно.

Как все начиналось

Всего, что не случилось, я не помню...

В.Вишневецкий

Рассказывать о разворачивании работы Лаборатории сложно, потому что одновременно шло несколько проектов, в некоторых из них участвовали одни и те же люди. И в этом калейдоскопе дел, имен и событий надо найти какую-то сквозную нить, которая поможет раскрыть сюжет.

Я думаю, надо говорить о проектах. В них есть свой сюжет, своя драматургия, есть начало и есть какой-то финиш. И главным проектом, особенно в первые два-три года была, конечно, Комната. Разумеется, между собой все, кто был задействован в этой работе, даже те, кто постоянно интересовался этой работой, не говорили – комната психологической разгрузки, – понятно, что речь шла именно о ней.

Сергей Казовский, редактор многотиражки «Автотранспортник», известный в Саратове асс-журналист, "золотое перо", с которым у нас с первых дней знакомства установились теплые дружеские отношения, интересовался:

– Ну, как там комната психологической погрузки? Скольких уже погрузили в полный пофигизм?

Или

– Я тут вспомнил, в студенческие годы нас часто вызывали в Комитет комсомола, чтобы дать какие-то поручения. Комсомольские нагрузки – так это называлось. И мы между собой называли эту процедуру «комитет нагрузки». А ты можешь создать: «комнату нагрузки»? А на двери – профиль Кокушкина?

Он только что закончил помогать Арсению Алексеевичу работать над книгой о саратовских автомобилистах «Серебряные версты» и прекрасно понимал, как это работать с таким начальником.

В те годы, в «доинтернетовское» время, газеты была основным источником информации. В Саратове существовало специальное информационное бюро, которое получало практически все советские газеты и многие общественно-политические журналы. Можно было заказать у них подборку вырезок из газет на тему, например, «Автомобильный транспорт». Специальные люди, просматривая ежедневно газеты, собирали за неделю все, что было написано на эту тему. Мы, конечно, тут же подписались на эти обзоры. Получали их и «Автотранспортник», и Объединение.

С.Казовский рассказывал:

– Именно из газет мы тогда узнали, что в Японии на предприятиях организуют специальные комнаты, где стоит резиновый

манекен, в образе начальника. И каждый, кто не доволен руководством, может отдубасить этого болванчика, отвести душу после нагоняя или неожиданного стресса. Это подавалось, как находка в управлении. Там же появлялись заметки о том, что где-то за рубежом, вероятно, в той же экзотической Японии, на производстве создают такие комнаты, где среди цветов, порхающих птиц и бабочек, вдыхая чудесные ароматы растений, рабочий может посидеть, покурить (да ну?!), короче – перевести дух. То есть, не в вонючем предбаннике загаженного туалета, не под лестницей в подслеповатом прокуренном закутке, а в этой сказочной комнате. Просто расслабиться, помечтать о прекрасном, а потом снова к станку, к наковальне, к доменной печи. Эта картинка представлялась более сказочной, более фантастической, чем уголок, где можно отдубасить резиновую копию мастера или бригадира.

А у нас в это время для повышения дисциплины служащих – это же главные прогульщики! – придумывали такие специальные часы, наподобие шахматных, которые, уходя с рабочего места, нажимаешь, и если вовремя, ну, минут через пять, не вернулся, они начинают звонить на весь отдел. А там – цветочки, бабочки, ароматы... Да в таком цветнике я бы целый день сидел и думал о прекрасном!

Но именно этот вариант привлек внимание Кокушкина, и он стал обкатывать эту крамольную мысль в своем ближайшем окружении.

Казовский вспоминал:

– И вот, Арсений как-то на совещании об этом рассказал. И все заулыбались смущенно, как будто что-то неприличное сказал. И кто-то, развивая вслух эти мысли, сказал: «... и диванчики поставить среди роз». А я говорю: «А мне, Арсений Алексеевич, это нравится. Я бы еще кофе добавил. И сидел бы там, писал передовицы». А он мне так раздраженно говорит: «Ну, вы и так, Сергей, не вспотели, хоть с передовицами, хоть без. А вот ремонтникам, которые всю смену под машиной проводят, им бы это не помешало».

И у всех лица стали серьезные. И все закивали головами: да, да. То есть, ему, я думаю, стало понятно, что он, как Томмазо Кампанелла, одинок в своих мечтах о прекрасном.

Действительно, в те годы, когда страна отставала от мирового уровня по всем показателям, но более всего – по производительности труда, главная забота руководителя была – трудовая дисциплина и максимальное использование рабочего времени. Других резервов не было. И мысль о том, чтобы создать для рабочего хорошие условия труда, казалась просто излишеством, чуть ли не вредительством. Конечно, эти настроения менялись. Но очень медленно и робко. Поэтому все, что делал Кокушкин, воспринималось чуть ли не как революция. А может быть, – как контрреволюция.

Вот в такой атмосфере пришла новость о том, что в Одессе создали Комнату психологической разгрузки, и, пройдя в ней сеанс, работник выходит совершенно преображенный. И тогда Кокушкин решил, что такая Комната будет у него в Объединении. Он вызвал В.К. Прищепу, и сказал, что надо создать такую комнату, как в Одессе. Но тот ответил, что ничего в психологии не понимает, даже слова такого – разгрузка – не знает. Что надо сначала найти психолога, а потом уже изучать одесский опыт. Вот так пару лет спустя и пересеклись наши пути. А мне предстояло лететь в Одессу и изучать тамошний опыт.

Сейчас, когда пишу эти строчки, чувствую, что многое за 40 лет в памяти стерлось. Я, было, полез в Яндекс и Гугол, чтобы что-то освежить, но описываемые события разворачивались в докомпьютерную пору, и следы того времени отыскивались с трудом.

Встретил я упоминание своих двух статей [20; 31] 1983-1984 годов и ссылку на сборник Научно-исследовательского института автомобильного транспорта (НИАТ) за 1984 год, которая называлась «Опыт работы кабинетов психологической разгрузки» [41] и представляла собой рассказ о наших разработках. А моя поездка в Одессу была не раньше 1979 года. И следов того периода в Интернете я не нашел. Но поездку помню хорошо, особенно врезались в память некоторые детали.

Самая первая в СССР комната была создана именно в Одессе, на заводе «Строй-гидравлика» для какого-то отдельного цеха, который не называют. И в первой статье об этой комнате рассказывались самые общие сведения. Ничего особенного там не было. Кресла. Проектор на экране показывает какой-то пейзаж. На полу – кавролин. Ничего особенного. Фокус был в другом. Там содержалось несколько вариантов инструкций аутогенной и гетерогенной регуляции психологического состояния (тогда говорили – тренировки).

На завод я не попал, но это было неважно, потому что автор к тому времени с завода ушел и работал уже в "Доме китобойной флотилии «Слава» на Дерибасовской. Там он написал книгу о психологической помощи рыбакам-китобойцам. К книге прикладывалась большая виниловая пластинка – диск с записью психологических инструкций, которые читал мужской голос. Один комплект автор мне любезно подарил.

Сам он был не психолог, а психиатр, врач. И на новом месте он помогал морякам, вернувшимся из рейса, обрести душевное и физическое равновесие. Его пациенты плавали на небольших судах, китобойцах, которые кланялись каждой волне и гонялись за китами изо дня в день. Естественно, самые частые и сильные нарушения у них были в вестибулярном аппарате. И, кроме того, многодневная гонка по

морям, по волнам нарушала эректильную функцию. А это омрачало возвращение и встречу с семьей, с долгожданной женой.

Мы сидели в какой-то небольшой комнатке, чем-то заставленной. И этот врач рассказывал о своем опыте.

– Я убежден, – говорил он, – что оформление комнаты не имеет принципиального значения. В первых словах я же говорю: «Закройте глаза и представьте себе...». Главное – это инструкция. Тут очень важно найти слово, которое точно указывает на проблему и называет ее. Но это слово должно не быть вульгарным, но и не медицинским, не бытовым, но и не научным. Оно должно пониматься пациентом, а не быть названием какого-то органа. Это его личный образ, и он самый действенный. Я долго создавал эту инструкцию, но, наконец, нашел нужные слова. Вот слушай.

– Представьте спокойный теплый летний день. Вы – в саду. Он весь пронизан солнцем и светом. Пред вами клумба с прекрасными цветами. Вы поливаете ее, у вас в руках шланг. Напор воды делает его упругим, твердым. У вас в руках крепкий, твердый, мощный шланг. И вода радостно вырывается из него на прекрасные цветы...

Образ шланга прочитывается всеми безошибочно, согласен?

Я искал этого автора-врача по всему городу несколько дней. А наша встреча была так скоротечна. Но он рассказал мне очень важные мысли. И теперь я чувствовал себя вполне подготовленным.

После поездки в Одессу у меня сложилась ясная картина, что собой должна представлять Комната, а главное – как этого достичь.

В организационном плане самой первой и главной задачей мы решили считать создание действующего макета Комнаты. Мы его создали прямо в Лаборатории, благо, места хватало. Это было отгороженное драпировками пространство, достаточное, чтобы разместить там комфортное кресло, примерно такое, какие будут стоять в реальной Комнате. А также там был экран, за креслом разместились проектор, магнитофон с выводом звука в наушники. Там проходила обкатка программ релаксации.

Программы релаксации – это стало центральной точкой наших усилий. Я хотел контролировать в этих программах каждое слово, каждый звук музыкального сопровождения, поэтому решил, что программы должны создаваться здесь, в Лаборатории. Программ должно быть много, они должны создаваться для определенной категории посетителей, и даже для конкретной категории их должно быть несколько. К этой работе надо приступать немедленно. Работа должна вестись на студийной аппаратуре, чтобы качество звучания было гарантировано. И заниматься ими должен человек с понятием: то есть, человек, живо интересующийся результатами своей работы.

А параллельно всей этой работе, должна идти отработка проекта, поскольку стройка бытового корпуса шла с опережением всех графиков.

Да! И надо было решить один принципиальный вопрос: будем насыщать Комнату запахами и ароматами? Где их взять? Как их дозировать, менять, подавать посетителю? А далее маячил вопрос: а если у человек аллергия? И другие вопросы. Серьезная задача. Поэтому решить ее было поручено незаменимой Нине Шаталиной.

А для решения остальных задач надо было искать людей. Рассказывая о том, как одну за другой мы решали задачи обеспечения функционирования Комнаты, сейчас у меня большое искушение показать весь путь решения отдельных проблем: как подбирались стационарные изображения, входящие в оформление, Где находили сменяемые изображения для демонстрации на экране, как писали инструкции для релаксации, инструкции для саморегуляции, как создавали музыкальное сопровождение, цвето-световое сопровождение. За каждым решением стоял поиск, апробация, отбор и реализация. Мы с самого начала отказались от некритичного заимствования готовых решений, дежурных рекомендаций. Мы воспринимали их как пример, а не как обязательную инструкцию. Такой подход многих, приходящих работать в Лабораторию, раздражал. Зачем создавать что-то заново, когда можно взять готовое? Можно. Но только если это готовое создавалось под аналогичные нашим рабочим и бытовым условиям, с учетом определенного возраста, пола, образования, положения в социальной группе, накопленного жизненного опыта и т.д. Во всех других случаях это будет одежда с чужого плеча, еда, приготовленная для других людей, слова, адресованные другим людям. Не соответствующие конкретным условиям.

Покажем это на примере.

Всем известна инструкция Шульца для аутотренинга и релаксации. Многие ее используют для снятия напряжения, для восстановления после физической или социальной нагрузки и т.д. Но эта инструкция не имеет точного адреса. Она адресована **любому** уставшему человеку. Не зависимо от того, кто этот человек. Как фастфуд адресован любому голодному человеку. Это нормальная еда, от нее никто не заболит. Но если вы хотите встретить любимого человека, то еда должна больше соответствовать вашим чувствам.

Значит, если на предприятии принято каждого поступающего знакомить с психологом, то во время ознакомительной беседы, в ходе выполнения каких-то несложных тестов и проб, ему надо рассказать, что на предприятии есть комната психологической разгрузки, объяснить, когда, при каких условиях ее посещение наиболее полезно и

эффективно. Возможно, для каждой категории работников будут созданы свои ознакомительные инструкции, свои программы релаксации. В ознакомительной программе должно быть сообщено, что для каждой категории работников, для водителей, ремонтников, инженеров и служащих есть свои специальные программы, в чем-то – общие, в чем-то – различающиеся. И там же может быть продемонстрирован фрагмент из инструкции Шульца. Фрагмент. Как пример. А не усаживать новичка на программу, в которой он не нуждается. Он же не устал.

Таким образом, как только будет создана программа для новичков, для тех, кто еще только приходит на работу, сразу станет ясно, что в арсенале Комнаты должны быть и другие программы. И они были созданы.

Назовем программы, направленные в основном на расширение функций Комнаты (без указания приоритета). Итак:

– для **новичков** (для ускорения адаптации и подчеркивания преимуществ данного предприятия);

– для **практики и обучения** решению социально-психологических проблем взаимодействия в коллективе (вам здесь рады, но могут быть случаи непонимания, надо запастись доброжелательностью);

– для **формирования и закрепления** профессионально важных качеств (внимательность, ответственность, сохранение работоспособности как залога безопасного труда);

– для **купирования последствий** стрессовых ситуаций (как участников дорожного движения, так и для ослабления межличностных конфликтов);

– для **снижения общего и специфического утомления** (для разных категорий работников и универсальные);

– для **улучшения психологического климата** в подразделении и на предприятии (уважайте, цените коллег, у каждого есть чему учиться. И вы – не ангел);

– для **снижения нервно-психического напряжения** (как профилактика психотравм для текущей работы, таких рекомендаций много.);

Здесь важно подчеркнуть, что начинать, пришлось, с самого простого: с пассивного отдыха в эстетически приятной атмосфере, с прослушивания любимых музыкальных сюжетов, с просмотра слайдов, не вошедших в программы. По мере закрепления пассивно-психологического контекста стало возможно переходить к сложным и новым программам активной саморегуляции. При этом действовало правило постоянства «суммы воздействия»: чем психологически

сложнее программа, тем меньше воздействия должно подаваться через оформление Комнаты.

Задержусь здесь на два слова.

Если вы создаете свой личный проект Комнаты, то он непременно отразит ваш ход мыслей и отношений. Непременно. Если вы понимаете что-то в психологии, и можете регулировать психологическое состояние свое и другого человека, и вы чувствуете, что у вас это получается, то, конечно, вы не будете наворачивать в оформлении спецэффекты и усложнять дизайн. Зачем? Вы говорите: "Сядьте удобнее, закройте глаза, слушайте мой голос. Я поведу вас в мир спокойствия и тихой радости". Кому и когда здесь надо смотреть по сторонам? И потом... Ну раз посмотрел, ну два. И всё, эффект неожиданности иссяк.

А если со словами проблема... Если не получается найти нужные слова, то тогда, конечно, пусть горят свечи, моргают лампочки, меняется цвет, всплывают пузырьки и плавают рыбки [40; 41].

В нашей Комнате по периметру в спецпанелях над креслами были закреплены подсвеченные изнутри большие цветные слайды. Каждый сидящий в кресле видел над креслами других сплошную ленту изображений – цветов, птиц, листвы. Эти слайды время от времени меняли местами, обновляли. Исключительно, чтобы посетители видели, что об интерьере заботятся. И всё. Как бы картинки ни важны, но не в них дело. Дело в звучащей программе. Потому что иначе это была бы не Комната психологической разгрузки, а "Уголок отдыха", "Зона тишины" или "Пространство релаксации".

Итак. Программа – это центральный элемент всего комплекса воздействия. Синтетическое, органическое сочетание слова и музыки. Сочетание по направленности воздействия, при совпадении темпа речи и музыки, по силе их звучания, по смыслу.

Программ задумывалось много. Но все они были скроены по одной мерке: в каждой из них было три (редко – больше) части, каждая из которых имела свою задачу, свои особенности, свой темп.

Первая часть. Вводная. На фоне тишины, пения птиц, плавной спокойной, постепенно все более сложной музыки, неторопливый уверенный голос предлагает занять удобную позу, расслабиться, довериться и слушать голос как бы издалека. Паузы между словами и предложениями значительны. К концу этой части музыка становится эпической, голос звучит спокойно, темп не высокий, как будто человек говорит сам с собой. Длительность 3-5 минут.

Вторая часть. Основная. Здесь закладывается основная мысль программы, ее задачи, цель, рекомендация обратиться к своему опыту, опереться на него. Темп музыки – как спокойный вальс, звучание, как отдаленный фон. Голос звучит четко, ясно, непреложно. Интонация –

"вы это знаете сами". Длительность в ординарной программе – 5-7 минут, в специальных программах может быть больше.

Третья часть. Завершающая. Утвердительная, мобилизующая. Музыка мажорная, темповая, с постоянным нарастанием звука. Голос звучит уверенно, мобилизующее. Интонация – "встань и иди, у тебя все получится". Длительность 3-4 минуты.

Даже из этого примитивного описания видно, что создание программы – дело трудоемкое. Если первую и третью часть можно как-то условно считать более-менее универсальными, то есть, подходящими разным программам, то вторая часть – глубоко индивидуальна. Это неповторимая психологическая инструкция, адресованная персонально именно конкретному посетителю, тому, кто сейчас сидит в кресле. И, к тому же, надо учесть, что этот текст практически рассчитан на три-пять минут. В нем надо выверить каждое слово, смысл и интонацию.

Через составление программ и компиляцию музыкального сопровождения прошли все без исключения работники Лаборатории и все те, кто еще не работал, но хотел бы работать у нас. Более того, мы специально приглашали для этой работы студентов и выпускников Саратовской консерватории и зазывали к нам на работу студентов-психологов. Среди созданных ими и предлагаемых программ иногда встречались отдельные находки. Но в целом они были академичны и не рассчитаны на использование на автотранспортном предприятии (с одной стороны – консерватория и университет, с другой – "шоферюги", неполная семилетка сельской школы, оцените дистанцию!)

На счастье, в лабораторию пришла **Татьяна Румянцева**. Она сравнительно легко создавала, а затем сама начитывала несложные тексты простых инструкций. Но главное, у нее была хорошая музыкальная память, она легко находила или вспоминала нужную по звучанию мелодию. И, к тому же, почти мгновенно освоила работу на студийных магнитофонах. Таня была терпима к советам, замечаниям, критике, указаниям, требованиям, она была доброжелательна и благорасположена к коллегам. При этом она была «девочкой с окраины», и хотя за плечами у нее был истфак, излишним академизмом она не страдала. Если она в чем-то была убеждена, то изменить ее мнение было непросто. Ее не нужно было усаживать работать, она не теряла времени и ценила свой труд. Как монтажёр программ, я вынужден был быстро уступить ей эту работу. Одев наушники, она легко щелкала тумблерами, быстро меняла катушки, ловко клеила ленты. А если ей надо было записать голос, на всю лабораторию звучала ее команда:

– Телефон отключить, полная тишина. Идет запись.

И прямо тут, на глазах у всех, без какой-то провинциальной робости она начитывала текст. Или это делал тот, на кого падал ее выбор.

Я говорил раньше, что назову тех, кто вложил много души в работу лаборатории. Таня Румянцева должна быть записана там с красной строки.

Немало облегчало ее труд, что мы нашли в Москве так называемый «Качаловский центр звукозаписи» (по имени известного артиста-чтеца Василия Ивановича Качалова), где нам записывали по нашим заказам на отдельные бобины музыкальные произведения: песни, инструменталку, аранжировки, нулевки. Благодаря им, мы создали свою фонотеку, это сказочно облегчило нам работу. Ведь все это происходило в эпоху катушечных магнитофонов, которые писали на ленту, а монтаж происходил путем склейки-вырезки ленты. Сейчас это сложно представить.

Таня Румянцева (слева) собирает исходные данные для подготовки новой программы психологической регуляции

Перед тем, как плотники приступили к монтажу панелей Комнаты, мы убедили начальника СПОГА-2 Павла Сергеевича Беликова принять в штат предприятия энергичного, делового и разговорчивого молодого человека. Который и будет заведовать этой

Комнатой. Не ездить же нашим сотрудникам ежедневно к нему на предприятие, тратя на дорогу до двух часов, только, чтобы открыть Комнату. Мы брались научить его работе с аппаратурой, обучить, как разбираться с программами, другим нехитрым премудростям эксплуатации Комнаты.

Николай Синотов (слева) и Владимир Фискинд готовят к демонстрации новую программу в аппаратной Комнаты психологической разгрузки СПОГА-2

А главное, стать фактически нашим повседневным представителем на предприятии. Это был **Володя Фискинд**. В СПОГА-2 он был незаменим, со всеми дружен и контактен. Он вникал во все детали монтажа и будущей эксплуатации Комнаты. Он был представителем предприятия в Лаборатории, и представителем Лаборатории – в предприятии. И ему нравилось время от времени приезжать в Лабораторию, узнавать наши новости, запастись новыми программами, обсуждать свои проблемы. И возвращаться к себе в СПОГА-2 вооруженным новыми знаниями. Именно ему предстояло ежедневно встречать в Комнате работников предприятия, самостоятельно проводить сеансы, отвечать на вопросы гостей и посетителей. Но и выслушивать критику, недовольство и раздражение, если такое случалось.

*Владимир Фискинд в аппаратной Комнаты психологической разгрузки СПОГА-2
проводит очередной сеанс*

Проблемы психологической инструкции

Вот и еще в одном я не ошибся...
По В.Вишневскому

Итак, постепенно пришло понимание, что оформление Комнаты – это очень важно. А психологическая инструкция для этой Комнаты еще более важна. Но сначала, – небольшое рассуждение на тему «саморегуляция».

Сразу скажу, что мысль о гипнотическом воздействии в Комнате даже не возникала. Во-первых, я сам не считал себя гипнабельным, то есть восприимчивым к гипнозу, и по моим представлениям, таких людей немало. Во-вторых, где взять профессионального гипнотизера, как его приспособить для работы на автопредприятии? И, в-третьих, что это за «стрельба из пушек по воробьям» – специальный врач-психиатр на автотранспортном предприятии? Мы всего-навсего хотим дать возможность рабочему немного отдохнуть.

Но главное – даже не в этом. А в том, что гипноз противостоит самостоятельному действию по использованию собственного ресурса. Гипнотизер как бы говорит: «У тебя не получается самому успокоиться – дай-ка я все это сделаю за тебя». Но у нас задача заключается не в преодолении психологического напряжения во что бы то ни стало. А в обучении работника **находить и использовать собственный ресурс для восстановления и отдыха**. Это как, учитель нужен для того, чтобы научить учиться самому, без учителя. Речь идет о создании для работника условий, чтобы он сам активно управлял своим состоянием. А не о замене его собственных усилий для приведения себя в норму.

Каждый человек в своем опыте выработал для себя более-менее эффективные приемы восстановления. Помимо этого, есть общественный опыт; он накопил обучающие и воспитательные приемы, овладение которыми также способствует восстановлению. Возникает вопрос: как в систему собственных индивидуальных приемов, в систему освоенного коллективного опыта впишутся инструкции по расслаблению, которые прозвучат в Комнате? Не будут ли инструкции психолога подвергнуты критике со стороны работника, хотя бы даже подсознательно?

С одной стороны, человек ищет внешнее внушение, нуждается в нем, ждет его от своего окружения, готов открыться ему навстречу, следовать ему. Но с другой – он же социально обучен критически относиться к любому внушению (не только к гипнабельному).

Если в Комнате инструкция сообщает работнику: «Вы успокаиваетесь. Тепло разливается по всему телу. Руки становятся тяжелые, теплые. Ноги становятся тяжелые, теплые...», – а он этого не чувствует, то эти слова встречаются с иронией. Мы ему рассказываем, что он чувствует, а не он нам. Ситуация напоминает одесский анекдот:

- Изя, иди домой!
- Мама, я замерз?
- Нет, ты хочешь есть!

Мы ему рассказываем о его состояниях и ощущениях. Мы ему говорим:

- Мое внимание переходит на лицо. Оно спокойно и неподвижно. Мы даже не удосуживаемся сказать:
- Ваше внимание...

А если это не так? Может быть, ему надо предложить действия, деятельность, которая делает лицо спокойным и неподвижным?

Например (в первой части инструкции): на экране – величественный лес. Звучит мелодия «Беловежская пуца». Голос:

– *Если картина величественного леса, если его спокойствие захватывает вас, то оно, это спокойствие, наполняет ваш организм.*

Мышцы лица расслабляются, раздражение и волнение покидают вас, отходят на второй план.

Или во второй части. Голос:

– Если вы вдыхаете спокойствие этого желтеющего поля, то вы все глубже погружаетесь в свой внутренний мир, и спокойствие наполняет вас.

Или в третьей части:

– Прислушайтесь, если этот жизнерадостный ритм, это счастливое веселье наполняет вас – идите за ним. Пусть крепнут мышцы и наливается энергией ваше тело.

Очередной сеанс в Комнате психологической разгрузки СПОГА-2

Словосочетание «психологическая саморегуляция» должно встретиться работнику на первой же встрече с психологом еще в самой первой, вступительной, ознакомительной программе [40].

– Вы находитесь в комнате психологической разгрузки. Здесь вы увидите картины и виды природы, которые помогут вам стать спокойнее и сбросить ощущение тяжести и напряжения.

Здесь вы услышите голос психолога, который поможет вам глубже ощутить спокойствие и отдых. Всякий раз, когда у вас возникнет чувство напряжения, тяжести, беспокойства, вы вспомните слова психолога, которые прозвучат в этой или в других

программах психологической саморегуляции. И вы сможете сами вернуть себе состояние отдыха, свежести, радости и спокойствия. Вспоминайте этой чувство спокойствия и расслабления, вспоминайте наши сеансы, вспоминайте слова психолога, которые звучат здесь и сейчас или прозвучат в других программах. Со временем они станут вашими собственными привычными словами, которыми вы будете возвращать себе спокойствие и расслабление. Они будут помогать вам восстанавливать свои силы, спокойствие и хорошее настроение.

Что же касается запахов и ароматерапии, то мы решили отказаться от этого направления из-за сложностей реализации. Как доставить запах посетителю комнаты? Тем более, как сменить запах по ходу программы?! Это же надо сменить воздух в комнате, устроить маленький ураган. Мы технически были не готовы к этому. А подготовку, апробирование, испытание мы провели. Не зная нигде преград Нина Шаталина на просторах родины чудесной нашла эту уникальную фабрику, где делают немыслимые натуральные масла, которые несут в себе фантастические ароматы. Полетела туда, всех очаровала, подружилась с тамошним главным инженером и привезла оттуда в качестве сувенира коллекцию ароматов. Среди них, например, запахи белой акации, майского разнотравья и тополиных почек! Однако для пробы мы решили включить в программу не их, а запах лавра благородного. Через полчаса постучались соседи: – "Вы что, варите борщ?" Прекрасная иллюстрация привычных ассоциаций.

Итак, к концу 1980 года Комната начала функционировать. Сначала в тестовом, пробном режиме. Отрабатывали режим демонстрации, подбор изображений для экрана в сочетании с музыкой, смену кадров и так далее. Потом стали демонстрировать работникам предприятия, приглашая тех, с кем уже сложились контакты, чтобы узнать их откровенное мнение и оценки. В конце демонстрационного периода пригласили руководителей, чтобы продемонстрировать более или менее готовую работу. Типа "генеральной репетиции". Затем дали информацию в многотиражку "Автомобилист", в местную городскую газету "Коммунист". А потом дали информацию в Минавтотранс РСФСР. и Государственный научно-исследовательский институт автомобильного транспорта (НИАТ) и телевидение. Завершил эту информационную компанию Информационный листок №556-81 Саратовского территориального центра научно-технической информации и пропаганды (ЦНТИ).

Вот как он выглядел [43/1].

Кабинет психологической регуляции
Внедрено в мае 1981 г.

В Приволжском территориальном транспортном управлении г. Саратова созданы кабинеты психологической регуляции, основное назначение которых состоит в эмоциональной подготовке работников, повышения тонуса мышечной системы, снятии нервно-психического напряжения, возникающего в процессе трудовой деятельности. Это достигается с помощью специальных аудиовизуальных программ, представляющих собой цветной слайдофильм, сопровождающийся музыкой с цветосветовым оформлением и специальными речевыми инструкциями.

КПР предназначены для водителей, труд которых характеризуется монотонностью, однообразной позой, высоким напряжением внимания, большой степенью загруженности зрительного, слухового и других анализаторов, высокой нервно-психологической напряженностью и ограниченностью свободного речевого контакта. Для ремонтных рабочих, служб ИТР, диспетчеров и операторов центра управления производством существуют отдельные программы.

Кабинет представляет собой комнату овальной формы площадью 70 кв.м. Ощущение высоты усиливает вертикальное расположение элементов отделки. Сплошной полосой вдоль стен размещены яркие красочные виды природы, выполненные на слайдерах размером 0,8х1 м, и подсвеченные изнутри люминесцентными лампами. В ниши стен встроены высокие с широкими подлокотниками кресла. За карнизом между слайдом и потолком установлены цветные светильники, цвет которых меняется в зависимости от периода психологической регуляции.

В комнате может находиться одновременно до 28 посетителей. К кабинету примыкает операторская, где специалисты-психологи готовят и обрабатывают новые программы, аппаратная, в которой помещена светотехническая и звуковоспроизводящая аппаратура, гардеробная.

Для управления переключением проекторов и изменения цветосветового оформления служит аппаратура, которая работает как в ручном, так и в автоматическом режимах. Сеанс проводит по расписанию специалист-психолог. Длительность сеанса в зависимости от назначения и содержания программы 10-15 минут. Размеры экрана, на котором демонстрируют слайдофильмы, 3х2 м. В зависимости от состава посетителей специалист-психолог выбирает определенную программу психологической регуляции, устанавливает режим светового и цветового оформления и, по необходимости, управляет работой панно, расположенного под экраном, контролирует работу звуковоспроизводящей аппаратуры. Микроклимат в комнате создают несколько кондиционеров, работающих совместно с ионизаторами и увлажнителями.

В качестве одного из основных компонентов психологического воздействия в КПР применяют специально подобранные музыкальные программы, успех которых зависит, в первую очередь, от их музыкального содержания.

Для водителей разработаны программы предрейсового мобилизующего настроения и послерейсового глубокого расслабления, цель которых – подготовить их к предстоящей работе или расслабить после трудового дня и за сеанс восстановить силы. Кроме этого, существуют программы усвоения навыков безопасного движения. В них разбирают реальные автодорожные происшествия.

Один из способов снятия утомления – программы психологической саморегуляции. Они построены по методу аутогенной тренировки. Водитель записывает ее у психолога-методиста на портативный магнитофон и прослушивает в длительных рейсах.

Сеансы для ремонтных рабочих и других служб предприятия проводят с 11 до 15 часов. Программы условно разделены на 4 периода: тонизации, вхождения в работу, расслабления и отдыха. Дополнительно для них демонстрируют еще две программы: «Бодрость и здоровье» и «Музыкально-художественная». Это программы обеденного перерыва, построенные по заявкам работников предприятия.

После сеансов у рабочих отмечают снижение утомляемости, появление бодрости, хорошего настроения, улучшение общего состояния здоровья. Использование КПР способствует повышению производительности труда, снижению травматизма, обеспечивает надежную профилактику заболеваний.

Так постепенно тема Комнаты перешла в спокойное привычное русло рабочего режима. А мы начали осваивать социально-психологическое направление работ. И первыми на очереди были темы удовлетворения трудом и стиль деятельности руководителя.

Социально-психологическая тематика

Грехи других судить вы так усердно рветесь.
Начните со своих, и до чужих – не доберетесь.
Уильям Шекспир.

Постоянное взаимодействие с предприятием СПОГА-2 позволило нам лучше узнать специфику работы водителя грузового транспорта. Мы реально видели, как создание более лучших условий для труда и отдыха работников меняет их отношение к работе. И хотя труд был тяжелый, а зарплата – небольшая, но теплица, бытовой корпус (с Комнатой психологической разгрузки!), столовая, а, главное – просторная стоянка, отлаженная диспетчерская служба, теплые ремонтные боксы, оснащенные современными подъемниками, – все это создавало ощущение фундаментальности, индустриальности, современного инженеризма и техницизма. Правда, крутой нрав начальника, неотвратимость его реакций на промахи и нерасторопность работника делали атмосферу предприятия тревожной, напряженной. Но штормовая волна обычно не достигала водителей, от этого страдали, в первую очередь, инженерно-технические работники, "ИТР", как принято было их называть.

Но на других предприятиях... Туда прогресс шел неторопливо и не всегда успешно доходил. Особенно сложно было на предприятиях пассажирского автотранспорта.

У заказчика грузового транспорта всегда можно было ждать помощи инструментом, металлом, горючим, красками, технологиями. Грузовая машина очень похожа на станок. Это роднит водителя с рабочим. А кто поможет автобусу? Пассажир? Копейками? Это, если он оплатит проезд. Кроме того, пассажирский транспорт размещается в черте города. Поэтому территория пассажирского автопредприятия всегда сжата до минимума. Надо принять во внимание, что отечественные машины в то время были примитивны, не надежны. Их двигатели оставляли за собой шлейф черного вонючего дыма. Подсобные помещения пассажирских предприятий маленькие, как правило, не обустроенные. Боксы во время утреннего выпуска машин загазованы до степени душегубки. Все это создавало трудности для организации ремонта, профилактики, подготовки к выпуску на линию и т.д. Короче: пассажирские предприятия считались самым слабым звеном. Технически. Экономически. Только если постоянно заниматься предприятием, вникать в каждую мелочь, улучшать все, что возможно, то тогда желающих работать там все-таки можно было набрать [25].

А на грузовом предприятии – своя проблема. Как подсказать директору предприятия, что надо бережнее относиться к ИТР, стремиться поддерживать и сохранять оптимальный психологический климат?

Два события помогли организовать работу в этой тематике.

Первое заключалось в том, что Лабораторию пришла будущий психолог, студентка III курса отделения психологии СГУ **Ольга Подгузова** с вопросом, не возьмусь ли руководить ее курсовой работой, которую ей предстоит писать на следующий год. Дело в том, что она непременно хочет писать о стилях руководства. И наша Лаборатория представлялась ей самым удобным для этого полигоном. Она не стала рассказывать, что именно пробудило ее интерес к этой теме, и я не стал принуждать ее к рассказу. Я тут же вспомнил, что А.А. Кокушкин уже несколько раз заводил разговор о том, что нужно помочь П.С. Беликову, начальнику СПОГА-2, в организации его труда, потому что у него «большое хозяйство» и ему трудно. Предложение Оли было как нельзя кстати. Но справится ли Оля, девушка миловидная, но полноватая, с тихой речью, робкая на вид, часто смущающаяся, в сильных очках, невысокого роста, с этой темой, если ее объектом будет громогласный, резкий, богатырский, дерзкий, не привыкший к возражениям Павел Сергеевич?

– Да, – ответила Оля. – Справлюсь.

Она сказала, что ее такой тип руководителя не пугает. Даже если он иногда будет употреблять крепкие выражения. Она их будет просто пропускать мимо ушей, как посторонний звук. Не замечать.

Сказочная удача! Я постоянно думал, как начать работу с Беликовым. В моем представлении, психолог должен быть некоторое время рядом с объектом его наблюдения. И чем ближе, тем лучше. Надо регистрировать, как руководитель строит общение с подчиненными, какую форму контакта он предпочитает: анализ или, расследование, отчет или консультацию и т.д. Как он ведет себя? Формы его поручений, приказов и т.д. Лексика, сценарии коммуникации и прочие особенности стиля руководства. Мне хотелось показать, что стиль руководства – это манера добиваться от людей выполнения своих распоряжений. И наша помощь Беликову, мне казалось, будет в том, чтобы посоветовать ему меньше травмировать окружающих. В идеале – вообще обходиться без психологических травм.

Но подойдет ли Оля для этой роли?

В Лаборатории был уже человек, которого я ориентировал для решения социальных, в том числе социально-психологических задач, **Николай Синотов**. Он окончил исторический факультет, но история его не очень интересовала. Он был серьезный, на вид вдумчивый, собранный, основательный человек со спокойной рассудительной речью, 28 лет. Но что-то неуловимое и подсознательное меня удерживало от того, чтобы представить его Беликову и попросить разместить Николая у него в кабинете. Мне казалось, они не сживутся, и Беликов будет резко возражать.

А Олю я с легкостью повез в СПОГА-2 к Павлу Сергеевичу и познакомил их друг с другом.

Надо было видеть, как обрадовался Павел Сергеевич этому знакомству! Он тут же позвал секретаря, и распорядился, чтобы эту девушку впускать в его кабинет в любое время, кто бы у него не был, и чем бы он не занимался. Он сразу же гостеприимно выделил ей небольшой столик рядом со своим, где она могла бы сидеть и работать. Он сказал Оле, что она может получить талоны в столовую, если ее работа придется на обеденное время.

У меня гора упала с плеч, я с легким сердцем оставил Олю у него в кабинете. Договорились, что сегодня она в порядке знакомства регистрирует все, что сочтет нужным, осваивается, а завтра приезжает в Лабораторию, где мы составим детальный план наблюдений и сбора материала.

Оля на этой теме оставалась до конца учебы в университете. С Беликовым, конечно, они подружились. Павел Сергеевич вел себя с ней, как джентльмен. И на всех совещаниях непременно вставлял

словечко, как психологи его перевоспитывают, запрещают ему ругаться. И как от этого у него здоровье резко улучшилось. А главное – на предприятии стал совсем другой климат. (В клетку льва подсадили маленького котенка. Лев его тут же усыновил и облизал. А если бы это был матерый волчара, как бы повел себя лев?)

Начиная с Оли Подгузовой стала складываться практика, когда студенты планировали выполнение своих учебных работ на базе Лаборатории, практически участвуя в ее жизни и работе. Таким образом, еще учась, они входили в профессиональный коллектив, получали статус психолога, позволяющий им профессионально коммуницировать с объектами их будущих исследований и интересов. Это было не мало, особенно для тех, кто себя видел практическим психологом в производственном, транспортном или социальном коллективе.

Позднее я узнал причину интереса Оли Подгузовой к изучению труда руководителей. Отец Оли был директором крупного сельхозпредприятия. В семье надо было принципиально решить, свяжет ли Оля свою судьбу с этим или другим предприятием, вообще с производством? Или ей надо подыскивать гуманитарную тематику. Удастся ли ей накопить знания, которые будут востребованы и использованы каким-либо руководителем, например, таким, как ее отец? Как может дальше складываться ее профессиональная биография и карьера? Или она выберет себе какую-то иную работу, например, в школе, в творческом коллективе? Серьезные вопросы, на которые она надеялась найти ответ к концу учебы в университете. Для этого она решила погрузиться в тематику психологии управления. Смотрите, как фундаментально человек подходил к планированию своего будущего!

С легкой руки Оли Подгузовой темы «Стиль руководства» и «Социально-психологический портрет инженерного работника» [25; 26; 29] долго оставалась в тематике Лаборатории. В те годы их вспоминали всякий раз, когда надо было как-то повлиять на руководителей. Это же были годы пика брежневского застоя. Те, кто мог хоть как-то повлиять на экономическую жизнь в стране, делали отчаянные попытки изменить ситуацию. На мой взгляд, изучение психологических характеристик практически не меняло стиль управления сложившегося руководителя. Но в целом по стране массовое внедрение этих работ сделало хотя бы руководителей невысокого ранга более доступными для критики. У нас же в Лаборатории многие студенты-психологи подключались к этой теме и оставили значительный след в памяти сотрудников. Например, Алла Дудина (сейчас – Алла Васильевна Погодина), которая стала заведовать кафедрой психологии управления в нынешнем Московском городском психолого-педагогическом университете. И весьма успешно.

*Алла Дудина (справа)
в студенческие годы*

*Алла Васильевна Погодина
в наши дни*

Второе событие, задавшее другое направление, имело более драматичный сценарий, который, к счастью, также окончился благополучно.

Однажды, придя на работу, я был встречен непрекращающимся телефонным звонком. Звонил В.Ф. Кузнецов, зам. начальника Объединения по социальным вопросам, в прошлом, кстати, руководитель одного из пассажирских предприятий города.

– Ты на месте? Немедленно в управление, высылаю машину.

– Еду. А что случилось?

– Все объясню на месте.

– Понятно. Еду. Просто назови одним словом, чтобы подготовиться...

– Забастовка на моем предприятии (то есть, на том, где он раньше работал).

Это было, конечно, ЧП! Воображение тут же нарисовало драматичные картины. Но в глубине души я был спокоен. Я надеялся, что это, скорее, эмоциональная реакция водителей, горячность, неумение объясниться, а не политическая акция. Кузнецов много сил отдавал работе, болел за результат, вникая в процесс управления до мелочей. Руководитель, сменивший его, был человек другой управленческой культуры, более функциональный, дистантный. Вероятно, возник спор, конфликт, который принял такие крайние формы. На этом предприятии мы бывали не раз, и ничего из ряда вон выходящего не замечали. Да, условия подготовки автобусов для выхода на линию были плохие, техника – старая и слабая, бытовки – примитивные, слабые, случалось, задерживали зарплату. Все это плохо, но не на столько же, чтобы забастовать, отказываться от работы? Кроме того, у Кузнецова там остались друзья-коллеги. Если бы там готовилось что-то экстраординарное, они бы ему уже не раз заранее шепнули об этом. А раз это неожиданно, то значит, у нас есть преимущество в

организации. То есть, у них это – стихийно сложившееся обстоятельство, а у нас – постоянно действующая организация, которая может противостоять стихии.

Приехал. В Управлении все взволнованы, растеряны. Всех волнует, прежде всего, вопрос: как далеко ушла информация об этом событии? Кто уже оповещен? Район? Город? Обком партии? Начальник Объединения в командировке.

Кузнецов взволнован. Встретил вопросом:

– Что думаешь делать?

– Дайте мне уазик, я везу на предприятие всех людей, всю лабораторию. Пока организуете машину, дайте десяток блокнотов, красных, наверняка остались от прошлой конференции. Бумаги пачку дайте. Ручки.

– Да что ты собираешься делать?

– Беру руководство забастовкой на себя. К обеду все будут работать. Никуда звонить не надо. Просто проводится аварийное массовое социологическое исследование.

Меньше чем через полчаса мы все были на предприятии. Еще в машине я объяснил ситуацию и рассказал схему нашего поведения:

– Эта забастовка, как всякая другая, случилась потому, что к просьбам или к требованиям работников руководство не прислушалось или категорически не согласилось. Наша задача – понять, что хотят работники, чего они добиваются, помочь им донести их требования до руководства. Мы совершенно нейтральны.

Мы – сотрудники Лаборатории психологии труда. В Объединении узнали, что у вас, работников этого предприятия, есть серьезные претензии к руководству. Мы приехали, чтобы изучить ваши проблемы и организовать их решение. Наш руководитель (это я) – в кабинете директора. Мы здесь собираем предложения, замечания, претензии. Сразу же сообщаем ему. Он сразу же организует обсуждение и решение всех вопросов. Меня зовут (например) Николай Синотов. А вас? Вы кем работаете? Сколько времени уже на предприятии? Какие проблемы видите, назовите. Я записываю.

Все разбились на пары. Один пишет, листочек вырвал, другому отдал, тот несет его мне, тут же, на глазах у рабочего-водителя. А первый продолжает беседу. Говорить с каждым, кого встретите. С каждым. Коротко, предметно говорить. Без демагогии. Например, загазованность в боксах – записал. Нет горячей воды в умывальнике – записал. И т.д.

"Аварийный" социологический опрос рабочих и водителей пассажирского автопредприятия (г. Саратов) проводят сотрудники Лаборатории психологии труда Саро́вавто́транс

Все понимали ответственность момента. Были собраны и деловиты. Пока мы ехали, В.Ф. Кузнецов позвонил руководителю предприятия, срочно его вызвал в Управление. Когда мы приехали, секретарь сказала, что в курсе дела. Я сел в приемной, позвонил в Управление, сказал – мы на месте. Начинаем работать.

Через час все на предприятии знали, что приехала какая-то оперативная группа из Управления, всех опрашивают. Любой мог подойти к нашим сотрудникам и рассказать о проблемах. Тут же нашлись осторожные люди и стали говорить:

– Ну, всё сказали. Будем ждать результат. Чего сидеть без дела, пошли работать. Не в миг же они (то есть, мы) всё исправят. Давай, выходи на линию

Мы прошлись по всем участкам. Автобусы стали выезжать на маршруты. Если видели где-то группу работников, наши сотрудники подходили к ним, предлагали высказаться. Народ потянулся на рабочие места.

Постепенно все наши группы собрались в приемной. Составили сводную таблицу предложений и претензий. Звоню Кузнецову – где руководитель предприятия? Пусть приезжает, мы подготовили ему документ, все работают. Рекомендуем составить график устранения замечаний, собрав общее собрание, и на нем довести до всего коллектива, как будут устраняться недостатки. А мы отбываем к себе домой. Все работают. Мы свою миссию выполнили.

Кузнецов приехал вместе с руководителем. Они прошли по основным производственным участкам, подтвердили, что получили такой документ. Что завтра состоится общее собрание. И т.д. и т.п.

Конфликт вошел в русло нормальной управленческой работы. А для руководителей предприятий это был урок – как не надо «загонять проблемы под ковер», а решать их по мере поступления.

Через пару недель мы открыли тему «Исследование удовлетворенности трудом». Главной частью этой работы было обсуждение с работниками их оценок условий труда и быта на предприятии, сбор предложений по устранению недостатков.

Позже в Лаборатории стихийно возникло обсуждение инцидента и нашего поведения, нашей роли в нем. Николай Синотов сказал, что не может отделаться от мысли, что выступил как штрейкбрехер, который погасил забастовку, прежде чем она дала какой-то результат.

Несколько человек с ним не согласились.

– Мы ведь никого ни в чем не убеждали, не уговаривали, не навязывали свое мнение. Мы только довели до сведения руководства, в чем основные претензии работников.

– Вот пусть работники сами доказывают руководству. А то мы как профсоюзные проститутки побежали к руководству. А нас кто уполномочивал? Это чья инициатива, что мы выступили, как пожарные в этом конфликте? Нас просили об этом? Как я понимаю, нас даже руководство не просило. Это наша инициатива?

– Да, это наша инициатива. Мы отвечаем за оценки качества труда, его понимание работником. По большому счету это мы виноваты, что случилась забастовка. Мы должны были раньше сказать руководству, что зреет конфликт.

– А почему мы ничего не говорили?

– Потому, что порядком организации наших работ предусмотрено, что – формально – нас должно было пригласить руководство предприятия. Оно должно было быть инициатором проведения такой работы на предприятии. Мы приходим, обсуждаем с ними их предложение, говорим, сколько это будет стоить. Они обращаются в Объединение, получают деньги, платят нам, тогда мы начинаем работу.

– А они, что, не почувствовали, что дело "пахнет керосином", что назревает конфликт?

– Наверное чувствовали. А надеялись, что все обойдется. Но они же должны знать свои болевые точки. Поэтому мы везде говорим, что в забастовке виновато руководство предприятия. Но при этом знаем, что тут есть и наша вина. Мы должны были придти к руководству предприятия и сказать: – назревает конфликт, приглашайте нас, ну, и так далее...

Эта дискуссия в Лаборатории запомнилась. Те, кто занимался социологическим направлением, почувствовали себя увереннее, увидели свою значимость. Теперь, когда мы приходили на какое-то предприятие с предложением заключить договор, стоило напомнить историю с забастовкой, как все быстро соглашались с нашими планами.

История эта имела продолжение. Конечно, теперь Объединение потребовало у города помощи в улучшении условий труда и получило ее. Условия труда водителей стали несколько лучше. Но важно, что о забастовке стало известно в идеологическом аппарате горкома партии. И непосредственно сразу после этого события партийное руководство подсказало городскому Дому техники взять дело создания социологических служб в свои руки. Нам, Лаборатории психологии труда, наряду с общественными кафедрами различных вузов города предложили участвовать в организации городской "Школы социолога". Так было положено начало тесных контактов Лаборатории с Научно-

техническим обществом Саратова и еще более упрочило нашу связь с кафедрой психологии СГУ.

23.03.1980 г. Саратовский Дом техники.

Городские курсы социологов. Первый ряд, слева: С.И. Августевич, зав.кафедрой психологии СГУ д-р Н.В. Крогиус, неизвестн., доцент И.Э. Стрелкова, крайний справа доцент Р.Х. Тугушев.

Второй ряд, третья слева психолог И.А. Николаева (НИЛ психол. труда Саратовтранс) Последний ряд, второй справа - психолог Николай Синотов (НИЛ психол. труда Саратовтранс)

Попутно отметим, что глядя из сегодняшнего дня на эту историю, нашу Лабораторию, думаю, можно было бы назвать **фасилитатором**. в том смысле, в каком Карл Роджерс называл лицо не участвующее в процессе (в трудовой деятельности, в учебе, в спорте и др.), но влияющее на этот процесс. И это, наверно, более точное название нашей роли. Для забастовщиков мы были те, кто помог им озвучить их требования и показал урок организации. И они нам за это были благодарны. Для руководства – мы перевели стихийное возмущение и острый конфликт в цивилизованное обсуждение проблемы, позволив получить время на ее устранение, наметить очередность решения отдельных этапов и продемонстрировать готовность их устранить. И, разумеется, этим показали свой профессионализм, подтвердив целесообразность нашего существования.

Из отдаленных последствий этого происшествия, стоит назвать установившуюся практику автопредприятий направлять к нам поступающих на работу водителей и ремонтников, чтобы мы давали их

социально-психологический портрет, как ориентировку для кадровой службы предприятий.

Лаборатория и кафедра психологии СГУ

Все, уходи, а то сейчас привыкну...
В.Вишневский

По мере вживания Лаборатории в производственную тематику автотранспортных предприятий вырисовывался более-менее очерченный круг задач, где мы чувствовали себя уверенно. За каждым направлением работ постепенно закреплялись определенные работники, которые чувствовали себя специалистами. Через 2 – 3 года стало видно, что Лаборатория наполнилась выпускниками кафедры психологии. Почти все они писали здесь свои курсовые и дипломные работы. А это значит, что видели и понимали, как, где и с кем работает Лаборатория. И что важно, как оформляются наши работы [39].

Поскольку мы организационно входили в Проектно-технологическое бюро, каждая наша работа на каком-то предприятии, входящем в Объединение, начиналась с договора и заканчивалась отчетом. Письменный отчет был неременным документом и для нас, и для заказчика. Таким образом, все работники должны были писать отчеты, какой бы работой они не занимались. Иногда это, действительно, были малоинформативные отписки. Но чаще всего, и особенно, если я знал, что эта работа известна руководству, отчет писался детально, внятно, хорошим языком. При необходимости, отчет можно было использовать, как публикацию. Мне хотелось, чтобы Лаборатория, занимаясь реальной, практической психологией, была известна в городе, как место, где можно готовить свои публикации, формируя свой научный багаж. Статистика говорит, что из тех, кто действительно собирается построить свою научную карьеру, каждому десятому это удается.

В отношении инструментария у меня не было особых пристрастий к каким-либо тестам, методикам, опросам и прочим способам изучения психологических характеристик [14; 38].

Использование экстраполяционных задач для тестирования водителей

Главное, чтобы они были адекватны задаче и мобильны. По меньшей мере, чтобы вопросы были понятны водителю/ремонтнику. У нас никогда не было задачи получения "абсолютно достоверных" значений характеристик. Кто знает, что такое "достоверность" в психологии? Как любил повторять В.П. Зинченко, "после медицины и богословия, психология самая точная наука".

Например, какое значение тревожности может быть препятствием для приема на работу? Надо себе представлять неограниченную вариативность условий труда на предприятии, чтобы понимать, что каждому может найтись рабочее место. Другое дело работа именно на такой машине, именно в таких условиях. Но чтобы получить именно это место, надо поработать на других позициях, в других условиях, и тогда станет понятно, может ли предприятие доверить работнику эту работу. Что предприятие действительно хотело бы знать о работнике, это – ответственный ли он? Понятно, таких методов, чтобы замерить это качество, нет. Но интегральную оценку, характеризующую ответственность, получить можно. На это возможностей и квалификации у наших работников хватало. При этом мы стремились соблюдать информационную гигиену и не спешили рассказывать кому не попадя индивидуальные психологические особенности обследуемых. Я приучил всех, кто имел с нами дело, не спрашивать подробности и комментарии к тому документу, который мы выдавали в

кадровую службу. Если же вопросы были очень настойчивы, то я их разворачивал на 180 градусов:

– А вы что можете сказать мне об этом человеке? Давайте обсудим, как можно наладить с ним контакты и связи, опираясь на имеющуюся у вас информацию, наблюдения, прогнозы ожидаемого поведения.

Обсуждать чужие характеристики Лаборатория могла совершенно свободно, естественно. Как это обычно и происходит в жизни. Сохранение информации, полученной в ходе обследования, мы приравнивали к профессиональной (например, врачебной) тайне. Это было важнейшим правилом нашей практической деятельности [29].

На кафедре психологии СГУ меняется руководство. Справа налево: зав. кафедрой Н.В. Крогиус, доценты Е.И. Гарбер, И.Э. Стрелкова, Р.Х. Тугушев, ассистент А.Л. Южанинова

По штатному расписанию в Лаборатории было 8 рабочих мест. Всего в разное время у нас работало от 4 до 10 человек. Столов на всех хватало. При этом, если у кого-то была работа на предприятии, то в эти дни человек обычно "в контору" не приезжал. Всякими административными глупостями типа регистрации опозданий, задержек с обеда и ранних уходов с работы никто не занимался. Хочешь работать? Делай работу хорошо, чтобы тобой были все довольны, и в Лаборатории, и на предприятии. А не хочешь – скажи, желающие занять твое место стоят у тебя за спиной. Если же возникали

какие-то сложности, то об этом принято было говорить сразу же, конфликт не скрывать, обиду не вынашивать и камень за пазухой не носить.

Студенты, которые искали контакты с Лабораторией, обычно приходили к нам запросто. Вход был свободен для всех и каждого. Если же кому-то хотелось "подружиться" более основательно, то можно было попроситься к кому-то в помощь, на опросы или эксперименты. Были и те, кто искал рабочее место. И если все совпадало, место было и человек нас устраивал, то мы брали на работу, не зависимо, закончил студент учебу или еще нет. Так у нас выросли в добротных специалистов, начав работать с III курса и продолжая уже после получения диплома, **Галина Дергунова** и **Сергей Журавлев**. Оба такие разные, они каждый по-своему вписались в коллектив, внося долю своего труда в общее дело. Галина – человек рассудительный, основательный, аккуратный – навела порядок в документах и бумагах. Она старательно входила во все направления работы, максимально возможно участвуя в них. Ее основная специализация в Лаборатории была подсказана еще в студенческие годы Е.И. Гарбером и связана с прогнозированием успешности деятельности водителя [29; 34; 37].

Галина Дергунова (слева) под руководством Татьяны Румянцевой осваивает в Лаборатории разработку программ психологической регуляции

Сергей, будучи человеком общительным и контактным, помог многим своим сокурсникам преодолеть скованность и сдержанность, так мешающие работе психологом на предприятии. Социальная норма общения тех лет предполагала дистантность, подчеркнутую

автономность. Заговорить с незнакомцем, как бы без повода, без опоры на социальную или рабочую роль, считалось "неприличным". Сергей, придя в лабораторию, быстро и легко усвоил простейшие уроки коммуникации, как теперь говорят, "в ходе мастер-класса", А потом также непринужденно обучал этому новичков перед их выходом на предприятия. Через три четыре таких урока "салага" избавлялся от робости, свободно разговаривал с людьми, заходил в отделы, знакомился и получал необходимую информацию. С.Журавлев охотно сотрудничал с коллегами при подготовке публикаций, используя свою коммуникативность для активизации творческого процесса [29; 31; 32; 33]. Мы сохранили с Сергеем товарищеские и дружеские контакты надолго, продолжая работать вместе до 1990 года и позже.

Постоянно поддерживали контакты с Лабораторией и даже руководили дипломными работами по "автомобильной" тематике доценты кафедры. Начало контактам положил доцент В.И. Страхов. Он предложил своей дипломнице собрать материал о распределении зрительного внимания водителя городского автобуса при работе на линии (на маршруте), разработав для этого карту наблюдения за его поведением на перекрестке и на прямолинейных участках маршрута. По материалам, собранным студенткой в ходе наблюдения, по результатам совместной работы мы написали статью, которая была замечена специалистами в ходе конференции в Нижнем Новгороде [15].

Доцент Евгений Ильич Гарбер решил не изменять своим увлечениям и предложил тему, связанную с профотбором. По материалам, которые собрали под его руководством дипломники вместе с нашей командой в городском грузовом автопредприятии СПОГА-1, он подготовил и опубликовал статью о прогнозировании успешной деятельности водителя. Это открывало пути нашего дальнейшего тесного сотрудничества [34].

Особенно меня радовало, что сложились продуктивные отношения с доцентом Ириной Эмильевной Стрелковой. Всегда доброжелательная, открытая, готовая к контактам, симпатичная, постоянно следящая за собой женщина, она не могла остаться без внимания. Она нравилась себе, и это было взаимно. Разумеется, мы с ней, как и с другими сотрудниками кафедры, с Раисой Гавриловной Селивановой, например, перебрасывались репликами, обменивались мнениями, временами обнаруживали совпадение оценок и суждений. Но у нас не было общих тем и, казалось, им неоткуда было взяться. Стрелкова специализировалась, как я это в шутку сформулировал для себя, на "дружбе и любви". Из психических качеств и процессов, казалось, ее интересует лишь эмпатия и симпатия. Её постоянно окружали восторженно щебечущие младшекурсницы. Это было

прекрасно! Но что я мог предложить этой компании из будней автомобильной реальности?

Ирина Эмильевна Стрелкова. Кафедра психологии СГУ. 1978 год

Но тут вдруг руководство Объединения поручило нам оказать психологическую помощь спортивной команде Детской автомобильной дороги. Так называлась детская автошкола, где более 300 школьников-подростков изучали автодело, правила движения и мастерство вождения. Минавтотранс РСФСР поддерживал детские автошколы, устраивая для них ежегодные первенства. Команда нашего Объединения должна была побеждать на этих первенствах – такова была жесткая установка руководства. Должна – и побеждала. Но однажды отношения в команде не заладились, и тренеры были в панике: команда "рассыпалась", в ней возник конфликт, и подростки, вместо продуктивных тренировок были заняты выяснением отношений. Нас просили вмешаться, разобраться и все наладить.

Отношения? Это же специализация И.Э. Стрелковой! Так у нас возникло общее дело, которое потом мы оба поддерживали дружбой долгие годы.

А суть конфликта была не такая простая. К соревнованиям готовились две команды. В каждой команде 5 мальчиков и две девочки. Все, конечно, мастера и ассы, но дело не в этом. По большому счету, по мнению чемпионов и тренеров, а главное - по собственному мнению самих ребят, они знали точно, кто сильнее, а кто слабее. В прошлые годы девочки доминировали, хотя технически мальчики им не уступали. В этом году мальчики подросли, обнаружили свои лидерские

качества и "потребовали" пересмотр отношений. Тренеры нас заверяли, что готовы были к этому и контролировали ситуацию. Но возникло еще одно обстоятельство. По сценарию соревнований команда-победитель должна публично показать мастерство вождения в виде эдакого автошоу: езда на двух колесах, пирамида участников на борту движущейся машины, змейка с объездом участников и другие рискованные номера. Ребята были обучены приемам, гарантирующим безопасность. Но все равно, это же дети! А в этот раз из-за конфликта некоторые участники выразили недоверие лидерам команды и отказались участвовать в автошоу: "Я ему не доверяю, он нас уронит". Что это означало? Команда побеждает, а показать высший класс езды – не может?!

Ирине Эмильевне наше предложение понравилось, она заверила, что ей все интересно, что у нее в гараже, оказывается, вот уже больше 10 лет ржавеет "Запорожец", но только она ничего не понимает в машинах.

– А в конфликте мальчиков и девочек-подростков?

– Тут я готова вам помочь

Мы не стали возить Стрелкову на полигон, не стали погружать ее в технические тонкости. Но консультировались у нее постоянно. Она активно нам помогала, открыла соответствующую тему для курсовой и дипломных работ, подобрала студента (а не студентку!), который с энтузиазмом взялся за эту работу. Объединенными усилиями мы вывели команду на соревнование, и ребята успешно выступили. Студент написал интересный диплом, а мы все вместе с Ириной Эмильевной, – статьи [22; 23; 28]. И получили приглашения на симпозиум в Таллин. Стрелкова по какой-то причине не поехала, а зря. Там было много психологов, знавших ее лично и по работам, которые передавали приветы, жалели, что не встретились с ней [23]. Эта история положила начало нашим многолетним деловым и дружеским контактам.

За границами этого текста чувствую обязанность сказать, что Ирина Эмильевна не оставляла работу чуть ли не до последних своих дней. Благодаря поддержке руководства факультета и кафедры, даже потеряв зрение, она была востребована, оставаясь не вынужденной обузой для коллег, а радостным соучастием им. Она, конечно, была украшением факультета, добрым лицом саратовского психологического братства. Не многие преподаватели получают комплименты от студентов, в студенческой среде это не принято, считается почти неприличным. Но о Стрелковой не стеснялись писать такие интимные строчки даже чуть ли не в последние ее дни:

"Икона содержания и стиля: культура, порядочность, честность, любовь к предмету и студентам, эстетика содержания и формы,

уникальность личности". "Очень приятная женщина и отличный преподаватель, очень любящий свой предмет!

Она ушла из жизни очень больной, потеряв зрение, истратив все силы, но не побежденной. Это было 31 октября 2014 года.

Лаборатория. В центре: Ирина Николаева, Николай Синотов, Семен Августевич, Татьяна Румянцева

Как видите, все совместные работы в большинстве случаев заканчивались публикациями в союзных и республиканских сборниках. Начиная с НИТИ, я был приучен к мысли, что самым важным для биографии специалиста являются его публикации. Только по публикациям можно проследить становление специалиста, его специализацию, квалификацию, его профессиональные успехи. Кроме того, публикация помогает отточить мысль, слог и стиль изложения своей мысли. развить письменную речь, а для нашей работы это очень важно. Эту мысль я, как мог, внедрял в умы своих молодых коллег, настоятельно рекомендуя им завершать свою работу публикацией. Однажды, когда я был особенно настойчив в своих идеях, **Николай Синотов** с присущей ему прямоотой раздраженно спросил:

– Это обязательно нужно писать статью о своей работе или это пожелание?

Я не ожидал такого отпора и по возможности примирительно ответил ему:

– Это только рекомендация. Моя рекомендация. Моя настойчивая рекомендация.

– Ну, тогда я вашу рекомендацию не принимаю. Я работу сдаю вовремя, замечаний ко мне нет. И статьи дополнительно к отчету я писать не буду.

Николай продержался на мизерной зарплате, которая существовала в Лаборатории довольно долго. Он был надежный работник, во всех смыслах этого слова. Но не из тех, кто бросается на амбразуру при первых звуках горна. Любил продумать задание заранее, обговорить детали, чтобы быть точным, чтобы спланировать работу. Он умел продолжать работать, даже когда можно было "сачкануть", расслабиться, а это дорогого стоит. Очень жалею, что мы с ним чисто по-человечески не сблизились. Мне кажется, он был воспитан с детства в неприязни к власти, к несправедливости. Ну, как дети тех, которых называли "кулаками", кого уничтожали только за то, что те были работающие, хозяйственные. А существующий порядок он считал однозначно несправедливым, но из осторожности не обсуждал свои мысли ни с кем. Со мной-то, уж точно. Поскольку видел во мне человека, желающего власть поддержать, угодить ей. Действительно, в то время я был именно таким.

Николай Синотов (справа) обсуждает результаты очередного опроса водителей

Никто открыто Николаю тогда не выразил солидарность. Хотя, наверное, некоторые в душе были согласны с ним. И действительно, Н. Синотов за время работы в Лаборатории ни одной строчки помимо обязательных отчетов, не написал.

Но призывая молодых коллег публиковаться, я не учел, что мест для публикации не так уж много. Точнее – мало. Непростительно мало.

Кафедра издавать сборники статей молодых выпускников не собиралась, ведь выпускники – это не студенты и не преподаватели. А сборники преподавателей и сотрудников не издавались, потому что не было объединяющей тематики. Дом техники издавать не будет, поскольку кроме нас писать не никто не собирался. И, наконец, наше Объединение; если что и издаст, то только на автомобильную тему, но не на психологическую.

После обсуждения этой темы с В.К. Прищепой, он сказал:

– Вроде бы издаваться – надо только тебе. Вот ты и придумай, как это сделать.

Я придумал.

Первое, что я сделал, – наладил контакты с Саратовским межотраслевым территориальным центром научно-технической информации и пропаганды (ЦНТИ), который располагался на ул. Железнодорожная, 72. Они сообщали о передовом опыте и внедренных научно-технических достижениях, представляющих интерес для различных отраслей народного хозяйства. Мы стали их информировать о нашей работе, о применяемой технике и методиках, а они издавали эту информацию в виде "Информационного листка" объемом до 5 страниц, тиражом 200 - 400 экземпляров, присвоив соответствующие УДК и номер, рассылали на предприятия и организации области, а также и в библиотеки. Первый наш Информлисток № 556-81, который назывался "Кабинеты психологической регуляции (КПР)", "Внедрено в мае 1981г." как раз и рассказывал о том, как работает Комната психологической разгрузки в СПОГА-2. У меня сохранилась информация о восьми подобных информлисточках, вышедших до 1985 года [43].

Одновременно с этим мы стали наши отчеты о выполненных работах оформлять более подробно и высылать на хранение во Всесоюзный научно-технический информационный центр (ВНТИЦ). Информацию об отчетах они публиковали в своих сборниках рефератов НИР (научно-исследовательских работ). Поскольку эта информация рассылается по всей стране, сообщение о ней приравнивается к публикации. Хочешь почитать – заказывай, получай и читай.

Вот таким путем я решил издать наш, Лабораторный сборник, чтобы он дал представление о нашей работе. Этот материал был собран, информация о нем была опубликована [29]. Правда, он не

вышел отдельной книгой. Но мы доказали, что Лаборатория вполне может именоваться научно-исследовательской и работать в тесном контакте с кафедрой психологии.

Вот как выглядело содержание этого сборника.

Введение

Августевич С.И. Основные функции психологической службы в автомобильном транспорте.

Августевич С.И. Основные задачи психологической службы в территориальном объединении "Саратовавтотранс".

Харченко В.А. Психологическая диагностика инженерно-технических работников автотранспортных предприятий.

Харченко В.А., Павлова И.А. Беседа со специалистом-автотранспортником как первый этап его психологического обследования.

Августевич С.И., Дергунова Г.А. Работа психолога с водителем, поступающим на автотранспортное предприятие.

Дергунова Г.А. Система мероприятий по ускорению адаптационного периода и стабилизации водительских кадров.

Захарова Г.И. Специфические сложности внедрения в автотранспортном предприятии психологического обследования поступающих на работу водителей.

Румянцева Т.А. Возможные направления работы комплексов психологической регуляции на автотранспорте.

Иванов Е.М. Формирование предсменного мобилизующего настроя у водителей автотранспорта.

Журавлев С.Е. Роль психолога в формировании приемов безаварийной работы у начинающих водителей.

Карачун И.В. Основные организационные и методические принципы создания системы психологического контроля и управления надежностью водителей в целях предупреждения дорожно-транспортных происшествий.

Осипов А.Е. Работа психолога автотранспортного предприятия с увольняющимся водителем.

Романов К.М. Методика исследования межличностного познания.

Из десяти молодых авторов этого сборника, двое впоследствии остепенились: Иванов Евгений – защитил на базе обобщенного у нас в Лаборатории материала [27] кандидатскую по философии и работал в СГУ на кафедре философии.

Романов Константин – защитил кандидатскую и докторскую по психологии и работает в настоящее время зав. кафедрой психологии в Сызранском педагогическом университете.

Оценивая ситуацию, могу уверенно сказать: неплохой результат. А тогда, помню, я подумал: в Лаборатории собирается неплохая команда, в основном – все дипломированные психологи. Только я один среди них с техническими дипломами. И чем дальше, тем эта ситуация будет становиться все более нелепой. Надо срочно менять ее. Надо форсировать защиту собственной диссертации.

Диссертация и ее защита

Произведение — это испорченный замысел.
Альфред Шнитке

Может показаться странным, но за время существования лаборатории, я не приблизился к финишу работы над диссертацией. Напротив, отдалился. Смонтировав визиокинограф, я увлекся экспериментами на нем. Всех, кто приходил в Лабораторию по каким-то вопросам, а, тем более, своих коллег и работников, я тащил к аппарату, заставляя выполнять разные пробы, задания и тесты. Помимо всего прочего, меня занимала возможность регистрации движения поля зрения при осмотре дорожной обстановки, например, на перекрестке. Это такие типичны задачи на правило дорожного движения, знакомые многим по экзаменам в ГАИ: "кто едет первым, куда можно повернуть" и т.д. Выходящий в то время журнал "За рулем" изобразил эти задачи так, как видит перекресток водитель, сидящий за рулем легковой машины. Вот у меня и появилось искушение рассмотреть эти задачи в визиокинографе. Я пытался подобрать такое соотношение размеров изображения и поля зрения, которое давало бы ясную информацию о направленности взора. Мне казалось, полученные записи будут яркой информацией интеллектуальной деятельности и визуального поведения экзаменуемых водителей. Кроме того, рождались идеи других тестов, и их все хотелось опробовать. Таким образом, экспериментальный материал рос в объеме, анализ явно отставал, а я "закапывался" все глубже и основательнее. Я чувствовал, что тону в материале. Мне хотелось все включить в диссертацию, все казалось таким ярким, интересным, важным, выигрышным.

– Ты ничего не оставишь для докторской? – уныло шутил я сам над собой. Мне явно не хватало решительности.

Эксперименты на визокинографе

И тут я встретился с Владимиром Петровичем Зинченко на какой-то конференции в Москве. На полном серьезе он спросил:

– Вы верите в загробную жизнь?

– Скорее нет, чем да, – ответил я. – А чем вызван такой странный вопрос?

– Вы тяните время с защитой, как будто собираетесь это сделать в другой жизни. Объясните, в чем дело? Я устал придумывать за вас всякие истории в аспирантуре. Мне кажется, они вас исключили.

– Владимир Петрович, у меня сейчас очень интересная работа. Я создал Лабораторию психологии труда в крупном автотранспортном объединении. Меня хорошо поддерживают. Я использую визокинограф для диагностики водителей.

– Вы, что, сменили тему?

– Нет, тема прежняя. Но условия меняются, меняются объекты...

– Послушайте. Вы не правы. Интересных вещей вокруг очень много. Я рад, что у вас чудесная работа. Но я думаю, вам надо защититься, а потом уже искать новые объекты. Кстати, если уж вы внедрили ваш прибор в практику – это прекрасно. Сделайте расчет, что это дает народному хозяйству. Как раз сейчас эти справки ВАК старательно собирает. У вас публикаций достаточно?

– Формально – достаточно. Но я написал еще в "Вопросы психологии". И готовлю еще большую статью про создание

психологической службы на автотранспорте. Вместе со своим автомобильным боссом [25].

– Подождите. Автомобильная психология – это, конечно, очень важно. Но вначале надо защититься. Срочно покажите мне тезисно, как выглядит диссертация. 4-5 страниц. Для меня, не для печати.. Только суть. У вас же должно быть много материала, я ничего не путаю?

– Да, действительно, материала много.

– Ну вот, видите. материала много, а на защиту не выходите. Надо поторопиться, смотрите, как все меняется.

Семья В.П. Зинченко. Жена Наталья Дмитриевна Гордеева и сын Александр

Мне было неловко слушать это порицание. Он прав, я увлекся текущей мелочевкой, а надо сосредоточиться на главной задаче. Комната готова. Визокинограф работает. Тестирование водителей идет. Чего я жду? Надо четко определить состав диссертации. И писать, писать! А что он говорил про изменения?

Боясь, что сам не смогу разобраться в материале, я пригласил брата-историка помочь мне. Заманить его – заядлого рыбака на недельку в Саратов, на Волгу было не сложно, тем более, что здесь в это время училась его дочь. Я рассчитывал использовать его трезвый взгляд постороннего человека, не вовлеченного в специфику проблемы. Для более глубокого совмещения приятного с полезным, взяли с собой

мою дочь 5 лет. Я оформил путевку в летний лагерь того самого автопредприятия г. Маркса, которого в свое время мы с В.К. Прищепой по идее Нины Шаталиной спасли от Комнаты психологической разгрузки. Нам выделили отдельный домик, столовая была вполне сносная, в первый же день брат поймал во-о-от такую щуку. Короче, жизнь удалась.

Вечером, уложив дочь спать, я достал бумаги и стал раскладывать "пасьянс", попутно взахлеб рассказывая о безграничных возможностях метода и прибора. Брат с тоской смотрел на гору папок с надписями "лабиринт", "прямые линии", "Малевич", "отрезки". Наконец он не выдержал, попросил лист бумаги, ручку и стал писать столбиком:

Введение – 15 стр.

I глава Обзор – 30 стр.

II глава Эксперименты – 30 стр.

III глава Эксперименты – 30 стр.

IV глава Эксперименты – 30 стр.

Заключение – 15 стр.

Выводы – 15 стр.

Библиография 10 стр.

ИТОГО: 175 стр, возможно максимум 200 стр.

– Вот и все, что ты можешь вместить, – сказал он. – Ты своим студентам-дипломникам что говоришь? Анализ, анализ... Вот так и себе это скажи. Что ты все собрал в кучу? Отставь все второстепенное, сырое, плохо обработанное, все, что трудно описать и систематизировать. Все это отложи. Оставь только то, что ясно, стройно, обозримо. Все должно быть понятно уже когда листаешь, еще до того, как начнешь читать. Вот тогда работа оставляет приятный осадок. Тот, кто будет читать твою диссертацию, должен все понимать, ему все должно быть понятно, как будто он сам это написал. Никакой зауми, никакой недоговоренности, все результаты должны быть очевидны, они легко должны складываться в таблицы.

– Но я же тогда и половины уже собранного материала не смогу включить, – с жаром наседал на него я.

– Вот и не включай. Уверяю, работа от этого только выиграет. Ты же не справочник пишешь, не энциклопедию. Твоя задача показать свою квалификацию в обработке экспериментального материала. Покажи это на том, что тебе уже хорошо известно.

– Я думал, ты мне подскажешь, как насытить диссертацию...

– Нет, в этом я тебе не советчик. Ты зачем меня сюда привез? Хотел услышать мое мнение? Вот я тебе его сказал. Иди покури и успокойся. Я ложусь спать, мне еще червей с утра накопать надо.

Следующий день прошел в обоюдном молчании. Потом брат первым не выдержал.

– Я нашел решение. Все папки ты раскладываешь по степени готовности материала на три кучки: первая очередь, вторая, третья. В диссер включаешь все материалы первой очереди. Обрабатываешь, описываешь и затем считаешь страницы. Если меньше 130 - 140 – дополняешь материалом второй очереди. Если 150 - 170 – ставишь точку и переходишь к оформлению. А материалы второй и третьей очереди не трогаешь. Они лежат и ждут. По ним ты будешь писать статьи после защиты. А сейчас у тебя задача – защититься. Согласен?

– Ну хоть давай я покажу тебе эксперименты с записью движений.

– Да не буду смотреть эту муру. Ты создал прибор и ты обнаружил центрацию взора на объекте, это явление до тебя, как я понимаю, никто не описал. Каждое из этих двух событий вполне тянет на кандидатскую, если грамотно изложить. Сосредоточься и пиши. Не теряй времени.

– Ну да, брат погибает, а ты хоть бы руку помощи протянул.

– Ты со своим полем уже мне все ограничил. Вчера тащу щуку, а она говорит: – Опять ограниченное поле? Ну уж, нет. И сошла с крючка.

Конечно, он был прав. Может быть, если бы меня попросили помочь выстроить работу, я бы сказал примерно так же.

Но всегда бывает полезно проговорить проблемы с кем-то из понимающих условия задачи, хотя бы с человеком другой специальности. И чем детальнее их объясняешь другому, тем быстрее сам находишь решение. Вот почему, когда я встретился с В.П. Зинченко, у меня уже было ясное видение структуры диссера, и я уже знал, какие аргументы использую при обсуждении результатов.

В основном большинство экспериментов с приспособлением визокинографа для решения автодорожных задач, для тестирования водителей вошли во "вторую", а некоторые – даже в "третью" папку. Я твердо решил: сейчас в диссертации описываю только перцептивные действия, связанные с графическими элементами. Так сказать, – общая психология. Прикладная психология, автомобильные задачи – это все будет ждать своей очереди. Уже после защиты.

Я успокоился. Пришла полная ясность. Осталось только сесть и написать.

Месяца через три-четыре звоню Зинченко:

– Владимир Петрович, я закончил писать диссертацию, когда я могу показать ее вам?

– У меня сейчас трудный период, – отвечает В.П. – я оказался между двух огней, то есть между двух работ. С одной я уже простился,

а с другой – еще не встретился. Позвоните завтра, я скажу что-то более определенное.

Звоню "завтра". Не могу дозвониться. На домашнем телефоне трубку не берут, на рабочем – ледяным голосом говорят, что не знают, где можно найти Зинченко. Что делать? Впереди – выходные, потом какие-то праздники. Не известно, где и когда я найду Владимира Петровича. А когда найду – не известно, будет ли он свободен. Решаю, надо ехать в Москву и ловить его "живьем", а не по телефону. Утром в субботу я уже в Москве и поиски решаю начать с дома. Приезжаю на Никитские ворота, звоню. И! Вот подарок! Дверь открывает сам В.П. Он в своей рыжей кабинетной кофте, весь такой бодрый, деловой.

– А я после вашего звонка подумал, что хорошо бы вам приехать в Москву, а то на расстоянии планировать трудно. Я сегодня один. Наталья Дмитриевна на несколько дней "прилегла" в больницу. Ничего страшного. Ближе к обеду зайдет Татьяна (моя сестра), что-то приготовит поесть. Вы хотите есть? Уже позавтракали? У меня с утра особых дел вроде бы нет. Можем сразу начать работать. Текст у вас с собой? Садитесь, курите. Давайте бумаги.

Он начал читать с первой страницы, и не просматривать, а читать. Каждое слово. Встретив опечатку, править не стал, только сказал:

– Есть опечатки. Потом надо будет все вычитать тщательно. Но сейчас отвлекаться не будем.

Спустя какое-то время говорит:

– Надо было взять побольше моего материала. Заимствовать у руководителя можно, это руководитель не может заимствовать у диссертанта...

Продолжает читать, время от времени тыча карандашом то ли в опечатки, то ли в проблемные места. Но не комментирует. Только курит. И я курю. Окно открыто, воздух хороший. Читает каждое слово, я слежу за его взором, за движением карандаша.

Прошло примерно часа два. Больше.

– Сделайте, пожалуйста, чай. Себе и мне. Все – на кухне. Я не хочу отвлекаться, вдруг что-то помешает. Несите все сюда. Я пока позвоню.

Когда я вернулся с чаем, он уже отзвонился.

– Наталья Дмитриевна шлет вам привет. У нее все в порядке.

И, сделав жест в сторону рукописи, говорит:

– Пока все убедительно. Как я понял, вы делаете ставку на перцептивные действия. Я читаю с позиции рецензента, нет ли чего, что может породить вопросы. Пока все убедительно.

Спустя какое-то время пришла Татьяна Петровна. Нас представили друг другу. Я ее видел первый раз и про себя отметил, как они не похожи друг на друга. Она ушла на кухню, а мы – к своим

бумагам. Когда спустя время я зашел на кухню, то увидел такую картин. Татьяна Петровна сидит на табуретке перед плитой (следит, чтобы не подгорело?), на коленях у нее книга, на книге – лист бумаги и в нем она что-то пишет. Даже не за столом!

– Вот, – подумал я. – это Москва! Каждая минута на счету. Сорок дел одновременно. Доктор наук одной рукой жарит картошку, другой – пишет статью. А тут, как снег на голову, приезжаю я и говорю:

– А давайте обсудим роль проприоцептивных сигналов при симультанном решении лабиринтных задач... И все должны бросить свои дела, сесть в кружочек: – ах, как это интересно!

Когда Татьяна Петровна уходила, она заглянула к нам:

– Володя, я ушла. Картошку нажарила. Все на плите.

И обращаясь ко мне:

– Желаю успеха! Вы когда защищаетесь? Надеюсь, все будет хорошо.

– Да. Мы тоже надеемся. – провожая сестру сказал Владимир Петрович.

Возвращаясь за стол, В.П. оценил объем прочитанного.

– А не много ли вы написали? Сколько должно быть страниц в максимуме?

– Владимир Петрович, вы уже прочитали почти все. Там дальше будут протоколы экспериментов и таблицы. Они идут приложением. Там цифры. Только перелистать. А можно и не листать.

– Тогда дочитываем, идем есть картошку и там договариваемся обо всем.

За картошкой Владимир Петрович изложил диспозицию. Хотя теперь он не заведует кафедрой на факультете психологии МГУ, но защита должна проходить именно там. Тем более, там. Предзащиту надо пройти на кафедре инженерной психологии факультета, это очень важно. Это будет серьезная рекомендация Совету. При этом сам В.П. там присутствовать не будет, это принципиально. Дабы не влиять на результаты. Поэтому о предзащите на кафедре надо договариваться мне самому, без него. Следовательно, надо записаться в очередь на защиту у Ученого секретаря специализированного совета и дату просить назначить до каникул. Это не принципиально, но желательно. И это должен сделать также я сам. И закрыть все дела в аспирантуре ВНИИТЭ я также должен сам.

Оппоненты. В.П. предложил две кандидатуры. Первым – Константин Маркович Гуревич. Он доктор наук, профессор. Но главное – он только что выпустил книжку по диагностике профпригодности, и ему будет интересно познакомиться с вашей работой. Константин Маркович один из немногих психотехников, уцелевших после сталинского разгрома этой науки в тридцатые годы. Тесно знал С.Г.

Геллерштейна, известного психотехника, работал с К.К. Платоновым, Б.М. Тепловым. Ему больше 70 лет, но живость ума и не только ума он сохранил на зависть сегодняшним молодым. Позвонить К.М. Гуревичу он брался сам.

Вторым оппонентом посоветовал просить А.И. Назарова. Он кандидат психологии, человек известный, занимается анализом ручных движений при слежении за объектом, ему ваша работа будет интересна и близка.

"Ведущей организацией", конечно, нужно взять Институт психологии АН СССР. Там недавно одна дама опубликовала работу по стратегиям перцептивной деятельности. Найдите ее, пусть она протезирует вам.

– Вот и все. Сосредоточьтесь на всех этих делах, не затягивайте их. И звоните хотя бы время от времени.

Как я понял, самое напряженное место, которое мне надо пройти, – это Кафедра инженерной психологии МГУ. Теперь она "бывшая" кафедра В.П. Аспирантура ВНИИТЭ в части психологии была в тесной связи с этой кафедрой. Во всяком случае, в те годы основные специалисты были в МГУ. И от их мнения многое зависело. Конечно, я бы чувствовал себя намного увереннее, если бы Зинченко был на психфаке МГУ, или хотя бы присутствовал на моей защите. Но упрекнуть его я не мог, он и так ждал почти 10 лет, пока я раскачаюсь. Хорошо, что хотя бы все сложилось так, а не хуже.

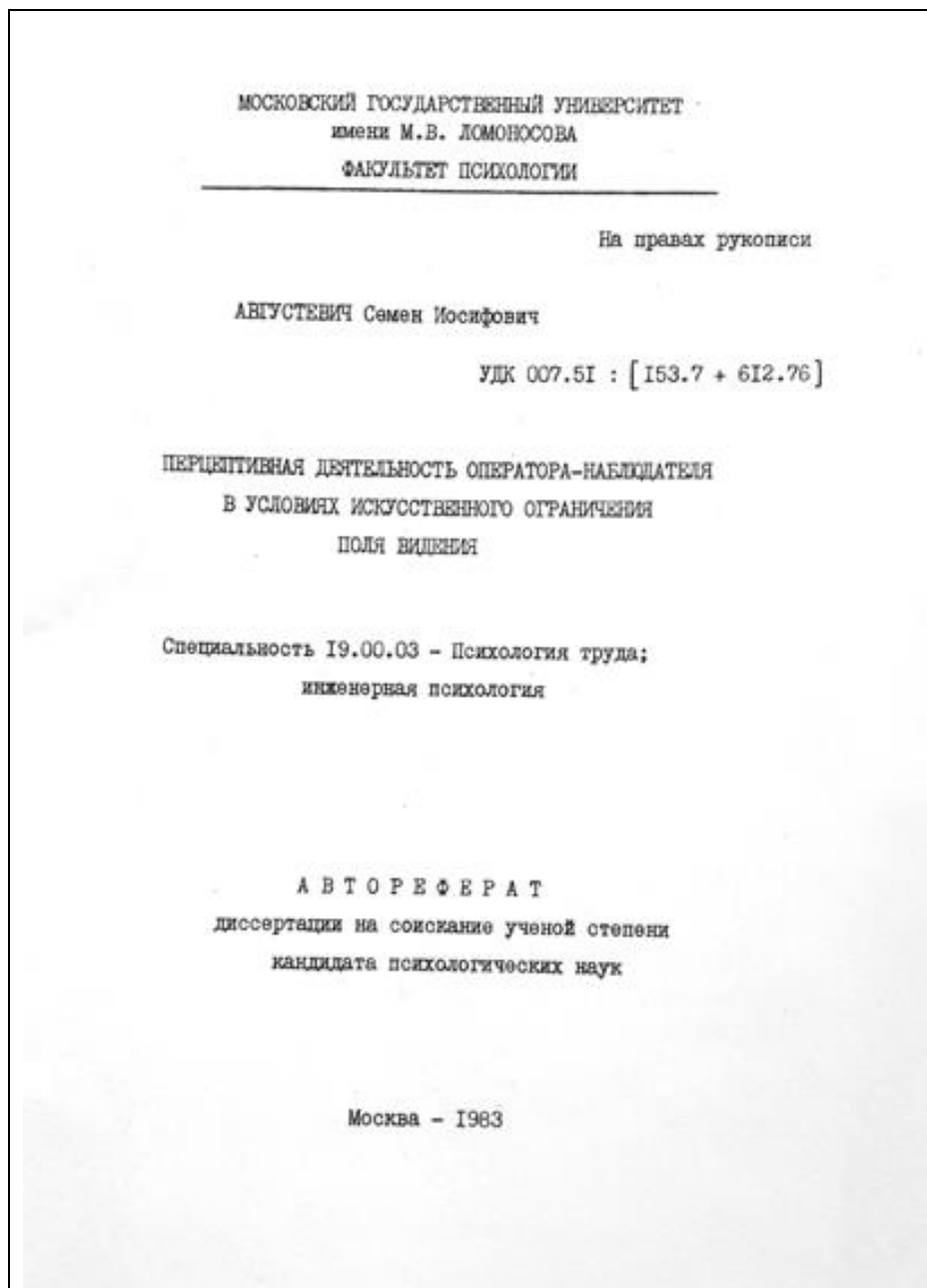
Предстоящий доклад на кафедре в МГУ меня не пугал. Все создано мной, своими руками, темой я владел. А вот дискуссии я опасался. Волнуясь, я мог не понять вопроса, истолковать его не так, в ответе уйти в сторону второстепенных деталей. Это, конечно, сильно бы смазало впечатление от выступления.

Сотрудников кафедры я не знал, соответственно не знал их работ, не был готов к их возможным аргументам. Но я решил это слабое место сделать сильным. Надо использовать возможную дискуссию, как школу для подготовки к защите. Хорошо бы записать вопросы, которые мне зададут, и проверить потом, не допустил ли я ошибок, отвечая на них. Стенографировать заседание вряд ли кто-то будет, поэтому я решил его записать на магнитофон. У меня был самый простой, выдавший виды, переносной "Турист" на батарейках. Закрепил микрофон над головой, взял в руки пачку иллюстраций в формате А4. И в бой.

Сам доклад занял чуть больше 15 минут. Сразу же закидали кучей вопросов. Но отвечая, я заметил, что большинство из них были на одну тему. Действительно, новый, непривычный, необычный способ восприятия рождал вопросы. И главные из них: что я исследую? какое восприятие, визуальное? мануальное? что я регистрирую? По мере ответов, вопросы переросли в обсуждение, в дискуссию между

сотрудниками кафедры и отношение к моей работе заметно потеплело. Мне искренне желали успеха и интересовались датой защиты, в смысле – придти послушать.

Сказать, что мне была приятна такая оценка, а главное, такое обсуждение – это ничего не сказать!

Автореферат[19].

Защита была назначена на 17 июня, в 15.00. На защиту я принес 8 больших плакатов. Свой доклад я построил по той же схеме, что и на предзащите: 15 – 20 минут на выступление и, пожалуйста, задавайте вопросы. Владимир Петрович на Совете присутствовал. Он был

единственным, кто курил, как бы тайком, стряхивая пепел в пустую сигаретную пачку. (Курить в университете, тем более - в аудитории, тем более - на защите! конечно, было нельзя. Но это был В.П.!!!). Окна были открыты, и его сигарета никому не мешала.

Используя известный прием, я выбрал несколько лиц, которым я как бы адресовал свое выступление. Все они были рядом с Зинченко, так что он был постоянно в поле моего зрения. И меня это вдохновляло.

Вопросов было не много. Было заметно, что красочные плакаты произвели впечатление, на которое я рассчитывал. По рукам ходили "2 тома" диссертации (текст и приложение – протоколы экспериментов); их также воспринимали одобрительно.

Помню, как кто-то спросил:

– А что с банкетом?

В.П. с присущей ему улыбкой тут же отреагировал:

– Банкет будет. Непременно. Но в Саратове. Туда уже снарядили специальный поезд.

Он намекал, что в это время в стране проходила "малая (от слова мало) продовольственная революция", не хватало продуктов, и железнодорожники организовали специальные "колбасные" маршруты из близлежащих городов в Москву, чтобы люди могли купить тут кое-какие продукты и привезти домой. Все понимающе отреагировали на эту шутку.

В конце Владимир Петрович попросил председателя:

– Я хотел сказать пару слов. Не для протокола. Я давно уже ждал эту работу. Не вот эту самую работу уважаемого соискателя, которую мы тут слышали, а работу, связанную с ограничением зоны видения. Когда я стал заниматься зрительным восприятием, постоянно встречал примеры применения подобного ограничения. В самом деле, сколько народу подглядывало в замочную скважину, разглядывало в разные щелочки и дырочки. Это нас окружало с детства. Это элемент культуры. Вот, пожалуйста, великий Леонардо, оказывается, тоже рекомендовал использовать этот метод, чтобы рассматривать картины мастеров и учиться у них. Про бинокли я не говорю, если бы их не было, кто бы нас обслуживал в театральных гардеробах? Я знал, что рано или поздно, найдется кто-то, кто доберется до этой темы. "Онаучит" ее. И вот, пожалуйста. Исследование того, что известно всем. Не собираюсь проводить параллели, они не уместны тут, но все-таки: яблоки падают тоннами; людей, на которых они падают – сотни или тысячи, это же всем известно. Но один задумывается: отчего это? и получает интересный результат. Вот. Очень ясная и понятная работа. Судя по тому, что вопросов было не много, надеюсь, она доставила удовольствие уважаемым коллегам.

Конечно, уникальность Владимира Петровича Зинченко как ученого, как человека, как неординарной личности заслуживает более обстоятельного разговора. Мою скороговорку о нем прошу извинить. Если его имя рождает какие-то ассоциации, предлагаю их соотнести с работой Федора Василюка, он был одним из его аспирантов, а затем долгое время и коллегой. Статья посвящена памяти В.П. Зинченко [44].

* * *

Собственно этой защитой формально завершилось мое психологическое образование. Голосование было единогласным. Все было буднично и просто. Совершенно обыкновенно. За исключением одного: я прошел этот путь с хорошими учителями, прекрасными коллегами и отличными помощниками. От начала до конца. Сам. И доказал, что если сильно захотеть, **можно все сделать**. Улыбнувшись, я мог бы повторить вслед за Зигмундом Фрейдом: – "Когда меня критикуют, я могу себя защитить, но против похвал я бессилён".

Учеба и работа в области психологии, разумеется, продолжались и продолжают постоянно. Для любознательных могу сказать, что после защиты я опубликовал статьи, как по перцептивной деятельности в ограниченном поле [21], так и по психологической службе на автотранспорте [25] в столичных академических психологических журналах и в других сборниках [24; 31; 35; 38; 39]. А из событий последних лет самым памятным для меня было выступление на Юбилейной научно-практической конференции, посвященной 40-летию кафедры психологии СГУ (9–10 декабря 2011 г.) и публикация как бы "итоговой" статьи "История ограниченного поля видения" в сб.: "Опыт и перспективы развития университетской психологии в Саратове" (2011г.) [42].

О том, как и чем были заполнены годы, начиная с 1983 -1984 годов и по наши дни, – постараюсь по возможности кратко. Поскольку речь пойдет уже немного о другом.

А что потом?

Еще рокочет голос струнный,
но командир уже в седле...

Не обещайте деве юной
любви вечной на земле!

Б.Ш. Окуджава

После защиты внешне ничего не изменилось. Как сказал мой приятель, "Отряд не заметил защиты бойца". Лаборатория жила отлаженной, размеренной жизнью. Производственные службы не обременяли себя какими-либо поощрениями отличившихся в научной сфере. Никаких движений не делала и кафедра психологии СГУ. Только перестали писать в расписании "инженер Августевич". Но ведь действительно, университет уже давно выдал мне "доверенность" на преподавание психологии. Своей защитой я лишь подтвердил оценку моей квалификации, привел в соответствие ожидаемый статус и реальность. К тому же формально надо было дождаться Решения ВАК и получение Диплома.

Вопрос о своем будущем я задавал не окружающему миру, а себе, спрашивая: – что я хочу?

Хочу ли я придти на кафедру, в университет? Может быть. Но в каком качестве? Ассистент? Старший преподаватель? Почасовик? До доцента еще надо было дожить. И что потом? Это с одной стороны. А с другой – хочет ли меня кафедра? За все время нашего знакомства, кафедра еще не разу не приглашала меня в свой штат. Это очень важный момент наших отношений, который непременно надо учесть.

Хочу ли я остаться в Лаборатории? Вроде бы, да. Но не сегодня-завтра я, вероятно, почувствую насыщение. Скорее всего, в ближайшее время мне тут будет уже тесновато. А чем я займусь до этого, прямо сейчас, или в ближайшие год-два? Молодые люди, вчерашние выпускники университета, и те не горят большим желанием надолго здесь оставаться.

Какие еще есть опции? Создавать психологическую лабораторию в другом вузе? А есть ли сейчас в обществе социальный заказ на подобные организации? Кажется, нет. Просто пойти куда-то рядовым преподавателем? Но куда, если опять же не в университет? Создавать свою кафедру? Но где?

Все это было очень неопределенно, туманно. А главное, прямо сейчас, после защиты, когда я был еще наполнен-переполнен идеями, не вошедшими в диссертацию, понять свои желания было трудно.

Как всегда, помог случай. Малоизвестные преподаватели кафедры философии СГУ, краем уха слышавшие обо мне, предложили принять участие в так называемой "Деловой игре". А заодно и познакомиться с ее особенностями и методологией. Оказывается, в Саратове сложилась группа энтузиастов, из числа философов и, так называемых, методологов, которые в режиме многодневного семинара проводят специальным образом подготовленные встречи с целью поиска организационно-производственных управленческих решений. Эти встречи получили название "деловая игра". В ней с помощью не сложных методических и психологических приемов создавалась

творческая атмосфера, которая способствовала рождению оригинальных управленческих и организационных решений. Для знакомства мне предложили несколько дней походить на уже прямо сейчас идущий семинар, а потом обсудить свои впечатления и обменяться мнениями.

Выяснилось, что у методологов есть "мозговой центр" и есть лидер этой формы анализа производственных отношений Георгий Петрович Щедровицкий, который работает "где-то там, в Москве" (я не очень удивился, когда встретил его на кафедре В.П. Зинченко в МГУ), что он асс в проведении "деловых игр". А в Саратове есть его ученики и последователи: Владимир Южаков, Виктор Хасин, Виктор Орлов и другие, что с ними активно сотрудничает зав кафедрой философии СГУ Тамара Петровна Фокина.

Я с большим удовольствием и надеждами вошел в эту команду. Мне импонировало, что эти высококолобые интеллектуалы активно погружаются в производственную тематику, свободно общаются с производственниками, исполнителями и управленцами, погружаются в их проблемы и помогают им в поиске решений. Выяснилось, что Г.П. Щедровицкий предложил оригинальный, так называемый, «системо-мысле-деятельностный подход» к анализу широчайшего спектра социокультурно-интеллектуальных явлений. Именно на этой базе и была создана принципиально новая социокультурная практика – **организационно-деятельностная игра** (та самая деловая игра, но подготовленная и проведенная не самоучками-любителями, а высокоинтеллектуальными профессионалами). Как объяснял Г.П. Щедровицкий, **игра** представляла собой уникальный инструмент для анализа и развития практически любых систем мыслительной деятельности, в том числе производственных организаций, интеллектуальных направлений, программ и проектов.

Технология этих игр предполагала работу консультантов (преподавателей) с ведущими специалистами и организаторами производства (заказчиками), в ходе которой им ("производственникам") помогали выйти за границы своей должности, а также сложившейся системы отношений, и свободно, ни чем не сдерживая себя, предложить новые решения совершенствования технологии, отношений, а если надо, то конструкций, материалов, и других параметров, которые, по их мнению, могут способствовать предлагаемым решениям.

Затем устраивались "защита" этих предложений, "мозговой штурм" и оформление их в виде предложений для администрации, руководителя, дирекции.

Вся это драматургия, режиссура и сценография, как мне казалось, призвана была найти решение, как, по сути ничего не меняя,

противостоять застою и регрессу в экономике, в производстве, в обществе и общественных отношениях.

Особое место в этих играх занимала психологическая работа с представителями "заказчика", позволяющая им выйти из повседневности, войти в новую для себя и коллег роль, почувствовать себя свободными, раскованными, "всемогущими".

Я принял успешное участие в нескольких подобных играх в роли (функции) "психолога". А летом 1985 года я организовал и самостоятельно провел свой собственный семинар – деловую игру с командой Саратовского авиационного завода. Ее цель заключалась в подготовке предложений для Минавиапрома по возобновлению выпуска новой серии самолета Як-42. Эта игра заняла несколько месяцев. В ее результатах завод был крайне заинтересован, т.к. его новый директор В.К. Коняшко намерен был продолжить курс на совершенствование самолета Як-42 и возобновить его выпуск. Освоение этой модели велось с 1976 года без прекращения производства самолетов Як-40. Главная трудность была в необычных для завода больших по размерам и сложных по технологии и обработке деталях. Тогда заводу пришлось провести перепланировку цехов, создать специальные участки для сборки крупных агрегатов, освоить новые материалы и технологические процессы. Сейчас представлялась возможность использовать эти наработки и заделы.

Мы успешно довели игру до финиша, подготовили итоговый документ. Но, к сожалению, наши предложения не были реализованы, так как Минавиапром решил прекратить выпуск этого самолета. Все были очень огорчены. Но лично для меня это был большой успех, я приобрел колоссальный опыт по формированию команды, управлению ею, организации ее работы и подготовке важного документа.

Однако все эти интересные эпизоды, обогащающие опыт диверсификации, не складывались в какое-то постоянное место работы, требующую развернутую программу действий. Но активность моя была замечена. И в сентябре 1985 г. меня пригласили на постоянную преподавательскую работу.

Вуз назывался "Волжский филиал Всесоюзного института повышения квалификации инженерно-технических и руководящих работников" и входил в структуру Министерства мелиорации и водного хозяйства СССР. Располагался он в городе Энгельсе, на левом берегу Волги, напротив Саратова. На улице с многозначительным и обещающим названием – "Студенческая". Предыдущую почасовую работу в СГУ за 10 лет кадровики мне зачли как 7 лет преподавательского стажа. Принят я был для начала на полставки старшего преподавателя кафедры управления. Но вскоре по конкурсу получил должность доцента, а позже стал деканом. А спустя некоторое

время по совокупности работ и публикаций получил Аттестат ВАК, извещающий о присвоении ученого звания ДОЦЕНТА по кафедре психологии. В дальнейшем я организовал в Институте исследовательскую группу, пригласив в нее выпускников-психологов СГУ **Сергея Журавлева, Геннадия Копёнкина и Людмилу Аксеновскую**. Эпизодически для усиления нашего небольшого психологического коллектива к нам подключалась доцент кафедры психологии СГУ **Ирина Эмильевна Стрелкова**. Теперь, в ходе обучения мы могли ориентировать наших студентов – зрелых практических руководителей – на психологические методы совершенствования своей деятельности. Это открывало большие перспективы, и руководство Института ценило наши усилия.

История и особенности этой работы могли бы стать интересным и перспективным направлением в области психологии управления и организации управленческой деятельности. Потому что речь шла не о пересказе учебников, не о лабораторных экспериментах, а о реальном внедрении в повседневную производственную жизнь обдуманых и научно обоснованных управленческих решений. Но тут пришли времена коренной перестройки промышленности, а потом и всей страны, Распался Советский Союз, были свернуты эпохальные работы по мелиорации и повороту рек. Институт потерял своих студентов, а у его преподавателей началась другая жизнь.

Городу Энгельсу, видимо, не суждено было (в этот раз?) превратиться в академическую столицу, наподобие Оксфорда. Геннадий Копёнкин ушел в правоохранительные органы. Сергей Журавлев занялся собственным бизнесом, и мы с ним стали видеться крайне редко. Лишь Людмила Аксеновская, хотя и вынуждена была покинуть этот славный Институт, но, все-таки, продолжила работать в сложившейся интересной тематике и достаточно быстро стала Людмилой Николаевной, кандидатом, а затем доктором психологических наук, профессором и деканом. Именно того самого факультета психологии СГУ, который начинался в 1970е годы с кафедры психологии биологического факультета, о которой шла речь выше. Сегодня у нее внушительный шлеф почетных и реальных должностей и званий, как в отечественной, так и в зарубежной науке. Но самое главное, что она успешно разработала собственное оригинальное направление в психологии управления и организационной психологии и энергично продолжает его углублять.. Хотя в академическом мире в оценке результатов деятельности принято проявлять осторожность и сдержанность, эта научная траектория мне близка не только профессионально, но, прежде всего, идейно. Она вызывает у меня не просто горячее искреннее одобрение, но восхищение, переходящее в восторг! Это ли не еще один яркий пример,

когда успех приходит вслед за упорным трудом. И подтверждение, что внешняя помощь и поддержка эффективны, лишь когда есть собственная внутренняя, личная энергетика, порыв и сила.

Мы и сейчас продолжаем поддерживать наши контакты. И каждая новая встреча или совместная работа возвращает нас к памяти общих дел и надежд.

Что касается моей работы, то последующие годы были не столь результативны, но не менее интересны. Однако – это уже другая история. И об этом – в другой раз.

Литература

1. Августевич С.И. Повышение технологичности изделий - важнейший резерв интенсивного развития отрасли. "Технология авиационного приборо - и агрегатостроения." 1971, №3, с.38-39. (В соавторстве: Ионов В.А., Шаров С.Е., Волосевич М.П.)
2. Августевич С.И. О психологических основах научной организации труда и управления производством. В сб. "Основные направления совершенствования научной организации производства, труда и управления." Саратов, 1972, с.51-67. (В соавторстве: Кайро В.В.)
3. Августевич С.И. Повышение надежности бортовых индикаторных приборов. "Технология авиационного приборо - и агрегатостроения." 1972, №1, с.21-24. (В соавторстве: Ионов В.А., Кожев Б. И., Рындин Г.А.)
4. Августевич С.И. Качество конструкторской документации и уровень технологичности приборов и систем. "Технология авиационного приборо - и агрегатостроения." 1972, №4, с.28-32. (В соавторстве: Ионов В.А., Кожев Б. И., Павлов В.Г.)
5. Августевич С.И. Сравнительная оценка технологичности тары для изделий точного приборостроения. "Технология авиационного приборо - и агрегатостроения." 1974,, №1, с.27-29. (В соавторстве: Павлов В.Г., Ионов В.А.,).
6. Августевич С.И. Психологический анализ деятельности конструктора с позиций научной организации труда. В сб. "Основные направления совершенствования научной организации производства, труда и управления." Саратов, 1972, с.32 - 40. (В соавторстве: Ионов В.А.)
7. Августевич С.И. Исследование деятельности контролера технической документации. В сб. "Основные направления совершенствования научной организации производства, труда и управления." Саратов, 1972, с.89-92. (В соавторстве: Павлов В.Г.)
8. Августевич С.И. Восприятие графической информации при решении технических задач. В кн. "Проблемы инженерной психологии и эргономики. Ярославль, 1974, с. 53-55.
9. Августевич С.И. Направленность внимания в чтении технического чертежа. В кн.: "Тезисы докладов XIII научной конференции Саратовского отделения Общества психологов". Саратов, 1972, с.12-13.
10. Августевич С.И. Динамика внимания в чтении чертежа. В кн.: "Тезисы докладов XIV научной конференции Саратовского отделения Общества психологов". Саратов, 1973, с.12-13.
11. Августевич С.И. Методика регистрации перцептивных действий при искусственном ограничении поля зрения. В кн.: Эргономика. Труды ВНИИТЭ. вып. 2. - М., 1971. с. 169 - 182.
12. Августевич С.И. Особенности управления коллективом, работающим по методу бригадного подряда. В кн.: "Тезисы докладов к I Всесоюзн. науч. конференц. по психологии управления". Часть II. - М., 1979, с. 271 - 272.
13. Августевич С.И. К вопросу о диспетчеризации управления. В кн.: "Тезисы докладов к I Всесоюзн. науч. конференц. по психологии управления". Часть II. - М., 1979, с. 520 - 521.
14. Августевич С.И. Перцептивный анализ центрации поля зрения водителей. В кн.: "Медико-биологические проблемы трудовой деятельности водителей автомобилей". - М., 1979, с. 104 - 105.

15. Августевич С.И. Анализ зрительного внимания водителей пассажирского автотранспорта. В кн.: "Медико-биологические проблемы трудовой деятельности водителей автомобилей". - М., 1979, с. 146 - 148. (В соавторстве: Страхов В.И., Мушина В.И.)
16. Avgustevich S.I. Tract and strategy of examination under limitation of field of vision. - In.: XXII International Congress of psychology./ Leipzig, GDR, 1980, v.I. p.98.
17. Августевич С.И. Маршрут и стратегия рассматривания при ограничении поля видения. В кн.: "Тезисы научных сообщений советских психологов к XXII Международному психологическому конгрессу". Ч. II. - М., 1981. с. 43 - 44.
18. Августевич С.И. Новая методика ограничения поля видения. // Вопросы психологии. М., 1982. №4. с. 140 - 143.
19. Августевич С.И. Перцептивная деятельность оператора-наблюдателя в условиях искусственного ограничения поля видения. Автореферат диссертации на соискание уч. ст. кандидата психологических наук. М., МГУ. 1983.
20. Августевич С.И. Комплексы психологической регуляции на автотранспорте. В кн.: "Психологическая саморегуляция." М., 1983. Вып. 3. с. 155 - 157.
21. Августевич С.И. Оценка длины линии в ограниченном поле видения. Психологический журнал. М., 1983. Т. 4, №3, с.32- 41
22. Августевич С.И. Функции психолога в детской спортивно-технической школе. В кн.: Психологическая служба в школе. Тезисы симпозиума. Часть I. - Таллин, 1983. с. 117 - 119. (В соавторстве Копытов А.Г., Колясева Т.А.)
23. Августевич С.И. Опыт планирования психологической подготовки школьных спортивных команд. В кн.: "Психологическая служба в школе". Тезисы симпозиума. Часть I. - Таллин, 1983. с. 136 - 138. (В соавторстве Стрелкова И.Э.)
24. Августевич С.И. Перцептивная деятельность при оценивании длины линейного объекта. В кн.: "Категории, принципы и методы психологии". Часть I. Тезисы научных сообщений советских психологов к VI Всесоюзному съезду Общества психологов СССР. - М., 1983. с. 67 - 69.
25. Августевич С.И. Психологическая служба в автомобильном транспорте. // Психологический журнал. М., 1984. Т.5, №1. с. 85 -93. (В соавторстве Кокушкин А.А.).
26. Августевич С.И. Социально-психологический портрет инженерно-технического работника автотранспортного предприятия. Руководитель работы и исполнитель. Отчет о НИР. 65 с., 84.03.21. № гос. регистр. 01830084308. ВНИИЦ, Инв. № 02840038284. Сборник рефератов НИР, Сер.I. М., 1985, №3, с. 24, 15.03.85.161 (В соавторстве Богданова Н.В.).
27. Августевич С.И. Некоторые аспекты теоретико-экспериментального исследования сознания. Руководитель работы. Отчет о НИР. 41 с., 84.08.15. № гос. регистр. 01830084309. ВНИИЦ, Инв. № 02840086 6569. Сборник рефератов НИР, Сер.I. М., 1985, №8, с. 6, 02.08.85.032 (В соавторстве Иванов Е.М.).
28. Августевич С. Роль и место психолога в подготовке юных спортсменов-автомобилистов. Руководитель работы и исполнитель. Отчет о НИР. 30 с., 84.11.23. № гос. регистр. 01830084308. ВНИИЦ, Инв. № 02840086568. Сборник рефератов НИР, Сер.I. М., 1985, №9, с. 21, 15.09.85.085 (В соавторстве Копытов А.Г.).
29. Августевич С. Некоторые аспекты работы психологической службы на автотранспорте. Руководитель работы и исполнитель. Отчет о НИР. 40 с., 84.11.2. № гос. регистр. 01830084308. ВНИИЦ, Инв. № 02840086570. Сборник рефератов НИР, Сер.I. М., 1985, №12, с. 16, 04.12.85.094 (В соавторстве Дергунова Г.А.,

Журавлев С.Е., Захарова Г.И., Иванов Е.М., Карачун И.В., Осипов А.Б., Павлова И.А., Романов К.М., Румянцева Т.А., Харченко В.А.).

30. Августевич С.И. Возможности экстраполяционных задач для оценки утомления водителей. В кн.: "Способы изучения и предупреждения производственного травматизма". - Пенза. 1984. с. 65 - 68 (В соавторстве Августевич О.Б.)

31. Августевич С.И. Послесменная релаксация как способ снижения производственного травматизма. В кн.: "Психологические проблемы индивидуальности". - Пенза. 1984. с. 86 - 89 (В соавторстве Журавлев С.Е., Румянцева Т.А.)

32. Августевич С.И. Индивидуальные стратегии перцептивной деятельности в условиях ограниченного поля зрения. В кн.: "Способы изучения и предупреждения производственного травматизма". Вып. II. - М., . 1984. с. 137 - 140 (В соавторстве Журавлев С.Е.)

33. Августевич С.И. Роль психологической службы в социальном управлении на автотранспорте. В кн.: "Актуальные проблемы профилактики травматизма при дорожно-транспортных происшествиях". Горький, 1984. с. 70 - 71 (В соавторстве Журавлев С.Е., Ихсанов Р.Ф.).

34. Августевич С.И. Прогнозирование успешности деятельности водителя. В кн.: "Актуальные проблемы профилактики травматизма при дорожно-транспортных происшествиях". Горький, 1984. с. 96 - 98 (В соавторстве Гарбер Е.И., Дергунова Г.А., Захарова Г.И.).

35. Августевич С.И. Оценка линейного размера объекта в ограниченном поле зрения. В сб.: "Проблемы оценивания в психологии". - Саратов. 1984. с. 84 - 89

36. Августевич С.И. Исследование эффективности визуальной деятельности водителя в лабораторном эксперименте. В кн.: " Проблемы инженерной психологии. Тезисы VI Всесоюзной конференции по инженерной психологии". Л., ЛГУ. 1984. с. 3

37. Августевич С.И. Исследование стилевой характеристики деятельности в целях профотбора водителей. В кн.: " Проблемы инженерной психологии. Тезисы VI Всесоюзной конференции по инженерной психологии". Л., ЛГУ. 1984. с. 91- 92. (В соавторстве Дергунова Г.А.).

38. Августевич С.И. Централизация работы с кадрами как фактор оптимизации социального планирования В кн.: "Актуальные проблемы планирования социального развития регионов, предприятий и организаций". - Куйбышев, 1985, с. 46-48.

39. Августевич С.И. Формирование нравственного сознания психологов. В кн.: "Формирование нравственного сознания студенчества и молодежи". - Сыктывкар, 1985, с. 49 - 50

40. Комплексы психологической регуляции на автотранспорте.// В сб. "Психологическая саморегуляция". Под ред. А.С. Ромена. М., 1983. Вып. 3, с. 155-157.

41. Опыт работы кабинетов психологической разгрузки. НИАТ. 1984.

42. Августевич С.И. История ограниченного поля зрения. В сб.: Опыт и перспективы развития университетской психологии в Саратове. Матер. Юбил. научно-практич. конф. 9–10 дек. 2011 г. Саратов. с. 5-14.

43. Информационные листки

43/1 Августевич С.И. Комнаты психологической регуляции (КПР). № 556-81. Саратов, ЦНТИ. 27.10.81

43/2. Августевич С.И. Метод оценки нарушения сенсомоторики. № 547-83. Саратов, ЦНТИ. 21.11.83

43/3. Августевич С.И. Анкета оценки морально-деловых и личностных качеств инженерно-технических работников. № 548-83. Саратов, ЦНТИ. 29.11.83

43/4. Августевич С.И. Приспособление для оценки точности координационных движений рук. № 556-83. Саратов, ЦНТИ. 30.11.83

43/5. Августевич С.И. Метод оценки продуктивности и организованности мышления. № 449-84. Саратов, ЦНТИ. 3.10.84

43/6. Августевич С.И. Анкета социологического опроса для проведения дня открытого письма. № 450-84. Саратов, ЦНТИ. 4.10. 84

43/7. Августевич С.И. Метод оценки качеств внимания. № 448-84. Саратов, ЦНТИ. 4.10.84

43/8. Августевич С.И. Метод изучения морально-нравственного облика водителей. № 447-84. Саратов, ЦНТИ. 11.10.84.

44. Василюк Ф.Е. Свобода как жизненный стиль (о Владимире Петровиче Зинченко) // Культурно-историческая психология. 2014. Т. 10. № 2. С. 13—19.

Опубликовано

Первая редакция 20.10. 2017. Сайт МеМУЦ

Вторая редакция 26.03.2020 Сайт МеМУЦ

С.И. Августевич

Добро пожаловать в психологию!

Воспоминания

Под редакцией профессора Л.Н. Аксеновской

Подписано в печать 17.02.2020 г.. Формат 60×84/16.
Усл.-печ. л. 10. Тираж 300 экз. Заказ № .618

Издательский центр «Наука»
410012, г. Саратов, ул. Е.И. Пугачева, д. 117, кв. 50
Типография Саратовского университета
410012, г. Саратов, ул. Большая Казачья, 112А